80 - 3444 (1)

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР
Иркутский государственный университет им.А.А.Жданова

МЕЗОЛИТ ВЕРХНЕГО ПРИАНГАРЬЯ
Памятники Иркутского района
Сборник научных трудов

Иркутск 1980

Сборник посвящен основным донеолитическим памятникам в районе г.Иркутска. История открытия и исследования опорного для юга Восточной Сибири многослойного археологического памятника Верхоленская Гора и соседних стоянок дополняют и уточняют возраст, геолого-стратиграфическую и гипсометрическую характеристики друг друга.

Фактический материал описываемых памятников дается по возможности наиболее полно и может представлять интерес для историков, археологов, геологов-четвертичников и геоморфологов.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета им.А.А.Жданова

Редакционная коллегия: М.П.Аксенов, канд.ист.наук (отв.ред. Г.И.Медведев, канд.ист.наук, В.В.Свинин, канд.ист.наук, Г.М.Георгиевская, канд.ист.наук, Л.Н.Иваньев, канд.геол.-минерал.наук, И.Л.Леженко (отв.секр.).

С

Иркутский государственный
университет им.А.А.Жданова,
1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1971 г. вышел в свет сборник "Мезолит Верхнего Приангарья", часть I. Это было первое в нашей стране тематическое издание по археологии камня, предлагавшее читателю более или менее систематические сведения по "мезолитической изученности" конкретного региона.

С тех пор прошло 9 лет. Монографические публикации по мезолиту различных районов Европейской части СССР и Средней Азии стали явлением обычным (Матюшин, 1976; Мацкевой, 1977; Кольцов, 1977).

Но для археологии обширных пространств Северной Азии 1-й выпуск остался по-прежнему единственным специальным изданием, теперь уже произведенным в разряд библиографической редкости.

Спустя 9 лет мы предлагаем читателю "Мезолит Верхнего Приангарья", часть II - второе по счету специальное издание "мезолитических древностей" в общем потоке сибирской археологической литературы. По своему это символично. Проблема мезолита и по сей день окружена ореолом достаточно острой дискуссионности. В археологии Северной Азии эта полемическая ситуация особенно рельефна.

Не имеет смысла на этих страницах анализировать сохраняющуюся до сих пор в археологической литературе "мезолитическую неурядицу". По сути дела, как применение термина "мезолит", так и его отрицание осуществля-

ются "явочным порядком" без излишнего обоснования, та же картина - в определении содержания явления, именуемого "мезолитом", "эпипалеолитом", "протонеолитом" и т.д.

Всем авторам, участвующим в мезолитической полемике вполне понятно, что объем содержания современного знания об объекте исследования и его предметных вариациях давно вышел за первоначальные терминологические границы. Тем не менее, попытки противопоставить один вариант систематизации материалов другому продолжают копировать по страницам археологических изданий. Мы полагаем, что в настоящее время имеет место особый период в истории развития проблематики мезолита. "Примирительный" вариант его решения сейчас невозможен, и "конвенционального" решения не примет ни один, даже самый представительный форум специалистов.

Исно одно, хронологический рубеж 13-15-го тысячелетий - время серьезных то более скрытых и неявных изменений в каменной индустрии древних культурных ареалов, то более явных и конкретных. Где-то в этих пределах находится нижняя хронологическая граница, ранние этапы того периода, который определяется условным термином "мезолит". Верхняя хронологическая граница приходится на 8-7-е тысячелетия. "Развитые комплексы "мезолита" помещены в промежуток 13-10-го тысячелетий.

В каких регионах и в каких хронологических рамках происходили события "более мезолитические" или "более эпипалеолитические", "протонеолитические", где они приобретали внешнее выражение по совокупности культурных остатков, более "техническое" или более "экономическое" - спорить, доказывая и опровергая, исследователи будут еще долго.

Но непреложным требованием, постоянной питательной средой дискуссий и будущих решений остается публикация новых фактических материалов.

Настоящий сборник статей предлагает далеко не новые мезолитические материалы разных лет исследований,

собранные различными исследователями и проанализированные в различном методическом ключе. Но большинство из них не были до сих пор опубликованы и все вместе, в таком сочетании, не появлялись в печати. Мы хотели бы видеть в этой публикации своего рода выполнение "обязательной программы" по вводу в научный оборот старых археологических сборов по второму району концентрации памятников мезолита - Аркутскому. В будущем планируется выпустить новые материалы по другим районам зоны юга Средней Сибири, более однородные и по методу изъятия их и обработанные в едином стиле. Это задачи очередного выпуска.

Настоящий сборник открывает подробный историографический очерк исследований стоянки Верховенская Гора - "бабушки" ангарского мезолита, написанный М.П. Аксеновым и А.П. Окладниковым. Академик Окладников - участник первых масштабных раскопок Верховенской Горы в 20-х гг., осуществленных профессором Б.Э. Петри. М.П. Аксенов - исследователь, завершивший последний этап исследований памятника в 30-х гг. Статья наполнена большим количеством интересных фактов, многие из которых публикуются впервые. И считаю, что к сказанному в статье можно было бы добавить упоминание о Головкине, шурфовавшем Верховенскую Гору в 1919 г.; интересный факт целенаправленных раскопок на Верховенской Горе в 1937 г., осуществленных М.М. Герасимовым по заданию Эрмитажа; важное указание на то, что в 1947 г. И.В. Арембовскому Полевым комитетом ИИМК был выдан Открытый лист на право раскопок стоянки Верховенская Гора, и раскопки состоялись при участии в них М.Р. Полесских, П.П. Хороших и др.

В статье Л.Н. Иваньева и С.М. Цейтлина впервые приводится вся сумма данных по стратиграфии и геохронологии вмещающих культуру отложений. Читатель увидит, что не все выводы авторов бесспорны, но так и должно быть при публикации всего известного материала. Теперь исследователи смогут оперировать вполне достаточным объемом данных и критически подойти к проблеме геологии и геоморфологии памятника.

Статья И.Л.Лежненко посвящена тому периоду исследований Верхоленской Горы, когда внимание исследователей все более стала привлекать площадь стоянки на 90-100-метровых отметках. Эти исследования только развернулись. Надо полагать, что в будущем они принесут много интересного для характеристики памятника. Пока же сама публикация нового материала имеет чрезвычайно важное значение.

В статье М.И.Аксенова - основной статье сборника, вводящей в оборот массовый материал раскопок 1963-1977 гг. - впервые дается развернутая характеристика артефактов главной мезолитической стоянки Иркутского района. Читатель должен иметь в виду, знакомясь с текстом и таблицами статьи, что жесткие рамки объема авторского листа не позволили включить рисунки и анализ уникальных сборов Б.Э.Петри. Этот материал авторы согласились оставить до будущих лучших времен, отдав предпочтение хорошо стратифицированному и датированному материалу новых раскопок.

В статье Г.И.Медведева и А.М.Георгиевского публикуются мезолитические материалы по "самой неизвестной" стоянке Иркутского района - Царь-Девине. В статье обобщены результаты раскопок Б.Э.Петри 1924 г. и авторов 1966 г. Публикуемые сведения уникальны по той простой причине, что стоянки больше не существует. В 1896 г. она была на две трети уничтожена строительством Великого Сибирского Пути. Остальную треть ликвидировала многолетняя деятельность железнодорожного узла. Будущим исследователям обосновывать или опровергать доказательства и сомнения придется, основываясь лишь на типологии материала, принимая все остальное "на веру".

В.Р.Свинин публикует материалы героически спасенной им и школьниками района стоянки в местности Лисиха. Еще А.С.Еленев собирал здесь на поверхности удивительно интересный материал, который также не включен в сборник для сравнения из-за ограниченности объема. Этот памятник в общей массе стоянок Иркутского района - самый молодой по истории исследования и синхронен Царь-Девине.

таким образом, завершая предисловие, мы уверены, что читатель уже понял: Эта часть сборника "Мезолит Верхнего Приангарья" не является заключительной главой в исследованиях мезолитического периода на юге Иркутского амфитеатра и тем более - в публикации материалов стоянок этого района.

Выражаем благодарность и признательность всем, кто своим трудом и поддержкой способствовали успеху полевых, камеральных исследований по мезолиту Приангарья и подготовке к изданию настоящего сборника.

Г. И. Медведев

М.П.Аксенов, А.П.Окладников

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХОЛЕНСКОЙ ГОРЫ

Впервые в литературе топоним "Верхоленская гора" в связи с археологическими находками упоминается в 1830 г. в вышедшей в Санкт-Петербурге книге М.М.Геденштрама "Отрывки о Сибири". Точной даты и места археологических находок, упомянутых в книге "путешественника поневоле", установить невозможно. Всего вероятнее, сведения о находках орудий были получены М.М.Геденштрамом в период его службы в канцелярии Иркутского гражданского губернатора между 1813 и 1819 гг. (Шукин, 1865), но, возможно, и ранее - в 1808 г., когда он находился в Иркутске, готовясь к экспедиции в Заполярье. Судя по указанному расстоянию, находки были сделаны в каменоломнях в районе пади Барниковой.

Беглое упоминание об археологических находках в районе Верхоленской Горы не осталось незамеченным. Когда в 1874 г. известному сибирскому археологу Н.И.Витковскому из верхоленских каменоломен были доставлены новые археологические находки, он отметил, что первая констатация факта наличия остатков древней культуры на Верхоленской Горе принадлежит Геденштраму. При этом Витковский (1889) не сомневается, что находки, описанные Геденштрамом, и новые каменные изделия происходят из одного места.

Место каменоломен, упоминаемых Витковским, мы можем определить довольно точно. В 80-х гг. XIX в. добыча камня в районе Иркутска производилась "влево от Якутского тракта, против р.Топки" (Известия Иркутской городской думы). Старые каменоломни в этом районе имеются только на одном склоне Верхоленской Горы между падами Барниково² и Ситниково³ (Чубуков⁴). На основании этого мы устанавливаем тождество между местом нахождения герцых археологических предместов из Верхоленских каменоломен и местоположением памятника Верхоленская Гора (рис. 1).

Сообщения Геденштрома и Витковского составляют своеобразную предисторию исследования Верхоленской Горы. Ими констатируется факт несомненного наличия культурных остатков в этом районе, но в то время исследователи еще не проводили работ в пределах древнего местонахождения.

Начало исследований на Верхоленской Горы и собственно настоящее ее открытие как археологического памятника относится к 1893 г. В этом году М.П.Свчинников и А.С.Еленев осмотрели склоны возвышенностей и пашни, расположенные на них, на участке от Якутского тракта до пади Убийенных и произвели сбор подземного материала. Свчинников в своей статье (1906) прямо указывает, что его исследования на Верхоленской Горы начинаются с 1893 г. Несмотря на это в литературе имеется, по крайней мере, две даты этого события. Г.П.Сосновский указывает: "В 1897 г. М.П.Свчинников в окрестностях Иркутска на Верхоленской Горы сделал свои первые сборы древних каменных орудий, залежавших вместе с ископаемой фауной..." (1934, с. 247). Возможно, автор имел в виду время нахождения археологических предметов совместно с фауной в обнажении склона горы, а не время открытия памятника. Но и в этом случае допускается ошибка, так как сам Свчинников о факте совместного нахождения культурных остатков и костей ископаемых животных сообщает в Археологическую комиссию в начале 1897 г. (до начала "полевого сезона" - Архив ИИМК, № 56, 1895). Дата, опубликованная Г.П.Сосновским, вошла в ряд последующих работ различных авторов как дата открытия Верхоленской Горы (Ефименко, 1938, с. 586; Береговая, 1960, с. 26). Первую попытку исправить недоразумение

оделал Г.И.Медведев (1961, с. 235). Просматривая коллекции Овчинникова, он обнаружил на находках пометки: "ВГ 1895". Это дало ему основание считать 1895 год годом открытия памятника.

Однако, кроме публикации, в рукописи, хранящейся в архиве ДОНА АН СССР (Архив ИИМК, с. 17) и на ряде предметов рукой И.П.Овчинникова проставлена дата - 1893 г. Этого вполне достаточно для того, чтобы исправить досадную ошибку и восстановить подлинную дату начала исследований на Верхоленской Горе.

С именем И.П.Овчинникова связан целый этап в истории археологического исследования Прибайкалья. Подавляющее большинство памятников древности в окрестностях Иркутска открыты этим "дедушкой сибирской археологии" (Петри, 1922в). Неутомимый разведчик сибирских древностей, археолог-самоучка, он был одержим целым рядом идей, которые стремился разрешить своей упорной деятельностью. Одна из таких идей - отыскание истоков истории якутов, их прародины и привела энтузиаста на Верхоленскую Гору. Обследуя поверхность крестьянских пашен, он обнаружил многочисленные остатки материальной культуры каменного, бронзового и железного веков. После первых трех лет исследования Овчинников отправил только в Археологическую комиссию более 300 находок с Верхоленской Горы (Архив ИИМК, с. 7-12). В течение этих лет, исследуя ежегодно район Верхоленской Горы, Овчинников очерчивает границы распространения находок, отмечает отдельные местонахождения. Он фиксирует, что находки встречаются на обоих склонах Карниковой пади, прослеживаются по всей горе от Карниковой до Ситниковой пади. Обнаруживает местонахождение в пади Горновой и несколько позднее в пади Убийенных. В обнажении над заброшенной каменоломней на возвышенности между падами Карниковой и Убийенных им был обнаружен культурный слой. В слое глины, примерно на глубине 70 см от дневной поверхности на протяжении около 3 м, "неправильной линией тянется тонкий слой извести, обрывавшийся, надо полагать, от разложения костей; в момент осмотра борта... каменоломни, во многих местах торчали кости животных, как то: стрелки и рога оленя, мамонта, зубра и ковы. Кости эти были настолько

ветки, что от прикосновения рассыпались. Между ними лежали нередко льма, скрепки и осколки с острыми ребрами, и некоторые из них почти прикипали к упомянутым костям" (Овчинников, 1906, с. 66).

Археологические исследования Овчинникова носили исключительно разведочный характер. За всю жизнь он не заложил ни одного раскопа. Многочисленные коллекции, собранные им, состоят исключительно из подземного материала. Единственная статья по археологии, изданная Овчинниковым в "Известиях ВУОРГО" в 1906 г., является краткой сводной наблюдений над различными археологическими памятниками окрестностей Иркутска. Автор касается многих вопросов, которые часто были мало связаны между собой. И вот в этой сумбуриной мешанине из сведений по неолиту, о борьбе автора с администрацией строившейся железной дороги, гипотезы о белокурой сибирской расе, проблемы происхождения якутов, вопросов о культурных связях Старого и Нового Света и определения задач будущих исследований по археологии и антропологии мы находим сведения об открытии и начальном исследовании Верхоленской Горы. Овчинников в своей работе сделал первую попытку определить возраст открытой им культуры. На основании собранных данных он отнес Верхоленскую стоянку к палеолитическому периоду. Не употребляя термина "палеолит", он определенно пишет, что орудия Верхоленской Горы относятся "к весьма отдаленному периоду, когда человек переживал каменный период, одновременно с мамонтом, с гигантским оленем и другими не существующими ныне животными и находился на первых ступенях культур" (1906, с. 67). Характерными орудиями этого периода он считал "колотне" в отличие от "отбивных", которые характеризовали комплексы более поздние, по его мнению, стоянок окрестностей Иркутска - Петрушиной Горы, Лисихи, Царь-Девочки и Кузьмихи. Различия между поздней группой стоянок и Верхоленской Горой он считал возможным определить как различия культурные, вкладывая в понятие "культура" технологический и в конечном счете также хронологический смысл. Морфологическая "грубость" каменных орудий и находки плейстоценовой фауны послужили основанием для подобного определения возраста культурных остатков. Как выяснено недавно, древность стоян-

ки преувеличена. Причинами этого явились, во-первых, чрезвычайно слабая изученность стоянки, во-вторых, почти полное отсутствие данных по палеолиту Приангарья в то время и главным образом отождествление культурных остатков и гигантской фауны. В поднятом материале с большинства местонахождений типа Верхоленской Горы преобладают крупные, довольно грубо обработанные каменные орудия. Часто этот внешне грубый инвентарь необоснованно связывают с древней фауной, встречающейся в Прибайкалье повсеместно, но редко характеризующей культурный слои. Как правило, ошибки подобного рода существуют до первого более или менее тщательного исследования. Не миновала этой судьбы и верхоленская стоянка. Кроме того, фауна, собранная Овчинниковым, так никогда и не была определена специалистами, и он сам допускал возможность ошибки в определении костей (Подгорбунский, 1928а, с. 227). Отсутствовал материал для сравнения. Коллекция единственной известной к тому времени в Прибайкалье палеолитической стоянки Военный госпиталь (Иркутск) бесследно исчезла. Сравнение же материалов Верхоленской Горы с аналогичными, по мнению Овчинникова, находками из открытых им стоянок Рабочий Дом и Глазково в деле определения относительного возраста почти ничего не дало, да и сборы с этих стоянок были очень бедны. Материалы сопредельного енисейского района были недоступны для Овчинникова. Не привлекались для сравнения и западноевропейские образцы. Чувствуя своеобразие ранних сибирских культур, он полностью отрицал возможность сравнения и переноса европейской классификации на сибирскую почву.

Таков итог работ М.Н. Овчинникова на Верхоленской Горе. Он открыл стоянку, предварительно обследовал и сделал первую попытку определить возраст культуры. Его работы составляют первый этап истории исследования Верхоленской Горы.

Невдалго до смерти Овчинников побывал со студентами молодого Иркутского университета на многих открытых им памятниках, в том числе и на Верхоленской Горе и ввел в модели продолжение своих работ (Петри, 1922а, с. 104).

В тесном контакте с Овчинниковым в эти годы работал и другой энтузиаст-археолог, учитель местной гимназии А.С.Еленев. По указанию Овчинникова им производились небольшие раскопки на некоторых памятниках. В фондах Иркутского областного музея краеведения имеется коллекция (инв. № 5720) археологических предметов, собранная Еленевым на Верхоленской Горе. В "Известиях ВСОСРГО" им была опубликована небольшая "Замётка к археологии окрестностей г.Иркутска", в которой, в частности, говорится и о первых исследованиях на Верхоленской Горе (Еленев, 1894).

С весны 1919 г. в исследовании Верхоленской Горы начинается новый, второй этап. С этого времени история памятника тесно связана с исследованиями Иркутского университета и Иркутского областного музея краеведения.

Работы Овчинникова на Верхоленской Горе оставались незамеченными археологами. По-прежнему наиболее древними на территории Сибири считались находки под Томском (исследования Н.Ф.Кашенко) и на Афонтовой Горе (исследования И.Т.Савенкова). Донеолитические культуры Иркутского района оставались неизвестными.

При разборке фондов Иркутского музея профессором Иркутского государственного университета В.Э.Петри были обнаружены верхоленские коллекции Овчинникова. Хорошая теоретическая подготовка и солидный практический опыт, полученный при самостоятельном исследовании ряда археологических памятников Прибайкалья, позволили ему сразу оценить значение музейных находок. Облик инвентаря из овчинниковских коллекций живо напомнил профессору знакомые по центральным музеям материалы из палеолитических местонахождений Европы. Внешнее впечатление, а также большое и давнее желание найти байкальский палеолит закрепило навсегда мнение Петри о верхоленском материале как о несомненно палеолитическом. Приступая к исследованию Верхоленской Горы, Петри, таким образом, уже имел определенное мнение о культуре, историю ему предстояло еще только изучать.

Плановые раскопки Верхоленской Горы начались летом 1919 г. Несмотря на тяжелые условия гражданской войны, Иркутский университет изыскал некоторые средства на проведе-

ние работ. Большая помощь была оказана общественностью города. И все же работы в основном проводились на личные средства Петри (Попов, 1927). Верхоленская Гора явилась первым на территории России памятником донеолитического времени, исследованным после Октябрьской революции (Городцов, 1924).

Раскопкам предшествовали рекогносцировочная поездка Петри и Овчинникова на место стоянки и экскурсия студентов Иркутского университета. Студенческая группа произвела небольшие раскопки. Работы были произведены без особого плана, методом "непосредственного разнесения борта каменоломни". Материал, поступивший в Иркутский музей, был зарегистрирован как развелоchnый, без послонной фиксации находок (ИРОМ, кол. 603).

Дальнейшие исследования на Верхоленской Горе под руководством В.Э.Петри проводились строго по плану. Методика раскопок соответствовала лучшим образцам того времени. Раскопки производились методом покубовой послонной выемки толщи культурными остатками. Этот метод был опробован Петри при раскопках многослойной неолитической стоянки Улан-Хада на Байкале в 1913 г. Площадь, подвергавшаяся раскопкам, разбивалась на пикеты по 25 м². Пикеты обозначались литерами латинского алфавита. Внутри пикета площадь разбивалась на квадраты величиной в 1 м². Эти квадраты обозначались арабскими цифрами. Вся толща делилась на слои, обозначавшиеся римскими цифрами. Таким образом, фиксировалось горизонтальное и вертикальное положение "куба". Высота "куба" зависела и равнялась толщине слоя, вмещающего культурные остатки. "Кубы" послонно снимались лопатами, просеивались на грохоте, содержимое их заворачивалось в пакеты и шифровалось. Более интересные комплексы фотографировались. Все, что выбрасывалось, помещалось в раскопочном дневнике (Петри, 1914, с. 93). Этот в целом прогрессивный метод имел ряд недостатков. Из поля зрения исследователя ускользали ценные данные по планировке стоянки, послонному распространению находок на площади, по выявлению всевозможных комплексов и выяснению их конструктивных особенностей. Фиксация на плане "немых" квадратов, без находок, ничего не давала для исторической реконструкции.

Для того, чтобы правильно понять и оценить исследования Петри, необходимо учитывать не только применявшиеся им мето-

дику полевых исследований, но и общий уровень развития археологической науки.

Дореволлюционная археология России не вышла за рамки периода накопления фактического материала, "вещеведческой" стадии. Еще в большей мере это относится к археологии Сибири. О широких исторических обобщениях не могло быть и речи. На археологической карте по громадным просторам Сибири были рассеяны редкие точки археологических местонахождений и среди них считанные единицы памятников донесолитической культуры. В первые годы Советской власти продолжается процесс накопления археологического материала. Исследования Верхленской стоянки под руководством Петри проводились в первое десятилетие Советской власти. За 10 лет на стоянке было раскопано около 200 м³ слоя, содержащего культурные остатки. Коллекция Петри состояла более чем из 4 тыс. предметов. На основании полученных данных, привлекая материалы предшественников, Петри пытается "разобраться во всем сложном и запутанном материале".

В процессе работ была составлена первая стратиграфическая схема места раскопок. Толщу рыхлых напластований мощностью в 1,94 м, лежащую на урских песчаниках, Петри определял как равновидность лесса эолового происхождения и разделял на три слоя. Не отмечалось каких-либо литологических или генетических различий между слоями. Культурные остатки отмечались во всех трех слоях до глубины 120 см. Все находки относятся к одному культурному слою, метаморфизованному эпигенетическим процессом складчатого сползания лессовых масс вниз по склону горы. Остатки материальной культуры и фаунистические находки синхронизировались и относились к одной "культуре".

В инвентаре стоянки отмечалось удивительное разнообразие форм и приемов обработки - "своеобразный симбиоз орудий различных эпох - от мустье до неолита".

Не менее пестрой по составу является и фаунистическая коллекция Петри. Наряду с плейстоценовой фауной (носорог, джигетай, северный олень, гигантский олень) здесь имеются представители современной лесной и лесостепной зоны (лось,

косуля, благородный олень). Были даже некоторые предположения о наличии остатков домашних животных (корова? овца?).

Несмотря на такое смешение древних и относительно молодых элементов, Петри все находки рассматривает как единое целое.

При определении возраста культуры Верхоленской Горы Петри был вынужден прибегнуть к корреляции с наиболее разработанной схемой периодизации археологических культур Западной Европы. На основании формально-типологического сравнения инвентарного комплекса Верхоленской Горы и европейских культурных комплексов стоянка была отнесена к мадленской эпохе. Сам Петри относился к этому определению как временному. Возраст предполагалось уточнить и привести в соответствие с будущей "сибирской классификацией". Если в первом приближении Верхоленская Гора была отнесена к мадлену в общем (Петри, 1921, с. 9; 1922а, с. 9; 1922б, с. 12; 1922в, с. 46), в последующие годы, получив дополнительный материал и, видимо, учитывая замечания других археологов, Петри уточняет возраст стоянки и определяет его второй половиной или последней стадией мадлена (Петри, 1926, с. 38; 1927; 1928, с. 13).

{ Результаты исследований на Верхоленской Горе были освещены Петри в ряде работ (1921; 1922а, б, в; 1923; 1926; 1927; 1928) }

Работы Петри с самого начала привлекли внимание археологов, геологов-четвертичников и зоологов. В 1924 г. В.А. Городцов в обзоре археологических работ за 1919-1923 гг. специально останавливается на исследованиях Верхоленской Горы. Анализируя данные раскопок, он высказывает свое мнение о возрасте стоянки и на основании фаунистических данных и близости части орудий неолитическим формам предлагает отнести ее к самой конечной стадии палеолита, "но не далее" (1924, с. 7). Для ознакомления с археологическими исследованиями на месте Городцов в 1924 г. выехал в Сибирь. Во время поездки им были осмотрены стоянки Верхоленская Гора (Иркутск) и Афонтова Гора (Красноярск).

Во времени завершения исследований Петри на Верхоленской Горе под сомнение ставится уже сама возможность отне-

сения культуры к палеолиту. В.И.Подгорбунский, анализируя имеющийся материал по археологии, геологии и палеонтологии Верхоленской Горы, в 1925 г. приходит к выводу, что геологических и палеонтологических данных крайне недостаточно. Отсутствие стратиграфического расчленения инвентаря при наличии заведомо разновременных находок чрезвычайно осложняет вопросы датировки. Основываясь на типологическом анализе инвентаря, Подгорбунский не решается датировать культуру палеолитом или неолитом. Он определяет ее положение "как одну из стадий между палеолитом и неолитом, на что до известной степени намекает типичная авильская форма гарпунов, найденных на стоянке" (1928а, с. 229). Дело уточнения датировки культуры он ставит в связь с будущими исследованиями на Верхоленской Горе, при которых необходимо было тщательное исследование геологических условий залегания находок.

На необходимость геологической привязки культурных остатков Верхоленской стоянки указывалось и в докладе Н.К.Ауэрбаха на 1-м Сибирском краевом научно-исследовательском съезде (1928, с. 225).

В этом же году польский археолог Л.Савицкий в своей работе, посвященной сибирскому палеолиту, относит пооднепалеолитические стоянки Сибири к "эпипалеолиту" и сближает их во времени с авиль-тарденуавом Европы.

Неоднородность и разновременность находок на стоянке определялась и методами естественных наук. А.А.Бядницкий-Бируля в фауне Верхоленской Горы определил виды, характерные для двух эпох четвертичного периода - плейстоцена и голоцена¹. На основании палеонтологического анализа он пришел к выводу, что место стоянки Верхоленская Гора было обитаемо на протяжении многих тысяч лет. Он считал, что Верхоленская Гора "служила местом для повторных стоянок человека каменного века". Стоянка определялась многослойной, находки в силу своеобразных геологических условий "перемешаны в самом залегании" (Бируля, 1929).

¹ Предварительное определение фауны Верхоленской Горы было проведено проф. Дорогогомыским.

В.И. Громов и Г.Ф. Мирчина на основании геологических наблюдений считают: "Что же касается стоянки "Верхоленская Гора", то геологические особенности ее местонахождения таковы, что не дают возможности сделать заключение о ее палеолитическом возрасте" (1930, с. 15). Толщу рыхлых отложений, заключающую культурные остатки и определяющуюся ранее как лесовая, они определяют как современный почвенный слой, а три отличающихся по цвету горизонта лесса - тремя горизонтами почвоведов (А, В, С). Ими также отмечается возможность смешения одновременных культурных напластований (1930).

Несмотря на замечания со стороны различных специалистов, Петри, видимо, считал, что материала еще недостаточно, не пересмотрел своей точки зрения на характер и возраст памятника. В конечном итоге придя к выводу, что культура Верхоленской Горы близка к началу неолита, он не вынес ее за рамки палеолита. В своей схеме классификации каменного века Сибири он определил разрыв между верхоленской стацией и началом раннего неолита неохарактеризованными находками (Петри, 1926, с. 37). Составленная Петри схема "Спыт классификации каменного века в Сибири" явилась первой попыткой создания местной схемы археологической периодизации. Выделенные Петри этапы каменного века Прибайкалья были скоррелированы со схемой западноевропейской классификации. По археологии соседних районов Сибири для сравнения были использованы только материалы Афонтовой Горы как наиболее исследованные и имеющие много черт общих с верхоленскими. Обе стоянки Петри относил к мадлену, но Афонтову Гору - к ранней стадии. Анализ материалов по палеолиту и неолиту привел Петри к убеждению, что переход от палеолита к неолиту в Сибири мог совершиться и без влияния извне.

Археологические исследования в Прибайкалье и прилегающих областях в 20-е гг. быстро набирают темпы. Наряду со стационарными исследованиями на таких широко известных памятниках, как Афонтова Гора и Верхоленская Гора идет поиск новых донеолитических местонахождений. На Висеек к этому времени было известно уже более 30 стоянок донеолитического возраста, в Забайкалье - свыше 20, на Лене - 4 (Береговая, 1960). На Ангарах и ее притоках производится целый ряд важ-

ных открытий. В 1923 г. в окрестностях Иркутска, в устье р.Иркут Н.М.Герасимов (1923) открыл подднепалеолитическую стоянку Кайская Гора (Переселенческий пункт). В 1926 г. в непосредственной близости от Верхоленской Горы П.Н.Ходукин обнаружил и исследовал стоянку Ушканка с инвентарем, аналогичным Верхоленской стоянке (Петри, 1927). В 1928 г. начались исследования на всемирно известной палеолитической стоянке Мальта. Свообразная и яркая культура Мальты значительно отличалась от комплекса памятников, объединявшихся понятием "сибирский палеолит", включавшего донецкие памятники Енисея и Ангары. Наиболее важными из них были Верхоленская Гора и Афонтова Гора. Необходимо было выяснить, в каком временном и культурном отношении находятся Мальта и стоянки "сибирского палеолита".

В 30-х гг. в долине р.Белой Герасимов открывает целый ряд стоянок: Камень, Мальтинка, Бадая², Черемушник, Каменоломня. Все эти стоянки он считает аналогичными Верхоленской Горе и относит их к так называемой "авиль-тарденуазской" стадии сибирского палеолита" (1940). В 1932 г. на Мальте выше основного культурного горизонта на 35-50 см были обнаружены культурные остатки, аналогичные бадайским (Верхолениским). В 1936 г. А.П.Окладниковым открыта стоянка Буреть - аналог Мальтинской палеолитической стоянки (Береговая, 1960; Окладников, 1940а,б). Таким образом, было достоверно установлено стратиграфическое соотношение Мальты и "сибирского палеолита": мощная стерильная прослойка (делювий) указывала на значительный разрыв во времени между ними (Герасимов, 1935). Герасимов в классификационной таблице, построенной на основании данных, известных к 1930 г., Верхоленскую Гору вместе с Ушканкой, Бадаем, Черемушником и Тихомировским заводом выносит за рамки мадлена и определяет авилем (1931б).

В 1934 г. вышла работа Г.П.Сосновского "Палеолитические стоянки Северной Азии". Это первая попытка широкого обоб-

² Перевод сбори на беларускіх пісьмах былі зроблены Х.П.Свечніковым в 1995 г.

ния всех имевшихся данных по палеолиту Сибири. В работе Сосновского освещаются материалы Верхоленской Горы. Базируясь на данных Петри и в основном соглашаясь с его интерпретацией, Сосновский делает попытку привязать культурные остатки к определенным геологическим горизонтам. Стоянка определяется как многослойная. Выделяются три культурных горизонта, отличающихся по фауне. Реже различий в инвентаре не отмечается. Верхний и средний горизонты Сосновский относит к поздней стадии верхнего палеолита. Нижний горизонт, к которому вслед за Петри Сосновский относит из фауны носорога, гигантского оленя, северного оленя, дикотая, бика, барана, благородного оленя, собаку-волка, а из инвентаря лавролистные остроконечники, скребла, проколки, мелкие скребочки, гарпуны, костяные наконечники копий и пр., в хронологическом отношении не был определен. Все это нашло отражение в классификационной таблице Сосновского (Сосновский, 1934, с. 294-295)³.

В интерпретации Петри с добавлениями Сосновского Верхоленская Гора вошла в мировую археологическую литературу (Ефименко, 1938, 1953). Все последующие исследования, касающиеся проблем каменного века Сибири, не могли обойтись без использования материалов Петри. Некоторые из его выводов не утратили своего значения до настоящего времени.

Сведения о Верхоленской Горе проникли в зарубежную литературу вскоре после выхода первых работ Петри. Доктор Г.Мергарт в 1923-1924 гг. издал в Вашингтоне и Вене работы по сибирскому палеолиту, в которых имелись некоторые сведения по Верхоленской Горе (Мергарт, 1923; Сосновский, 1934). Особый интерес к материалам стоянки проявили и проявляют до сих пор американские археологи. В 1928 г. в Вашингтоне была издана работа В.Иохельсона "Archaeological Investigation in Kamchatka". Целая глава в ней посвящена археологии Сибири, в том числе сообщались сведения по Верхоленской Горе (Иохельсон, 1930). Работы Петри "Сибирский палеолит" и "Сибирский

³ Г.П.Сосновский (1940) поднепалеолитические стоянки Прибайкалья в хронологическом отношении отождествил с Валлом.

неолит" были переизданы в "American Anthropologist", vol.39 в 1937 г. (Chard, 1958, с. 4-5). Мы не ошибемся, если скажем, что почти во всех исследованиях, связанных с проблемой заселения Америки и вопросами американского палеолита, использованы материалы Верхоленской Горы (Chard, 1958; 1966; West, 1963; Willey, 1966; Morlan, 1968).

После завершения в 1928 г. регулярных раскопок под руководством В.Э.Петри на Верхоленской Горе наступил перерыв в исследованиях, затянувшийся надолго. С 1929 по 1958 г. стоянка эпизодически посещалась различными исследователями, которые за редким исключением ограничивались сбором подъемного материала.⁴ Ни о каком исправлении ошибок или уточнении неясных, спорных вопросов не могло идти речи, ибо никто из археологов, исследовавших стоянку в этот период, не ставил таких целей. Об этом говорят как масштабы, так и результаты работ.

Таким образом, главной фигурой в истории исследования Верхоленской Горы в 1919-1958 гг. следует считать Бернгарда Эдуардовича Петри - профессора Иркутского университета. Благодаря работам под его руководством Верхоленская Гора становится одним из основных опорных памятников каменного века Сибири. Материалы стоянки входят составной частью в фонд мировой археологии. На основании сравнения с данными Верхоленской стоянки строятся хронологические схемы, определяется возраст отдельных памятников и целых культур. Проводятся параллели, выходящие за пределы Старого Света. Данные по Верхоленской Горе входят составной частью в широкие исторические обобщения науки о первобытном обществе (Ефименко, 1938).

⁴ В 1935-1936 гг. на стоянке побывали М.М.Герасимов и В.И.Подгорбунский. В 1947-1948 гг. подъемный материал собирали М.Р.Полесских и П.И.Хороших. В 1953-1956 гг. стоянку посетили М.Р.Полесских, П.И.Хороших, Э.Р.Рыгдылов, В.В.Свинин, Л.И.Иванъев, А.И.Окладников и др. В эти годы Хороших на стоянке был заложен раскоп общей площадью 5 м². В эти же годы с геологической стороны Верхоленскую Гору изучал А.И.Арембовский.

Точка зрения Петри на характер и возраст верхоленской культуры в этот период является основной. Следует сказать, что сам Петри подчеркивал, что его выводы являются предварительными, определения "провизорны" и временны. Своей интерпретации он никогда и никому не навязывал.

В этот же период появляется и настойчиво развивается другая точка зрения — о мезолитическом характере и возрасте Верхоленской Горы (Савицкий, Подгорбунский, Герасимов). Для выяснения характера стоянки и места культуры в общей схеме периодизации каменного века Сибири необходимы были новые, тщательные, комплексные исследования. Продолжение исследований на Верхоленской Горе стало особенно необходимым в период широкого размаха археологических исследований в послевоенный период. В эти годы А.П.Окладниковым (1950б; 1955) была создана новая схема периодизации неолитической и бронзовой эпох Прибайкалья. На этом фоне стали особенно заметны недостатки в области изучения донеолитических культур этого района.

В последнее десятилетие в Прибайкалье возобновляется исследование донеолитических культур. Изучению подвергается целая серия памятников: Мальта (Герасимов, 1958; 1960), Красный Яр (Абрамова, 1962а,б; Медведев 1966а), Усть-Белая (Медведев, 1966б), Федяево (Астахов, 1963), Черемушник (Аксенов, 1962; 1966б), Бадаи, Ленковка, Макарово, Ошурково и др. Обширный материал, полученный в результате комплексного исследования этих стоянок, поставил перед археологами новые проблемы. Успешное решение этих проблем было невозможно без материалов по Верхоленской Горе. Имевшийся материал был неполон, многие вопросы неясны и спорны. Почти полностью отсутствовала ясность в вопросе геологической привязки культурных остатков, на что в свое время указал 1-й Сибирский краевой научно-исследовательский съезд (Ауэрбах, 1928, с.225). Неясность в этом вопросе полностью исключала возможность положительного разрешения всех остальных сомнений. В первую очередь это касалось вопроса многосложности памятника.

В 1959 г. археологическим отрядом Братской геолого-инженерно-геологической экспедиции Восточно-Сибирского филиала М СССР были исследованы два участка стоянки обвалом плаждь

56 м², расположенных выше по склону от места основных раскопов Петри 1919-1928 гг. Этим было положено начало новому этапу исследования на Верховенской Горе. Научное руководство этими исследованиями осуществлял Герасимов. Непосредственно руководил работами 1959 г. Г.И.Медведев. В 1959 г. исследованиями была подвергнута часть памятника, находящаяся за пределами участка, по материалам которого было составлено широко распространенное представление о Верховенской Горе.

Культурные остатки в двух раскопах и девяти шурфах были связаны с верхней частью глинных отложений и залегали на глубине от 15-30 до 50 см от дневной поверхности. "Проникновение отдельных находок на глубину 60-80 см в раскопе 1959 г. и на 1,20 м по данным Б.Э.Петри, объясняется особенностью геологического строения напластований в месте стоянки. В балочных наносах, составляющих нижнюю толщу, в результате оползневых процессов и, возможно, промораживания образовались разрывы, в которые произошло затекание вышележащих слоев" (Медведев, 1961, с. 236).

Результаты частных наблюдений были перенесены на все местонахождение. Прежние выводы о многослойности были признаны ошибкой, явившейся результатом неправильно понятой стратиграфии. На этом же основании полностью отрицалась связь культурных остатков с плейстоценовой фауной. Выделение нижнего культурного горизонта было признано необоснованным. Культура Верховенской Горы была отнесена к мезолиту, синхронизировалась и отождествлялась с мезолитическим комплексом Усть-Белой. На основании сопоставления с IУ-УП слоями Усть-Белой, признававшимися наиболее полно соответствующими Верховенской Горе по облику инвентаря, в список основного состава фауны памятника были включены лось, снегородный и северный олени, косуля, волк. Геологический возраст существования культуры Верховенской Горы определялся голоценом.

Резкое расхождение в фактах, а отсюда и во взглядах на многослойность и геологический возраст культурных остатков было следствием различия объектов исследования и пространения выводов, полученных по результатам изучения

определенного участка, на весь памятник. Однако существование такого расхождения во взглядах между Петри и Сосновским, с одной стороны, и Медведевым — с другой, требовало проверки фактов и выяснения причин, вызвавших такое расхождение. Поэтому при возобновлении в 1963 г. исследований на Верхоленской Горе основное внимание уделялось выяснению наиболее неясных, спорных и одновременно наиболее важных вопросов — стратиграфии и геологических условий залегания культурных остатков. С целью наиболее объективного подхода к решению неясных и спорных вопросов исследованиям была подвергнута площадь памятника, непосредственно примыкающая к раскопу Петри 1919-1928 гг. Выбор данного участка для исследования диктовался теми обстоятельствами, что вся литература по Верхоленской Горе до 1961 г. основана на данных, полученных при изучении именно этой части стоянки. В 1966 г. в связи с возобновлением работ на участке, расположенном на расстоянии около 1 км к северо-западу вблизи вершины возвышенности, где исследования были начаты в 1959 г., местонахождение на Ларниковском склоне получило наименование "Верхоленская Гора 1" в отличие от верхнего, названного соответственно "Верхоленская Гора II" (рис. 2).

Нашему анализу подверглась наиболее известная в литературе стоянка, расположенная на восточном склоне возвышенности, являющемся правым бортом пади Ларниковой.

Учитывая громадную площадь распространения культурных остатков в районе Верхоленской Горы и зафиксированное разведочными шурфами и раскопами различие в условиях залегания их в разных местах района, мы не склонны распространять выводы, полученные при исследовании Верхоленской Горы 1, на всю площадь распространения находок.

Результаты исследований на Верхоленской Горе в 1963-1965 гг. опубликованы в изданных Иркутским областным музеем краеведения "Отчетах археологических экспедиций за 1963-1965 годы" (Аксенов, 1966а).

Исследования памятников переходного от палеолита к неолиту периода в Прибайкалье позволило в 1962 г. создать новую схему периодизации доколлекических культур этого района.

Хронологическая систематизация была предложена как предварительная (Медведев, Аксенов, 1963). Данные, накопленные к 1965 г., позволили несколько уточнить и расширить эту схему (Аксенов, Медведев, 1967).

Новые фактические материалы по донеолитическим культурам Прибайкалья и приток информации по другим районам вносят уточнения и позволяют совершенствовать местную культурно-хронологическую схему развития культур каменного века.

В 1977 г. исследования на Верхоленской Горе были возобновлены силами Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (И.Л.Лехненко, В.А.Лына). Работы велись параллельно на двух местонахождениях.

На Верхоленской Горе 1 была вскрыта дополнительная площадь в 30 м², примыкающая к раскопу 1966 г. Одной из задач исследования ставилось уточнение некоторых моментов стратиграфии на основе применения новой методики полевой фиксации материала.

Мы выражаем уверенность в том, что история исследования Верхоленской Горы - этого замечательного археологического памятника вгд Восточной Сибири на этом не оканчивается. Многие поколения археологов будут вновь и вновь обращаться к его уникальным коллекциям.

Л.П.Иваньев, С.М.Цейтлин

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЗАЛЕГАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОСТАТКОВ НА ВЕРХОЛЕНСКОЙ ГОРЕ 1

Ангара, прорываясь сквозь теснину Приморского хребта и Сногской возвышенности, выходит на просторы Иркутско-Черемховской предгорной равнины в 20-30 км от Иркутска. Это самая южная часть Иркутского амфитеатра, часть Средне-Сибирс-

кого плоскогорья, обрамленная с юго-востока горами Прибайкалья, а с юго-запада Восточным Саяном. Периферийные пониженные части плоскогорья - компенсационные прогибы, получившие название Иркутско-Черемховской равнины и Прибайкальской впадины, почти под прямым углом сходятся в районе Иркутска. В результате эрозионной деятельности рек и временных водотоков пенепленизированная в прошлом поверхность плоскогорья была расчленена, и местность приобрела сильно пересеченный, внешне горный характер. Относительно повышенные участки эрозионного генезиса получили в местной топонимике названия гор, возвышенностей и хребтов. Так, высокие террасы правого берега Ангара, в районе Иркутска расчлененные на отдельные увалобразные блоки, в свое время получили название "Верхоленских гор", а вся правобережная часть Иркутска называлась "Верхоленской стороной" - отсюда начинался путь на верхнюю Лену, к соседнему Верхоленскому острогу.

"Увал", ограниченный падами Карниковой и Чубуковой (Ситниковой), на котором расположены Верхоленская Гора I и II (рис. 2) местным населением никак не выделяется и не имеет особого названия, не обозначен он и в географических изданиях. Название относится только к археологическому памятнику, в настоящее время только в нем сохраняется старый топоним.

В настоящее время Верхоленская Гора обследована практически по всей территории. Степень обследованности различных участков не одинакова. Однако уже сейчас здесь выделяются два самостоятельных местонахождения - Верхоленская Гора I и Верхоленская Гора II. Эти местонахождения разобщены территориально, отличаются гипсометрической позицией, отмечается разница в их стратиграфической характеристике и в геологических особенностях. На обоих местонахождениях залегание культурных остатков осложнено ископаемыми геоморфологическими феноменами - трещинами, которыми нарушены различные геологические отложения и в зависимости от которых находится залегание культурных остатков.

На генезис трещин Верхоленской Горы и их характер имеются две различные точки зрения. Одна, развиваемая Г.И.Мед-

веденым, заключается в следующем: трещины Верхоленской Горы I и Верхоленской Горы II явились следствием растрескивания скального цоколя. Растрескивание произошло в результате отседания коренных пород. Эти заключения основаны в основном на наблюдениях, полученных при исследовании Верхоленской Горы II, а также исследованиях 1959 и 1963 гг. на Верхоленской Горе I. Выводы, сделанные на основании исследования ограниченного участка одного местонахождения - Верхоленской Горы II, были перенесены на весь памятник, на оба его местонахождения.

Вторая точка зрения, которой придерживаются и которую развивают авторы в данной работе (разделяет ее и И.П.Аксенов), может быть кратко изложена так. Растрескивание скального цоколя на Верхоленской Горе - результат тектонических движений. Однако связь культурных напластований с этими трещинами на Верхоленской Горе I и Верхоленской Горе II различна. Различен генезис трещин или их частей, с которыми связаны культурные остатки на обоих местонахождениях.

Эрозией Ангары на Верхоленской Горе вскрыты прские отложения, представленные мощной толщей песчаников и алевролитов. Монотонная горизонтально-слоистая толща осадочных пород, уходящая под урез воды, в верхней части постепенно переходит в прский эловий различной, но как правило, незначительной мощности, прикрытый на склонах делювиальным шлейфом. Трещиноватость песчаников прослеживается по всему фронту обнажения, увеличивается снизу вверх и от пологих склонов к вершине увала. Мощность делювия возрастает в противоположном направлении, от вершины к подножию. На вершине, в районе местонахождения Верхоленская Гора II, прские породы разорваны на блоки вертикальными трещинами. Поперечник отдельных трещин по верху доходит до 2-3 м. Трещины заполнены рыхлыми отложениями. На современной поверхности они проявляются в виде канавообразных западин. Основное направление трещин - С-Ю с колебаниями в несколько градусов, перпендикулярно крутому, в значительной части обнаженному ангарскому склону и параллельно продольной оси падей. Но прослеживается также срединные трещины, что на поверхности создает подобие пидгоналности.

Генезис трещин в преском скальном цоколе Верхоленской Горы II мы склонны связывать с явлениями тектонического характера. Это мнение находит подтверждение в наблюдениях геологов-исследователей Приангарья. Направление трещин находится в пределах характерной для восточной части Иркутского амфитеатра ориентировки систем трещин тектонического происхождения (Соколов, 1957; Логачев, 1958; Чарушин, 1963). Однако характер отложений, послобная последовательность их на Верхоленской Горе II являются нормальными для эрбеия. Здесь на вершине практически отсутствует делювий, а верхние мелкоземистые слои относительно маломощны и прикрыты тонким слоем почвы, сформировавшейся на материнской породе. Нарастание мощности препятствует как вымывание, так и перемещение мелкого материала в трещины между глыбами. Последнее, очевидно, не без участия криогенных факторов, способствует расширению трещин в скальном основании.

Трещиноватость тектонического происхождения, которой подвержены пресные отложения, безусловно, способствовала интенсификации процесса выветривания. Для района Верхнего Приангарья установлено, что процессы выветривания наиболее активно протекают около тектонических трещин. Физическое и химическое выветривание способствует росту последних (Нальшина, 1963). Затекание в трещину вместе с мелкоземом культурного слоя, прослеженное во время раскопок Верхоленской Горы II, указывает на то, что процессы выветривания протекали и во время существования мезолитического поселения и в последующий период. Главность затекания культурного слоя, отсутствие разрывов, микросбросов, выпирания или реаной деформации указывает на постепенность проникновения мелкозема в трещины. Достоверные следы криогенных явлений отсутствуют. Возможность их участия в процессе разрастания трещин мы допускаем чисто логически, опираясь на фактические данные соседнего местонахождения - Верхоленская Гора I. Отсутствие четких следов криогенеза на Верхоленской Горе II следует относить за счет маломощности рыхлых отложений. Для сохранения следов морозобойного растрескивания, если оно имело место, мощность их была, очевидно, незначительной, а отсутствие

достаточного уклона исключало возникновение солифлюкционных течений. Не прослеживаются и иные нарушения, которые можно было бы отнести к мерзлотным явлениям. И в то же время малая мощность рыхлой покрывки, несомненно, способствовала вовлечению в зону промерзания-оттаивания, по крайней мере верхних слоев скального основания, что в свою очередь должно было оказывать влияние на процессы выветривания, увеличивая интенсивность и внося своеобразия в их конкретное проявление. Движения, возникавшие в сезоннопромерзающем или сезоннопрогреваемом слое, очевидно, способствовали проникновению мелкозема между глыбами-блоками и в конечном итоге расщеплению трещин.

Таким образом, трещины Верхоленской Горы II имеют, всего вероятнее, тектоническое происхождение. Рыхлые отложения, а вместе с ними и культурные остатки проникают в трещины постепенно. На это указывает расположение находок в трещине. Культурные остатки как бы затекают в верхнюю часть трещины. В разрезе этот затек вырисовывается в форме сходящего на конус клина. Процесс заполнения трещин Верхоленской Горы II происходил постепенно без заметных перерывов и остановок. По мере расширения и углубления трещин продукты выветривания постепенно заполняют полость. В движение вовлекается вся масса рыхлого заполнения. В результате слои почвы, образовавшиеся на поверхности, проседают, что в разрезе выражается в виде плавного клинообразного затека. Судя по разрезу, трещины постоянно были заполнены грунтом. Периоды замещения грунта ледяным клином или влиянием открытой, незаполненной трещины отсутствовали. В этом отношении клиновидные образования Верхоленской Горы II близки изначально грунтовым хилам. Последовательное увеличение трещины приводило к осадке грунта клиньев и прогибанию кровли, но грунтовой клин постоянно сохранялся. Именно в этом заключается отличие изначально грунтовой хилы от псевдоморфозы (Попов, 1960).

Для констатации мерзлотного генезиса грунтовых хил недостаточно самого факта их наличия. Необходимы дополнительные характеристики и как основная - полигональности расположения хил, что для Верхоленской Горы II остается не доказанным. Вероятнее всего, на Верхоленской Горе II на име-

ем дело с грунтовыми хилами по трещинам тектонического генезиса.

Образование культурного слоя явно постгенетично по отношению к образованию трещин. Но расширение трещин за счет выветривания вовлекает культурные остатки вместе с вмещающими отложениями в процесс заполнения трещин. Культурный слой над трещиной деформируется, затекает в трещину.

Иную картину мы наблюдаем на Верхоленской Горе 1. Местонахождение расположено на восточном склоне увала (правом склоне Марниковой пади). Крутизна склона на большей части колеблется в пределах $5-10^{\circ}$ и только в самом низу под углом $20-25^{\circ}$ спускается к неширокому, плоскому тальвегу пади. Участок, раскапывавшийся в 1919-1928 гг. и 1963-1968 гг., расположен на высоте 23-28 м над уровнем Ангары. Крутизна современной поверхности склона на этом участке $7-11^{\circ}$.

Рыхлые отложения Верхоленской Горы 1 по мощности в целом несколько превышают таковые на Верхоленской Горе II. Увеличение их мощности происходит за счет делювия, который играет главную роль в составе отложений склона, а также за счет верхней, рыхлой части элювия. Однако представленные делювиально-элювиальные образования эти отложения в общем мало мощны: в пределах 1 м, но в отдельных, ограниченных по площади участках до 2,0-2,4 м.

Послойно обобщенная картина геологических образований на месте стоянки выглядит следующим образом. Юрские песчаники и алевролиты, как и на вершине увала, несут следы раскрекивания. Однако трещины между отдельными глыбами относительно невелики. Степень проницания в них мелководная значительно меньше, чем на Верхоленской Горе II. Глыбы-монолиты в верхней части постепенно разрыхляются, переходя в тонкие, плитчатые отдельности, сохраняющие на месте слоистость материнской породы. Выше слоистость теряется, песок с выщелочением отдельных мелких комочков песчаника, линия разложения каменного угля и неравномерно рассеянных крупных известей, постепенно переходит в супесчано-глинистые делювиальные отложения, крошащиеся современным почвенным покровом. Резкие колебания мощности рыхлых отложений, отмеченные на этом участке, связаны с резко расчлененным древним микро-

рельефом. На площади, вскрытой в 1963-1968 гг., обнаружена система погребенных трещин. Однако они значительно отличаются от трещин Верхоленской Горы П. Во-первых, трещины Верхоленской Горы 1 непосредственно не связаны с растрескиванием скального цоколя. ими разорваны только рыхлые отложения - низы делuvia (как правило, ниже толщи, охваченной процессом современного почвообразования) и верхняя, рыхлая часть элювия. На уровне алевролитов и песчаников, сохраняющих слоистость материнской породы (низы делuvia), вершины трещин подвернуты и образуют ряд тонких волосных горизонтальных ответвлений (рис. 3). С целью обнажения вершин трещин были пробиты три шурфа. Шурфы были заложены попеременно и углублены в низы элювия до уровня плотных, не поддающихся ручной выемке слоев скальной породы. Ни в одном из шурфов не было зафиксировано признаков продолжения трещин в скальном цоколе.

Во-вторых, трещины ветвятся, сливаются и пересекаются, составляя в плане четкую полигональную сеть. Нами была вскрыта полигональная система трещин на площади около 300 м². Кроме того, на основании плана раскопа и полевой поквадратной описи удалось реконструировать план расположения находок в раскопе Б.Э.Петри 1919-1925 гг.¹ Культурные остатки в двух нижних слоях при нанесении их на план располагались очень неравномерно, полосами шириной 1-2 м. За пределами этих скопления находки совершенно отсутствовали. В плане линии скопления предметов разбивают площадь раскопа на полигоны. Врезавшись в нескольких местах своим раскопом в площадь, вскрытую Петри, мы получили возможность увязать планы раскопов. Полосы находок Петри совместились с концами трещин

¹ Для этого были использованы послоинная поквадратная опись предметов из раскопок стоянки Верхоленская Гора за 1919-1925 гг., хранящаяся в фондах ИРСМ (инв. № 721), и план раскопа 1919-1925 гг. с нумерацией квадратов, ваятый из отчета Б.Э.Петри (архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, л. 141. 1927).

в раскопе 1963-1968 гг. и образовали общую полигональную сетку на площади более 500 м² (рис. 4). Форма полигонов варьирует от тетрагонов до гексагонов. Ширина трещин (по верху) от 1 до 3 м, глубина от 1 до 2 м, стороны полигонов (длина прямых участков трещин) - 5-7 м. Вдоль трещин по краям при обнажении древней поверхности обнаруживаются валики шириной 0,20-1,00 м, высотой 0,20-0,40 м. Склоны валиков, обращенные к центру полигонов, пологие, но круто обрываются в рывину трещин. Поверхность полигонов между этого принимает слегка вогнутую, блюдцеобразную форму. Валики хорошо сохранились у трещин, идущих вниз по склону и почти полностью уничтожены у трещин, расположенных вдоль склона пади.

В-третьих, конфигурация трещин в вертикальном плане своеобразна и значительно отличается от профиля трещин Верхленской Горы П. В отличие от трещины, уходящей в глубину цоколя и заполненной сверху продуктами выветривания, с узким, постепенно сходящим на конус клином затека культурных остатков на вершине увала трещины Верхленской Горы 1 имеют двухъярусное строение. Верхняя, устьевая часть трещины широкая, канавообразная; нижняя, вершинная резко сужается и делится на тонкие ответвления. Профиль трещин, идущих вдоль склона, асимметричен. Нагорная стенка крутая, часто нависающая, с зубцами уступов. Нижняя (по склону) стенка - крутая в вершинной части, с уровня канавообразного расширения довольно резко отгибается до горизонтальной плоскости и плавно переходит в покатую поверхность нижнего полигона. Трещины, идущие вниз по склону, как правило, сохраняют Y-образный профиль, четкость которого усиливают сохранившиеся по краям валики. Глубина расширенной канавообразной части этих трещин обычно меньше, чем трещин, идущих вдоль склона. Наиболее расширенные и глубокие места полигональной системы приходятся на участки сопряжения продольных и поперечных трещин - крестовин. Имеет место деформация отложений в блоках полигонов, она не ограничивается зоной контакта масс, заполняющей трещины, с телом полигона, а прослеживается по всему разрезу блока. Присущей смятия слоев явились не только и не столько следы дробления массы на контакте, сколько деформация вниз по

силону всей массы рыхлых отложений, тенденция к которому прослеживается на данном участке. Однако, деформация слоев вмещающих отложений в зоне непосредственного контакта все же прослеживается в разрывах. Наконец, характер заполнения трещин, последовательность хода заполнения, которую удается проследить при раскопках, различны на обоих местонахождениях. Отложения, заполняющие изначально-грунтовую жилу Верхоленской Горы II и заполняющие трещины Верхоленской Горы I, не однородны по составу. Уходя, вершинная часть и дно канавообразного расширения заполнены серой жирной глиной. Тонкие прослойки этой глины (5-10 см) сохранились частично на горизонтальных площадках зубчатых выступов крутой, нагорной стенки трещин, идущих вдоль силсына, и слоем в 10-20 см толщиной облекают пологие стенки. Эти отложения являются первичным заполнением трещин и, судя по остаткам глины на поверхности блоков-полигонов, были снесены в свое время с положительных форм рельефа в процессе денудации. Первоначально слой глины облекал, очевидно, всю канавообразную часть, но со временем в силу движения рыхлых масс вниз по силону облекающая слоистость была нарушена.

Серая глина в трещинах перекрыта слоем лессовидной супеси - пылеватой, серовато-желтой, известнистой, микропористой, неслоистой породы, имеющей тенденцию к вертикальному отслаиванию при высыхании. В лессовидной толще встречены многочисленные раковины наземных моллюсков: *Succinea oblonga* Drap., *Vallonia tenuilabris* (al.Br.), *Popilla columella* Martens, *Pupillidae* (определение С.М.Поповой, Лимнологический институт СО АН СССР). Лессовидные отложения заполняют верхние части трещин и покрывают блоки полигонов. Они являются материнской породой, на которой развивается современная почва. Плащ лессовидных отложений прорван в ряде мест над блоками полигонов, и верхи преского элювия выходят на поверхность.

Процесс заполнения трещин протекал не в равномерной и непрерывной последовательности, а с остановками, прерываниями и периодами размыва. Остановки фиксируются двумя культурными слоями с остатками трудовой деятельности людей, со-

хранившиеся в положении *in situ*. Эти остывки были довольно продолжительными, судя по тому, что после образования культурные слои и погребенные почвы, связанные с ними, частично были перекрыты грунтом верхних блоков полигонов, надвинувшихся на них при сползании вниз по склону.

Периоды развития, когда трещины несколько разгрузались от заполняющего материала, зафиксированы в двух уровнях после образования каждого из культурных слоев с остатками *in situ*, так как развиты местами верхи этих слоев. Развитие должен был сопровождаться расширением канавообразной части трещины, увеличением крутизны ее стенок, а это вело к заполнению трещин. Но заполнение происходило не только за счет обрушившегося со стенок грунта, а главным образом путем поступления мелкозема и сноса солифлюкцией покровных образований с блоков в понижения. Солифлюкция и десерпция являются главными факторами, сформировавшими современную систему Верхоленской Горы.

Все вышеперечисленные особенности трещин Верхоленской Горы 1 в мералотоведении определяют комплекс несомненных морфологических признаков реликтов криогенных трещинно-полигональных явлений. Большинство мералотоведов считает достаточным для констатации бесспорно криогенного генезиса хилных образований наличие клиновидной формы в сочетании с полигональным расположением (Каплина, Романовский, 1960; Баулин, 1960; Хруцкий, 1964; Конищев, 1964; Граве, 1959; Москвитин, 1940; Панов, 1933; Обручев, 1938; Гусев, 1938; Сумгин, 1937; Флинт, 1963 и др.). Однако полигональность еще не является бесспорным доказательством наличия многолетнемерзлой почвы. Даже на Крайнем Севере, как показали новейшие исследования, морозобойные полигональные трещины возникают в слое сезонного промерзания почвы в том случае, если последняя подстилается не мерзлой породой, а просто плотным, водупорным грунтом (Граве, 1959; Доставалов, 1960). Валики по бровкам трещин, деформация вмещающих отложений на контакте с телом хилл, двухъярусность трещины, облегающая слоистость в канавообразной части - дополнительные признаки, убеждающие в криогенном характере трещинно-полигональной системы рельефа стоянки Верхоленская Гора 1.

Несомненным признаком многостетиверхальных пород являются полигоны с ледяными хилами и псевдоморфозами по вытяжшим ледяным клиньям (Грабе, 1959; Хруцкий, 1964; Баулин, 1960; Попов, 1960). Морфологическими признаками трещинопolygonальных льдов, псевдоморфоз по вытяжшим клиньям считаются валики по краям трещин, облегающая слисность верхней части псевдоморфоз, многорусность псевдоморфозов, деформированность вмещающих отложений (Грабе, 1959; Хруцкий, 1964; Доставалов, 1960). Все эти признаки присущи polygonальной системе Верхоленской Горы 1, и на этом основании мы склонны считать ее реликтом трещинно-polygonальной морозобойной системы.

Наличие трещиноватости в скальном доклае и частичное совпадение в направлении тектонических и морозобойных трещин позволяют предположить связь между ними. Очевидно, разрывы грунта в результате морозного растрескивания произошли в наиболее ослабленных местах. Такие ослабленные места в рыхлых напластованиях, вероятно, имелись над тектоническими трещинами скального основания. В таком случае совпадение в направлении трещин различного генезиса не только не удивительно, но и закономерно. То, что мы имеем дело с псевдоморфозами, а не с изначально грунтовыми хилами подтверждает факт былого "вечия" трещин на всю глубину канавообразных расширений. Это подтверждается расположением на дне канавообразных расширений культурных комплексов, сохранившихся *in situ*, при создании которых древним населением использовались особенности рельефа. Канавообразные рывины, объединенные в polygonальную систему, были приспособлены лдыми для обитания. Расположение находок на дне крастовин и ответвлении трещин, отсутствие достоверных следов искусственного удаления заполняющего мелкозема (раскапывание трещин) для оборудования хилья убеждают нас в том, что ко времени поселения людей трещины не были заполнены, а представляли собой открытые канавы глубиной 1-2 м и шириной 1-3 м. Канавы эти могли образоваться в результате вытягивания polygonального льда. Расположение polygonальной системы

на склоне способствовало значительной фильтрации атмосферных и талых вод и разгрузке системы от мелкогозема. Это, очевидно, послужило основной причиной довольно продолжительного влияния трещин.

Облекающую слоистость канавообразной части, ее возникновение некоторые авторы связывают с размывающей деятельностью аллювиального потока (Баулин, Шкелев, Соломатин, 1960) или с выпадением тонкодисперсных осадков из водных бассейнов, возникших на месте вытаявших ледяных дил (Хруцкий, 1964). При этом, если вмещающие породы достаточно устойчивы процессам солифлюкции и оплывания, то канавообразные углубления сохраняются довольно длительное время. Облекающая слоистость нарушена, а трещины, идущие вдоль склона, имеют асимметричную форму, что указывает на значительные движения, которым подвергались рыхлые отложения на Верхоненской Горе 1. Морфологическое своеобразие трещин, аномалии, проследиваемые в их строении связаны с расположением полигональной системы на склоне. Процессы морозобойного трещинообразования постоянно дополнялись и усложнялись действием склоновых процессов криогенного порядка. Морозобойное трещинообразование на склонах изучено чрезвычайно слабо (Попов, 1960) и уже поэтому наши наблюдения имеют определенный практический интерес.

Культурные остатки заключены в различных уровнях в отложениях, заполняющих трещины, а также в отложениях, которыми перекрыта древняя трещинно-полигональная система. III культурный слой с остатками трудовой деятельности людей, сохранившимися *in situ*, залегает на дне канавообразных расширений на контакте серой глины и лессовидной карбонатизированной супеси. Подавляющее большинство находок концентрируется в крестовинах — местах схождения трещин. Это наиболее расширенные участки трещинной системы. Здесь располагаются выложенные плитами песчаника очаги и кострища без обкладки. Подделки из камня и кости сопровождаются фаунистическими находками — остатками добычи древних охотников-рыболовов. В фауне III слоя определены: млекопитающие — благородный олень,

лошадь, бизон, косуля, грызуны; рыбы - сиг, осетр, щука, окунь². Птицы видовому определению не подвергались.

II культурный слой, в котором также сохранились участки с культурными остатками в положении *in situ* залегает в верхах лессовидной карбонатизированной супеси, заполняющей верхнюю часть трещин. Культурные остатки и фауна в этом слое залегают на 15-40 см выше кровли III культурного слоя. Во многих местах культурный слой размыт. Временным водотоком по трещинам растянута зола и угольки кострищ. Кострище, вскрытое в 1968 г., сохранилось фрагментарно. В нем фиксируются промоины. Глиняный комплекс, расположенный ниже по склону, был разрушен в меньшей степени. Остатки угольков и воли из размытого кострища, перемешанные с размытой лессовидной супесью, перекрыли углистую линзу этого комплекса и сохранили ее от размыва.

В фаунистической коллекции II слоя определены млекопитающие: благородный олень, косуля, лось, кабарга, медведь, зубр; рыбы - сиг, осетр, таймень. Птицы видовому определению не подвергались. В слое встречено большое количество мелких фрагментов скорлупы птичьих яиц.

В лессовидной супеси между III и II слоями заключены отдельные находки изделий из камня и кости и фаунистические остатки, перемещенные с положительных форм рельефа в трещину после образования III слоя, но до начала формирования II культурного слоя. Так как III культурный слой является самым древним на стоянке, то культурные остатки в промежутке между ним и II слоем могут принадлежать только этому комплексу. Условно толща, содержащая перемещенные сверху остатки III слоя, названа слоем Ша.

Отложениями, вмещающими II культурный слой, трещины перекрыты на всю ширину. После их образования возможность проникновения культурных остатков и фауны в слой Ша была полно-

² Определение ихтиофауны проведено канд. биол. наук С. А. Цепкиным (Ин-т Археологии АН СССР).

стью исключена. Но, если нет сомнения, что все культурные остатки этого слоя принадлежат комплексу Ш слоя, то среди фаунистических находок не исключена некоторая примесь более древних, происходящих из "докультурных" отложений. Из слоя серой глины, подстилающей нижний культурный горизонт, в период работ 1963-1968 гг. были извлечены остатки северного оленя и лошади. В объяснительной записке к полевой описи № 721 (ИРСМ № 721) В.Э.Петри также указывал факт, когда после снятия всех культурных напластований в подстилающем их слое были обнаружены костные остатки носорога. Мамонтная фауна на Верхотенской Горе 1 не встречается с культурными остатками в залегании *in situ*. Однако в слоях, где отмечается значительное перемещение находок, остатки мамонта фиксируются. В процессе денудации они были перенесены с более высоких отметок вниз и переотложены совместно с явно более поздними предметами культуры. Так, фрагменты бивней мамонта обнаружены в слое Па, перекрывающем К культурный слой и содержащем переотложенные культурные остатки, аналогичные находкам из Ш и П слоев. Слой Па связан с низами современной почвы. Это желтовато-серая лессовидная супесь, подкрашенная почвенными рассолами, записнула мелкие понижения, существовавшие на месте почти полностью загнивших трещин, и окончательно выровняла склон.

1 культурный слой залегает в современной почве. В результате процессов денудации и неоднократного распахивания склона все культурные остатки в нем находятся в переотложенном состоянии. На участках, не разрушенных пашней, между этим слоем и слоем Па прослеживается разрыв. Мощность "стерильной" прослойки 7-15 см. Остатки определенной фауны в слое отсутствуют.

Следы криогенных явлений на территории Прибайкалья встречаются практически повсеместно. Форма их проявления и возраст различны. Так, для верхнего плейстоцена в этом районе отмечается несколько вспышек обострения криогенных процессов (Логачев, 1964; Равский и др., 1964; Равский, Цветлин, 1965). В настоящее время в Прибайкалье известно несколько разрывов, где предплейстоценовые отложения с чет-

кими следами криогенных нарушений удачно сочетаются с археологическими остатками поаднего палеолита и мезолита.

Э.И.Равский и С.М.Цейтлин (1965б) на основании данных, опубликованных Г.И.Медведевым (1961), отложения, вмещающие культурные остатки в раскопе № 1 1959 г. на Верховенской Горе, предположительно отнесли ко второй половине сарганского оледенения. Основанием для этого послужило подстилающее положение деформаций, которые были определены ими как криогенные. Во всех известных случаях совместного нахождения связи между культурными остатками и криоформами относительна.

Культурные слои подстланы, перекрыты или нарушены мерлотными явлениями. На Верховенской Горе 1 мы имеем пока единственный в своем роде пример непосредственной связи культурных комплексов с мерлотным микрорельефом. В морозобойных трещинах древние охотники-рыболовы оборудовали своеобразные жилищно-хозяйственные комплексы. Остатки первобытной культуры и криогенные формы составляют здесь своеобразный единый "естественно-культурный" комплекс.

Судьбы древнего населения Верховенской Горы 1 на определенном этапе были тесно связаны с преобразованием трещино-полигональной системы микрорельефа склона. Поэтому мы имеем возможность не только определить как соотносятся во времени образование трещин и отдельные этапы развития культуры, но и более точно сопоставить последовательные этапы этого развития и последовательность протекания склоновых процессов. Это позволяет более обоснованно решать вопросы хронологии.

По данным последних исследований конец плейстоцена в Восточной Сибири характеризуется суровым перигляциальным климатом (Гроков и др., 1965; Равский, Цейтлин, 1965а, б). В перигляциальных районах воздействие морозного континентального климата отразилось в накоплении лессовидных отложений и различного вида криоформах. Внутри толщи сарганских отложений отмечается по крайней мере два горизонта криогенных нарушений. Одни относятся к раннесарганскому, другие к поаднесарганскому времени (Цейтлин, 1965). Сарганский возраст трещин Верховенской Горы 1 не вызывает сомнения. В этом убеждает как абсолютная дата, так и характерис-

тика отложений, заполняющих трещины, их стратиграфическая позиция. Наиболее чувствительными хронологическими индикаторами являются археологические материалы. Уточнение возраста трещино-полигональной системы и последующих этапов развития склона мы пытаемся прояснить, опираясь на данные археологии. По углям из очагов III слоя Институтом геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского была получена абсолютная дата - 12570 ± 180 лет (МО-441). Эта цифра определяет возраст III культурного слоя. Корреляционные вычисления, произведенные на основании сравнения с близкими в культурном отношении, точно датированными памятниками, с учетом геологических, геоморфологических и палеонтологических данных, позволяют считать эту дату приемлемой. Опираясь на эту дату и корреляционный подсчет, мы можем определить хронологические рамки остальных культурных слоев Верхоленской Горы 1. В долине р.Ангари еще одним памятником, имеющим дату, определенную по C^{14} , является многослойное поселение Усть-Белая. Для У1-УIII культурных слоев (III-IV мезолитический горизонт) памятника по C^{14} определены дата - 8960 ± 60 лет (ГИИ-96). Датированные слои залегают в отложениях поздней фазы аккумуляции пойменного аллювия 1 террасы р.Белой. В общей стратиграфической схеме памятника они занимают верхне-среднюю часть объединенного мезолитического горизонта, в котором сливаются II-XIII культурные горизонты, выделенные у бровки террасы. Хронологические рамки объединенного горизонта определяются Г.И.Медведевым (1968) в пределах 9-8 тыс. лет. Ниже, в пачке отложений ранней фазы аккумуляции пойменного аллювия заключены еще три культурных горизонта - XIУ-XV1. Их возраст Г.И.Медведев склонен определять в 10 тыс. лет (1968). Фауна, характеризующая отложения с культурными остатками мезолита на Усть-Белой, в том числе и самые древние (XIУ-XV1 горизонты), типично голоценовая - лось, благородный олень, косуля, осетр, таймень, щука, птицы. Спектр фауны близок II слою Верхоленской Горы. Инвентарный комплекс объединенного горизонта Усть-Белой ближе к 1, а не II слою Верхоленской Горы, хотя и в последнем можно отметить ряд аналогий. Инвентарь нижних (XIУ-XV1) горизонтов.

несмотря на различия скорее культурно-исторического порядка по ряду форм и объему составу, сравним со II верхоленским слоем. За более древний, нежели объединенный горизонт Усть-Белой, возраст II слоя говорит наличие в фауне такого животного, как ауср. На этом основании возраст II слоя Верхоленской Горы I следует сопоставлять с нижними подразделениями объединенного горизонта и нижним культурным комплексом (XIV-XVI горизонты) Усть-Белой, не позднее. В абсолютных числах это вероятнее всего должно выразиться в пределах 11-9 тыс. лет. Такому определению не противоречит и стратиграфическое положение II культурного слоя. Остатки этого слоя залегают в верхах лессовидной, несколько карбонатизированной супеси. Карбонатизированные отложения заполнили морозобойные трещины в то время, когда полигональная система еще не была погребена полностью. На месте трещин еще существовали рывины незначительной глубины. Верхние части блоков-полигонов продолжали надвигаться на трещины. Нагорные стенки блоков в процессе движения "наползали" и частично перекрывали II культурный слой. Г.И.Медведев на основании анализа данных по ряду разрезов пришел к выводу, что образование лессовидного карбонатизированного горизонта в верхнем Приангарье следует в целом сопоставлять со временем сартанского оледенения (1968). Верхняя часть таких же отложений Верхоленской Горы характеризуется в основном голоценовой фауной, а в низах встречаются вместе с тем остатки животных, более характерных для плейстоцена (дикая лошадь, бизон). Этот факт, очевидно, указывает на то, что лессовидный карбонатизированный горизонт на Верхоленской Горе I сформировался в конце плейстоцена - начале голоцена. Залегание в верхах лессовидного горизонта позволяет определить возраст II слоя самым концом плейстоцена - началом голоцена (10-9 тыс. лет - наиболее распространенная в настоящее время дата для начала голоцена).

III культурный горизонт Верхоленской Горы залегает в низах лессовидного карбонатизированного горизонта, на контакте с серой глиной - слоем, облекающим стенки трещин и являющимся первичным их заполнением. От II слоя он отделен отложениями мощностью в 15-40 см, в которых наблюдаются следы наличия,

как минимум, одного периода размыва (подстилавший слой глины, очевидно, также должен быть сопоставлен с периодом размыва). Периоды размыва перемежались с засушливыми и морозными, во время которых отлагались лессовидные толщи. Чередование этих периодов происходило в относительно непродолжительный отрезок времени. В фауне этого слоя, как уже сказано, наряду с остатками животных, характерных для голоцена, присутствуют плейстоценовые животные. Общий облик фауны характерен для финала плейстоцена Прибайкалья.

Сочетание частого чередования относительно теплых и морозных периодов в конце плейстоцена зафиксировано практически во всем северном полушарии (Кинд, 1965). По абсолютному возрасту позднесартанские потепления Сибири, аллерд Европы и Ту-Крик Северной Америки почти точно совпадают, помещаясь в промежутке между 12,5 и 11 тыс. лет (Кинд, 1965; Громов и др., 1965).

Два периода размыва, один из которых предшествовал, а другой следовал за временем первого поселения на Верхленской Горе 1, очевидно, должны определять точное положение III культурного слоя в интерстадиале сартанского оледенения. Геохронологические и археологические исследования на территории Сибири позволили установить, что позднесартанское время характеризовалось переменным климатом с двумя (возможно, тремя) кратковременными потеплениями (Громов и др., 1965; Цейтлин, 1965; Равский, Цейтлин, 1965б). Наиболее явно проявляется потепление около 11,5 тыс. лет. Ему предшествовал короткий этап похолодания, которому около 12,5 тыс. лет тому назад предшествовало также кратковременное потепление. Раннесартанскому времени (24-22 - 14-13 тыс. лет) отвечает наибольшее похолодание, с которым связывают различные криогенные нарушения.

Исходя из общей схемы, образование полигональной системы морозобойных трещин на склоне Ларниковой пади следует, видимо, связывать с раннесартанским похолоданием. Первое позднесартанское потепление должно было привести к вытаяванию льда. Талые воды, перемещаясь по системе трещин, размывали их и откладывали по дну и стенкам тонкодисперсный мате

риал. Первые поселенцы пришли на Верхоленскую Гору вскоре после этого. Трещины не успели сколько-нибудь заметно за-сыпаться. Но как в период обитания раннего населения, так и после происходило накопление лессовидной супеси, отражающее новое кратковременное похолодание. Процесс накопления лессовидных отложений прерван новым размывом, соответствовавшим, очевидно, новому кратковременному потеплению. На этом основании возраст III культурного слоя можно, очевидно, сопоставить с коротким периодом похолодания, имевшим место между 12,5-11,5 тыс. лет. На основании геологических данных наиболее вероятным представляется именно этот промежуток времени. Судя по абсолютной дате, время существования стоябища следует определить в 12,5 тыс. лет.

Таким образом, мы определили возраст III культурного слоя в 12,5, II культурного слоя в 11-9 тыс. лет, а время образования полигональной системы морозобойных трещин отнесли к раннему сартану, который помещается в широкие хронологические рамки 24-22 - 14-13 тыс. лет.

Остается определить возраст I культурного слоя. Культурные остатки этого слоя связаны с нисами современной почвы. Фаунистические данные отсутствуют. Единственная возможность определить положение слоя - анализ археологических материалов. Мы ограничимся констатацией факта наличия большого сходства как в общем наборе каменных орудий, так отчасти и в условиях залегания находок I слоя Верхоленской Горы и ряда позднемезолитических памятников верхнего Приангарья. Наиболее полные сравнения возможны с Усть-Белой, материалы которой сопоставлены с комплексами других памятников Приангарья (Медведев, 1966, 1967, 1968; Аксенов, Медведев, 1967). Инвентарный комплекс I слоя Верхоленской Горы находит аналогии в I мезолитическом и объединенном горизонтах Усть-Белой. Наличие черт сходства с двумя равноновременными горизонтами позволяет определить хронологические рамки I слоя нашей стоянки в диапазоне 8-7 тыс. лет. При этом принимается во внимание дата начала неолита Прибайкалья (Окладников, 1930б), которая должна определять верхнюю границу мезолита в пределах XI тысячелетия от наших дней,

а также ряд сходных черт между объединенным горизонтом Усть-Белой и II слоев Верхоленской Горы. Последнее, очевидно, указывает на метакронность стратиграфических подразделений этих двух опорных памятников, на кулисообразное совмещение их отдельных комплексов в хронологическом порядке.

Исследования, проведенные в последние годы, позволили решить, хотя бы в первом приближении наиболее неясный и одно временно чрезвычайно важный вопрос в проблеме Верхоленской Горы — вопрос геологических условий залегания культурных остатков, связи отдельных археологических комплексов с определенными геологическими отложениями. Выяснение этого вопроса позволяет объективно решать и всю проблему в целом. В свете новых данных положительно решается вопрос о многослойности памятника и о характере каждого из выделенных слоев.

В результате тщательного послойного снятия культурных напластований на больших площадях выявлена связь культурных комплексов с реликтовым мерзлотным трещинно-полигональным микрорельефом. Выявлены некоторые особенности развития трещинно-полигональной системы в условиях склона, а также динамики и характера процесса формирования склона, осложненного криогенезом. Все это, помимо чисто теоретического значения, имеет определенный практический интерес для геохронологии, четвертичной геологии, палеогеографии, инженерной геологии.

На основании даты, полученной радиоуглеродным методом, и корреляционных вычислений с учетом всего комплекса данных определено абсолютное время существования поселений, а также время образования полигональной системы. Определенность геологической позиции разновременных культурных остатков позволяет обоснованно подходить к решению вопроса археологической стратиграфии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИГРАФИЯ И ПОСЛОЖНОЕ ОПИСАНИЕ ИНВЕНТАРЯ ВЕРХОЛЕНСКОЙ ГОРЫ 1

Коллекции Б.Э.Петри из раскопок на Верхоленской Горе насчитывали более 4 тыс. предметов (Петри, 1927). Эти коллекции в значительной степени утрачены и поэтому определить количество орудий, входивших в это число, сейчас очень трудно. Судя по наиболее полно сохранившейся коллекции № 721, орудия вместе с обломками, ретушированными пластинками и отщепами, составляли примерно четвертую часть всех собранных предметов (из 2944, числившихся по описи предметов, только 680 несут следы дополнительной обработки или использования в качестве орудий). В раскопе 1963-1968 гг. собрано около 25 тыс. предметов, из них орудий более 5 тыс., т.е. соотношение их близко соотношению в коллекции Б.Э.Петри.

Таким образом, общее количество предметов, собранных при раскопках стоянки Верхоленская Гора 1 приближается к 30 тыс. - база довольно основательная для анализа. Однако стратиграфическое распределение находок далеко неравномерно как в количественном, так и в качественном отношении.

Нами на стоянке выделено три культурных слоя. Границы культурных слоев и генетически различных пластов толщи рыхлых отложений не совпадают. Здесь отсутствует та тесная связь культурных наслоений с определенными геологическими горизонтами, четко разделенными генетически отличными прослойками, часто стерильными в археологическом отношении, которая присуща аллювиальным стоянкам типа Усть-Белой (Медведев, 1966б), а также многослойным памятникам Красный Яр (Медведев, 1966а), Сосновый Бор, Макарово II (Аксенов, 1969). Качественное различие между отдельными комплексами инвентаря выделяется только при рассмотрении материала в соответствии со стратиграфическими подразделениями. Инвентарь рассматривается по слоям, в возможности в полном объеме. Рассмотрение археологического материала удобнее провести "снизу вверх", начиная с более древних находок.

III культурный слой

Как таксономическая единица III культурный слой выделен только в 1965 г. Основой для его выделения послужило четкое геолого-стратиграфическое положение очагов № 2 и 3. Обнаруженное в 1963 г. кострище № 1 и тяготеющие к нему находки 1964 г. в силу недостаточной стратиграфической четкости и малочисленности не были выделены в самостоятельный комплекс и фиксировались либо как находки ниже II горизонта (1963 г.), либо просто во II горизонте (1964 г.). Однако факт залегания находок на контакте лессовидной толщи и серой глины был отмечен еще во время работ 1964 г.

В раскопе 1965 г. были обнаружены два очага, представляющие собой углубления, выложенные по дну и бокам плитками песчаника. "Чашки" очагов заполнены зольноугольной массой. Вокруг очагов концентрировались находки каменных и костяных орудий и остатки фауны. Как характерную особенность приоточных комплексов следует отметить громадное количество костей и челюсти рыб. Очаги расположены на дне канавообразных расширений трещин. В 1963 г. в подобных стратиграфических и топографических условиях нами было обнаружено кострище без каменной обкладки. В 1968 г. в крестовине трещин вскрыто еще одно кострище. Общее количество находок, достоверно принадлежавшее III горизонту, пока невелико - 1614. По коллекционной описи 1965 г. числится 228 предметов, из них орудий (с обломками) 64, что составляет 12% от общего количества. В коллекции 1968 г. из 151 предмета на долю орудий приходится около 14% (22 предмета). Мы даем описание орудий, которое тем более необходимо, что данный комплекс должен послужить основой для типологического расчленения находок из смешанных горизонтов.

Каменные орудия представлены несколькими типологическими группами. Около очага № 2 найдено две гальки-отбойники, ничем не отличающихся от тысяч подобных, встречающихся почти повсеместно в каменном веке.

Нуклеусы представлены двумя разновидностями четко выработанной клиновидной формы. Термин "нуклеус клиновидный" мы употребляем в том объеме, в каком он был введен К.З.Панички-

ной (1959). Различия технологического и топографического порядка между отдельными образцами и целыми сериями внутри этой группы довольно значительны и при определенном подходе позволяют выделять целые подгруппы. Необходимость более тщательного морфологического разделения этой группы нуклеусов диктуется и их чрезвычайно широким территориальным распространением. В морфологии клиновидных нуклеусов имеется возможность выявить различия, которые могут быть регионального, хронологического или культурного порядка. Вопросы различия и сходства внутри этой группы орудий привлекают внимание археологов, занимающихся сибирской тематикой (Окладников, 1959а,б; 1966а,б; Абрамова, 1959; Медведев, 1966а,б; Аksenov 1966а,б). Наличие разнообразия внутри группы клиновидных нуклеусов обращает на себя внимание и зарубежных археологов, особенно японских и американских (Morlan, 1968; Yoshizaki, 1960; Hayashi, 1968).

В группе клиновидных нуклеусов юга Восточной Сибири и Северной Монголии в последнее время (далеко не всеми исследователями) выделяется в особую разновидность лишь одна форма - нуклеус "гобийского типа". Термин "гобийский" для обозначения особой формы был введен в литературу А.П.Окладниковым. Этим термином обозначается особый тип клиновидного нуклеуса, имеющий специфически отличный признак - сильно удлиненную клиновидную часть. Обладая всеми основными общими морфологическими признаками клиновидных нуклеусов, гобийский тип выделяется только сильно вытянутым в ширину телом. По внешнему виду гобийские нуклеусы очень похожи на нуклеусы, характерные для техники *yubetsu* (yubetsu) на Хоккайдо. Однако с технологической точки зрения они абсолютно различны. Технологическая последовательность операций изготовления нуклеусов *yubetsu* происходит последовательно по линии: изготовление бифаса и, таким образом, формовка боковых плоскостей (фасов), снятие с бифаса продольных "лыжевидных" скосов, создающих базу нуклеуса и, наконец, отщипление с плоскости базы на одном из углов прикатических пластинок, оформляющих плоскость отжима (Morlan, 1968). Заготовками же нуклеусов гобийского типа являются массивные сколы с галек или, что является характерной особенностью Верхояленской Горы, плиток

аргиллита. При этом верхоленские образцы, как правило, не требуют специальных сколов для формирования отжимной площадки. База их образуется гладкой естественной плоскостью плитки. Клиновидно сходящиеся фасы обкалываются плоскими сколами как со стороны гребня, так и со стороны базы. Гребень подравнивается мелкой стжимной ретушью. Заготовка после проведения перечисленных операций приобретает вид, очень близкий орудиям типа "у-у". Затем или прямо с плоскости, или после предварительной подправки ее на одном из острых концов снимается первый скол. Этот скол имеет "килевидную" форму и в зависимости от угла скалывания - разную длину. Формально эти сколы очень близки килевидным, а последние - лизевидным сколам техники рибетсу, но являются отражением совершенно иной операции. Если в Японии этими сколами оформлялась база нуклеуса, то на Верхоленской Горе с них начиналось оформление призматической части нуклеуса, фронта. Своеобразие формы, а также технологические особенности обработки дают основание выделить эти нуклеусы в особую подгруппу клиновидных, сохраняя за ними термин гобийские, подчеркивающий их региональное своеобразие. Однако надо иметь в виду, что территориальное распространение гобийских нуклеусов не ограничивается пределами Монголии. Эта своеобразная форма встречается в верхнем палеолите и мезолите Прибайкалья (Медведев, 1966а,б; Аксенов, 1966а,б), в Забайкалье (Окладников, 1959б; Абрамова, 1959; Иванъев, 1966; Шамсутдинов, 1966), на Алдане (Мочанов, 1966; 1968), на Амуре и в Приморье (Окладников, 1959а). Гобийские нуклеусы близки образцам, которые Морлан относит к технике Хорожа и в таком отношении территориальные рамки можно расширить за счет северной Японии и некоторых районов Аляски и Северо-Американской Арктики. Как можно судить по опубликованным иллюстрациям, среди клиновидных нуклеусов, происходящих из этих районов, имеются образцы, морфологически не отличающиеся от гобийского типа (Hayashi, 1968).

В 1968 г. в районе кострища № 4 был обнаружен клиновидный нуклеус гобийского типа. Он обладает всеми характерными чертами этой формы. Изготовлен из плитки аргиллита. Его размеры: ширина 3,5, высота 2, толщина 1,5 см (рис. 5 - 1).

Среди заготовок, найденных совместно, по крайней мере, две могли предназначаться для изготовления подобных нуклеусов. Рядом с гобийским найдены еще 2 клиновидных нуклеуса, но иной формы и отличающиеся техникой изготовления. Это относительно высокие и узкие нуклеусы, высота их несколько превосходит ширину в линейном измерении. Оба нуклеуса обходят принцип обработки боковых плоскостей. Скалывание их производилось со стороны гребня. У обоих нуклеусов базы сильно скошены в сторону одного из фасов. Скошенность базы достигалась в одном случае путем снятия нескольких пластинчатых сколов вдоль одного края прижимной площадки, сохранившей частично естественную поверхность плитки аргилли а, в другом — путем снятия короткими поперечными сколами плоскости базы, первоначально образованной естественной галечной поверхностью.

Нуклеус из аргиллита (рис. 5 - 2) оформлен полностью и с него снимались микропластинки. Другой из халцедоновой гальки полностью подготовлен, но ни одной призматической пластинки с него еще не было снято (рис. 5 - 3). Нуклеусы подобной формы территориально распространены гораздо шире гобийских.

Клиновидные нуклеусы со скошенной базой, характерные для позднего палеолита и раннего мезолита Прибайкалья, на последующих этапах развития выливаются в равнобедренные формы клиновидных нуклеусов. Развитие идет по линии относительного выравнивания отжимной площадки и приближения общей формы нуклеуса к призматической.

Резцы представлены одной формой — боковыми (трансверсальными) резцами верхоленского типа (рис. 5 - 5, 6). Размеры орудий — в пределах 4,5х3,5; 2,5х1,5 см. Орудия изготовлены из отщепов или пластин. Мелкой, крутой ретушью обработаны оба края орудий. Обычно с одного конца, и редко с двух, поперек или по диагонали произведен один (реже несколько) резцовых сколов. Исключительная постоянность формы позволила выделить эти резцы в особый тип. Впервые в Прибайкалье этот тип резцов был выделен в мезолитическом комплексе Верхоленской Горы и получил название "верхоленского". Выделение этих

орудий и объединение их на основании морфологических признаков произведено в результате исследований последних лет (Медведев, 1966а; Аксенов, 1966а; Аксенов, Медведев, 1967). В до-неолитических комплексах Прибайкалья и в частности Верхоненской Горы имеется несколько разновидностей боковых резацов, имеющих как черты сходства, так и черты различия. Одной из общих черт является для них поперечный или диагональный скол, часто расположенный наклонно к центральной плоскости орудия. На этом основании все боковые резацы можно объединить в одну группу трансверсальных резацов. Трансверсальные же резацы верхоненского типа кроме этого обладают еще одним характерным признаком: оба края этих орудий круто ретушированы. Трансверсальный резацовый скол и ретушь по обоим краям — характерные отличительные черты и определяющие морфологические признаки резацов верхоненского типа. Прототипом верхоненских резацов в Прибайкалье, видимо, следует считать трансверсальные резацы многослойного позднелолитического памятника Красный Яр (Медведев, 1966а). Наиболее характерны эти орудия для мезолитических комплексов прибайкальских стоянок типа Верхоненской Горы, Усть-Велой, Макарово П. Резацы, подобные верхоненским, довольно широко распространены к востоку от Прибайкалья: Ошурково, Икарал 1 (Шамсутдинов, 1966); встречаются в подъемном материале в Забайкалье и Монголии, в докерамических комплексах Амура и Японии (Serizawa, Ikawa, 1958; Yoshizaki, 1960; Hayashi, 1968), а также на Аляске.

Группа скребков представлена 9 орудиями. Все они изготовлены из отщепов. Среди них имеется 2 микроскребка и 2 скребка с крутым рабочим краем (рис. 5 — 13-15). Различия в размерах скребков довольно значительны. Так, крупный скребок с крутым рабочим краем, изготовленный из массивного скола аргиллита, по размерам приближается к скребкам (6x5 см) и только характер обработки рабочего края и форма орудия заставляют включить его в группу скребков. Микроскребки, изготовленные из пластинчатых сколов аргиллита, имеют размеры 2x1 см. Все скребки из этого слоя имеют овально-выпуклый рабочий край, оформленный тонкой ровной ретушью.

Скребла - орудия, которые многие считают характерными и наиболее показательными для сибирского позднего палеолита. Однако эти орудия довольно широко распространены не только в позднем палеолите, но и в мезолите и неолите Сибири. Функциональное назначение отдельных экземпляров из этой типологической группы было различно. Но материал, из которого изготовлялись эти орудия в подавляющем большинстве случаев не пригоден для проведения трасологического анализа. Поэтому любые дополнительные данные представляют особый интерес.

В III слое найдено 7 скребел. Все они располагались около очагов. Особый интерес с точки зрения функционального назначения этого типа орудий представляет скребло с двумя рабочими краями (рис. 6 - 1). Размеры орудия 13x6 см. Ровная ретушь нанесена на каждом крае с противоположных сторон. Орудие найдено вертикально воткнутое в большую кучу рыбьей чешуи, лежащей на разлохившейся плите песчаника, около очага № 2. Само положение орудия указывает на его назначение. Это, вероятнее всего, своеобразное орудие для чистки и разделки рыбы. Остальные скребла представляют собой односторонне обработанные орудия, изготовленные из плиток и крупных сколов аргиллита и кварцита с овально-выпуклым рабочим краем (рис. 6 - 2, 3).

Ножи - наиболее многочисленная и разнообразная по формам группа орудий. 24 ножа относятся к 5 типам: "улу" - 11, сегментовидные, с оббитым обушком - 4, из крупных пластин - 2, из отщепов - 5, из плиток аргиллита - 2 экз. Все эту группу объединяет один признак - наличие острого режущего края, как правило, образованного двусторонней ретушью. На некоторых экземплярах под микроскопом заметны следы работы в виде легкой заполированности и штрихов на лезвии.

"Улу" - этим термином обозначается морфологически довольно четко определенный тип каменного ножа, как правило, полукруглой формы. Для Верхоленской Горы ножи улу весьма характерны. Они имеются во всех сохранившихся коллекциях. Трасологический метод исследования орудий с Верхоленской Горы позволил выделить "полукруглые скребла с двусторонней обработкой" в группу ножей (Медведев, 1961). Сравнительное сход-

ство с женскими ножами, которые были характерны в прошлом для многих народов азиатского и американского севера и известны в этнографической литературе под эскимосским термином "улу", закрепило в археологии Прибайкалья это название за полудлинными двусторонне обработанными ножами (рис. 7 - 1-3). "Улу" Верхоленской Горы изготовлены из аргиллитовых сколов или плиток аргиллита. Сбо плоскости ножа, как правило, обработаны плоскими сколами. Выпуклое, овальное лезвие заострено дополнительной мелкой отжимной ретушью. На обухе орудия обычно сохраняется естественная гладкая поверхность плитки. Размеры ножей колеблются от 6-8 до 14-20 см. "Полудлинность" формы иногда нарушается (это зависит от формы заточки), но постоянным признаком является острое овальное лезвие.

Ножи сегментовидной формы с оббитым обухом как особый тип выделены в 1965 г. (Аксенов, 1966а). Морфологически этот тип ножей во многом напоминает "улу". В отличие от последних один из острых концов со стороны обуха обработан. В результате этой обработки получилось линзовидное в сечении, уплощенное, овально вытянутое "крыло", напоминающее базу лавровлистного наконечника. Орудие при этом приобретало форму, близкую наконечнику пальмы. Сходство с пальмой усиливается еще и тем, что как и у более поздних, известных по этнографии металлических наконечников этих своеобразных сибирских копий дополнительная заостряющая обработка лезвия (в данном случае мелкая ретушь, у железных - заточка) произведена чаще только с одной стороны. Другая сторона наконечника обработана крупными плоскими сколами, проходящими от обуха к лезвию. Подобным способом обработки достигалось получение острого и прямого лезвия. Для примера приведем одно из орудий (рис. 7 - 4). Треугольное, довольно массивное острие образовано плоскостью обуха и сходящимися под острым углом двумя обработанными плоскостями. С одной стороны острие дополнено тремя плоскими режущими микросколами. Размеры исследованного орудия, найденного в районе очага № 3: длина 10, наибольшая высота (ширина) 4, толщина обуха до 1 см.

Ножи из пластин. Один экземпляр изготовлен из крупной пластины кремня. Пластина грубая, на спинке частично сохра-

нилась желвачная корка. Крутая ретушь нанесена со спинки по одному краю и захватывает более половины длины орудия. Мелкой плоской ретушью оформлено острие. Размеры орудия 10,5х3 см (рис. 8 - 1). Второй нож изготовлен из массивного пластинчатого скола с плитки аргиллита. С одной стороны представлена естественная поверхность плитки. С этой стороны нанесена ровная мелкая ретушь, оформляющая острый режущий край. С другой стороны лезвие не обработано и только на обухе нанесено несколько сколов. Размеры орудия: 6,5х2,5 см (рис. 8 - 2).

Ножи из отщепов. Само название этого типа указывает на отсутствие в данной группе таких характеристик, как строго определенная форма и размеры. Та и другая определяются формой и размерами исходного материала (отщепа). Один, реже два края подходящего отщепа ретушировалось. Этим создавалось ровное острое лезвие или, наоборот, притуплялась сторона, противоположная режущему краю. Ножи из отщепов встречаются во всех культурных горизонтах стоянки. Стратиграфического значения не имеют в силу аморфности условно объединяемых в эту группу орудий (рис. 8 - 3-5).

Ножи из плиток аргиллита объединены в особую группу не по определенным морфологическим признакам, а по характеру исходной заготовки. Как при изготовлении ножей из отщепов мастер минимальными сколами приспособлявал для работы простой отщеп, так и в данном случае он дополнял природную форму тонкой плитки сланца необходимым количеством сколов.

Чоперы. Этим термином обозначаются орудия, изготовленные из гальки, обработанной с одной стороны сколами, образующими широкое лезвие без учета их функционального назначения. В коллекции имеется 7 орудий, типологически относимых к чоперам. Их размеры и форма различны. Интересно отметить, что два совершенно аналогичных по форме орудия, изготовленных из массивных продолговатых галек, несут следы совершенно различного функционального назначения. Лезвие одного покрыто следовыми выбоинами, "замято" от ударов, производившихся этим орудием. Вероятнее всего, орудие употреблялось как рубящее. На лезвии другого орудия даже невооруженным глазом заметны

следы затертости, особенно на одном из углов. При двадцатипятикратном увеличении эти следы выступают как параллельные, идущие поперек лезвия бороады. По их расположению следует предположить, что орудие употреблялось в качестве своеобразного скребла и, вероятно всего, для обработки довольно твердого материала (рис. 9 - 1).

Орудие с концевой двусторонней подтеской типа piece e'caillée найдено у костриды № 4. Орудия этого типа довольно широко распространены в палеолите Сибири (Абрамова, 1962а; Медведев, 1966а). Они известны и на раннемезолитической стоянке Бадайской группы Черемухник (Аксенов, 1967), а также на забайкальской стоянке Ошурково и в старых сборах с Верхоленской Горы. Орудие невелико по размерам: 4х3 см (рис. 6 - 4), изготовлено из плоского отщеп аргиллита. Спинка отщепа обработана плоскими сколами, два узких противоположных конца затесаны с двух сторон.

Долотовидные орудия Верхоленской Горы более близки образцам из Ошурково, чем из Красного Яра на Ангаре и Енисейских стоянок. Если на Красном Яре и Енисее заготовки для подобных орудий служили как отщепы, так и призматические пластинки (Абрамова, 1962а; Медведев, 1966а), то все имеющиеся экземпляры с Верхоленской Горы и Ошурково изготовлялись из уплощенных отщепов и сколов кремня, аргиллита и лидита.

Одним экземпляром представлено орудие, изготовленное из плоской плитки аргиллита. Одна из узких сторон плитки обработана крутой крупной ретушью. В коллекциях Верхоленской Горы имеется большое количество различных вариаций данного типа. Назначение их не известно. Классификации до сих пор не подвергались (рис. 8 - 6').

Кроме того, в коллекциях каменных изделий имеется крупный обломок плиты плоского песчаника с овальным краем и плоской поверхностью. Овальный край и плоскость покрыты выбоинами. Возможно, подобные вещи Петри называл "лекалами-наковальнями" (Петри, 1923).

Найдено также значительное количество пластинчатых и призматических сколов, отщепов, чешуйчатых сколов, отщепов со следами ретуши.

Орудия из кости и рога представлены 13 орудиями и 7 роговыми пластинками-заготовками.

Наконечники "гарпунов" - одна из наиболее известных и характерных групп орудий Верхоленской Горн. До 1965 г. был известен один тип наконечников гарпунов из пластин рога благородного оленя с двумя рядами зубцов, с плоским насадом, покрытым мелкими насечками. С одной стороны насад имел косую прорезь "для крепления линя" (Петри, 1927, табл. XVII, XIХ; 1928, рис. 12, 17). Различия отмечались только внутри этого типа - наконечники с "противным" и "очередным" расположением зубцов (Петри, 1923, с. 43). Нами отмечались следующие модификации внутри типа - наконечники с крупными, редко расположенными зубцами и наконечники с более мелкими и часто расположенными зубцами. В раскопе 1965 г. кроме известного было обнаружено еще два типа наконечников гарпунов. Вновь обнаруженные типы найдены в двух различных культурных слоях - один во II слое, другой около очага № 3 III культурного слоя. Наконечник гарпуна из III культурного слоя изготовлен из плоской роговой пластины. Тщательно, с ювелирной точностью вырезаны два ряда зубцов. Насад плоский, подтреугольный очертаний, покрыт мелкими насечками. Вместо односторонней косой прорези ниже зубцов имеются плечики - выступы, образуемые основанием насада - треугольника (рис. 10 - 1). Стороны насада слегка вогнуты, отчего плечики обрисовываются резко. Между насадом и первыми зубцами имеется ромбовидное расширение, образованное зрешами, идущими к зубцам, и крутыми внемками, оформляющими плечики насада. Характер внемки напоминает прорези на насадах известных ранее гарпунов, и все же общая композиция насада отличается настолько, что вполне позволяет выделить этот гарпун в особый тип. Это тем более оправдано, что дальнейшее развитие гарпунов с плечиковым насадом прослеживается на последующих этапах развития мезолита. Эта форма, зародившись в раннем мезолите, продолжает существовать и в приангарском неолите. Серовские плоскоовальные плечиковые гарпуны и большие глазковские (Окладников, 1950б; 1955) восходят корнями к верхоленским гарпунам нового типа.

Рядом с описанием наконечником было найдено орудие необычного вида, несомненно принадлежащее группе наконечников

гарпунов. Это незаконченный, а вернее, испорченный двусторонний гарпун с зубцами, нарезанными во взаимно противоположном направлении. Сохранившаяся после облома верхняя пара зубцов вырезана аккуратно, опытной рукой. Остальные же зубцы неровные и кривые, производят впечатление о неопытности резчика. Оно усиливается тем обстоятельством, что с одной стороны зубцы нарезаны традиционно — хальцем к насаду, с другой же стороны — неожиданно развернуты хальцами вверх. Насад только намечен, но так и не был оформлен (рис. 10 — 3). Обливи вид ни в коей мере не указывает на рациональность данной формы, а следы обработки указывают на недостаточную квалификацию "мастера".

В кв. 23С на контакте карбонатизированного лессовидного суглинка и серой глины найден обломок наконечника гарпуна с последней парой зубцов и довольно хорошо сохранившимся насадом. Судя по насаду, это был типичный верхоленский гарпун с крупными, редко расположенными зубцами (рис. 10 — 2). Стратиграфическое залегание дает основание отнести данную находку к III слод.

Итак, оба типа верхоленских гарпунов изготовлены из плоских пластин рога благородного оленя. Основное различие заключается в форме насада. Если у гарпунов, известных по старым сборам (I тип), как правило, овальный плоский, широкий насад оформляется одной кривой боковой прорезью, то наконечники II типа имеют двусторонние плечики-выступы, расположенные под прямым углом к длинной оси орудия. Насад имеет подтреугольную форму. До недавнего времени верхоленские гарпуны I типа считались самыми ранними и являлись своего рода единственными в Сибири. В 1958 г. на стоянке Ошурково (забайкальском аналоге Верхоленской Горы) был обнаружен наконечник гарпуна, аналогичный верхоленскому I типа. На последующих этапах мезолита он не отмечен, однако, наличие в северских комплексах технологически близких образцов с боковой выемкой в основании (Окладников, 1950б) позволяет предположить эволюцию гарпуна I типа несколько менее продолжительной, нежели эволюция II типа, прослеживаемая до энеолита в Приангарье. Оба типа наконечников гарпунов Верхоленской Горы про-

наводят впечатление в равной степени выработанных и довольно совершенных форм. Это наводит на мысль, что мы имеем дело с несомненно ранними, но не первоначальными этапами развития этого рыболовного инвентаря. Принадлежность "гарпунов" именно к рыболовному, а не охотничьему инвентарю доказывается тем фактом, что там, где находятся "гарпуны", обязательно и, как правило, в большом количестве имеются остатки ихтиофауны.

У очага № 3 был найден вкладшевый наконечник. Его небольшие размеры (6х1,5х0,5 см) (рис. 11 - 1) и форма наводят на мысль, что данное орудие является обломком более крупного изделия. В этом случае нам придется признать факт утилизации обломков. На обломанном конце довольно четко прослеживаются царапины и следы срезов (орудие просматривалось при двадцатипятикратном увеличении). Подобные орудия из старых сборов опубликованы Г.И.Медведевым (1961, рис. 4) и Громовым В.И. (1948, с. 370). Размеры и форма позволяют определить эти орудия как наконечники стрел, а довольно грубый способ обработки насада при тщательной выделке самого орудия, возможно, указывает на то, что при общем большом опыте обработки кости и в частности изготовлении крупных вкладшевых орудий наконечники стрел являются делом новым. Технология их изготовления еще несовершенна. Известны факты, когда животное становилось добычей охотников в результате поражения его ручным метательным снарядом типа дротика, наконечник которого, пройдя на небольшую глубину, обламывался (Абрамова, 1964). Накопление подобных фактов могло привести первобытного охотника к мысли, что для добычи животного достаточно наконечника и небольшого размера, того же обломка. Но при уменьшении размера наконечника неотвратно уменьшался и его вес, а это в свою очередь снижало убийную силу орудия. Уменьшение веса могло быть компенсировано увеличением силы броска, его резкостью, большой начальной скоростью снаряда. Это могло побудить к изобретению специального механического приспособления, призванного увеличить силу и резкость броска. Таким приспособлением явился лук. По-видимому, вкладшевые наконечники Зерхонской Горы указывают, что это исключительно

важное орудие появляется в Приангарье в раннем мезолите. В таком случае наконечник стрелы в этом районе появляется в виде комбинированного вкладываемого наконечника - продукта эволюции наконечника поаднепалеолитических ручных метательных орудий.

В кв. 350 обнаружен обломок тонкого острия из рога слона с мелкой неровной прорезью по краю. Прорезь не могла служить пазом для закрепления вкладных лезвий. Подобные прорези характерны для костяных орудий поаднепалеолитических стоянок долины Енисея (рис. 11 - 4). Близкое по форме острие удалось собрать по частям из коллекции В.Э.Петри (ИРОМ, кол. 721, № 1016, 1020) (рис. 10 - 4).

Орудия, изготовленные из расчлененных надвое вдоль ости лопаток оленя, были найдены около кострища № 1 и очагов № 3 и № 4. Из остевой и латеральной половинок лопатки изготовлены своеобразные орудия, употреблявшиеся, вероятно, для копания. Обрезанные края лопаток сильно обломаны в процессе работы. На сохранившихся частях имеется большое количество царапин и бороздок, идущих в основном вдоль длинной оси орудий - следы работы (рис. 10 - 5). Сохранились и следы обработки, оставленные при изготовлении орудий - это остатки ровных срезов по тонкому краю и царапины на поверхности орудий. Аналогичное орудие и обломки имеются в коллекции Смурково, хранящиеся в Археологической лаборатории ИИФ СО АН СССР в Новосибирске (регистрационные № 0-52/20, 0-52/105, 0-51/59). Какому слою Смурково принадлежат эти орудия установить не удалось.

В III культурном слое найдена "колотушка" из рога благородного оленя (рис. 12 - 1). Орудия такого названия зафиксированы в описи Петри (ИРОМ № 721) в нижнем "слое" находок. Близкие по форме и способу изготовления орудия встречаются в мезолитическом горизонте стоянки Усть-Белая. Целевое назначение этих вещей неизвестно.

Вместе с "колотушкой" было найдено довольно оригинальное орудие, изготовленное из тонкого веретенообразного стержня, вырезанного из рога благородного оленя. Оба конца образаны. На более сохранившемся конце срезу после выемки из слоя были хорошо заметны своеобразные выемки и загомы, указываю-

щие на то, что торцовой частью орудия путем нажима производилась обработка какого-то твердого материала. Наиболее вероятно, что данное орудие служило отжимником для снятия призматических пластин с нуклеусов и обработки каменных орудий (рис. 12 - 2). Другое орудие подобного назначения, но совершенно иного облика изготовлено из необработанного рога благородного оленя (рис. 11 - 5).

Острие из рога благородного оленя, несколько напоминающее известные костяные острия Мальты и Бурети, найдено в 1968 г. около кострища № 4. Острие плоско-овальное в поперечном сечении, плавно суживается к острому концу. Плоский насад сплошь покрыт поперечными насечками и в принципе аналогичен насадом наконечников верхоленских "гарпунов". Орудие саблевидно изогнуто. По выпуклой, слегка приостренной грани насада и примерно до половины орудия нанесены короткие поперечные насечки, имевшие, по-видимому, орнаментальное назначение. Насад слегка облоян. Размеры сохранившейся части: 24,5x1,5x0,7 см (рис. 11 - 3).

Орнамент имеется и на обломке вкладышевого наконечника, обнаруженного около кострища № 6. Сохранилась только нижняя часть орудия с насадом. Оно также традиционно изготовлено из роговой пластины. Насад плоский, с поперечными насечками. Два глубоких ровных паза пропилены с обеих сторон орудия. По краям с обеих сторон прочерчены неглубокие, идущие ровно и строго на равном расстоянии от пропиленных краев легкие орнаментальные прорезы (рис. 11 - 2). Оба орудия являются уникальными не только для Верхоленской Горы, но и вообще для мезолита Прибайкалья, в котором образцы искусства - явление чрезвычайно редкое. Имеется серия бусин-подвесок из агальматолита в развитом мезолите и два образца "примитивной графики" - обломок подобного последнему, вкладышевого орудия из Ошурково с линейной зигзагообразной прорезью и упоминание о простом линейном орнаменте "из черточек" на несохранившемся костяном орудии с Верхоленской Горы (Петри, 1923, с. 44).

Шиловидное орудие из пластинки расщепившегося бизья мамонта обнаружено в 1968 г. около кострища № 4 вместе с несколькими необработанными обломками пластин старого рас-

слоившегося бивня. В составе фауны Верхоленской Горы мамонт отсутствует. Найденные остатки являются весьма интересным фактом утилизации уже в то время ископаемой мамонтовой фауны. Отслоившиеся пластинки, а не свежесрубленные бивень являются еще одним доказательством того, что эти плейстоценовые гиганты уже ко времени первоначального заселения Верхоленской Горы встречались в районе Иркутска только в ископаемом виде. Один из небольших обломков пластинки (8,5x1,5x0,5 см) был грубо обструган по краям и заострен. На плоскостях пластинки ясно заметны царапины от соскальзывавшего каменного ножа, которому, очевидно, с большим трудом поддавался твердый поделочный материал. Видимо, твердостью и неподатливостью материала следует объяснить "практичный" подход к изготовлению этого орудия. Обработаны только плавно суживающиеся грани и острие. Плоскости и обухок оставлены в "перводанном" состоянии. Сам по себе факт утилизации ископаемой фауны известен в Сибири в неолите (Окладников, 1950б), а также по этнографическим данным. Пример практического использования этого своеобразного материала в мезолите Прибайкалья пока единственный (рис. 11 - 6).

Кроме орудий из рога в коллекции имеются пластинки, вырезанные из рога благородного оленя и куски рога со следами пиления и раэрубания.

В 1965 г. на Верхоленской Горе был обнаружен фрагмент скорлупы яйца страуса (определение произведено Л. П. Иваньевым). По своему стратиграфическому положению скорлупа не может быть отнесена к фаунистическим находкам III слоя. Фрагмент вылущается нами в культурный комплекс Верхоленской Горы (Аксенов, 1966а). Почти одновременно с верхоленской находкой бусы из скорлупы яиц страуса были обнаружены в другом районе Приангарья - в поднипалеолитическом слое стоянки Красный Яр (Медведев, 1966а). Интересно отметить, что облик культурных комплексов Красного Яра и Верхоленской Горы, в которые входят находки скорлупы имеет большое сходство с верхнепалеолитическими и мезолитическими комплексами Забайкалья и Монголии, где скорлупа яиц страуса и изделия из нее были известны ранее (Сосновский, 1931; 1933; Иваньев, 1958; Ларичев, Вол-

ков, 1964; Складников, Троицкий, 1967) в переотложенном состоянии. Л.Н.Иваньев полагает, что страус в Забайкалье мог существовать на рубеже среднего и верхнего плейстоцена (1958), а по мнению С.Л.Троицкого наиболее поздние достоверные находки остатков страуса в Монголии известны только в плиоцене (Складников, Троицкий, 1967). К западу от Байкала до самого последнего времени находок остатков страуса не было.

Заканчивая обзор находок, следует указать на наличие в нижнем культурном слое большого количества графита в виде мелких комочков, рассеянных по площади раскопа.

II культурный слой

При анализе находок из II слоя мы основываемся на материалах, полученных из раскопа 1965-1968 гг., наиболее четко стратифицированных. Возможность попадания предметов из других слоев здесь сведена к минимуму. Наличие во II слое находок, залегающих *in situ* и в перемещенном состоянии потребовало расчленения слоя на два подразделения - на слой II с находками *in situ* и слой IIа, в котором предметы находятся в различной степени перемещенном состоянии. Материалы слоя II позволили нам выделить ряд эталонных форм. На основании сопоставления с ними имеется возможность хотя бы частично стратифицировать материалы, смешанные при залегании (слои IIа и I), а также в процессе раскопок предыдущих лет. Общее количество находок из II и IIа слоя раскопа 1965-1968 гг. составляет 5331, из них в слое II найдено 2933 предмета. Из 1432 орудий, призматических и микропластинок, внесенных в коллекционные описи, 868 происходит из инситуного комплекса.

К а м е н н ы е о р у д и я. Резкого различия между каменными орудиями из этого слоя и описанными орудиями III слоя не обнаружено. Однако появляется некоторое количество новых модификаций и типов орудий.

Гальки-отбойники - по своему назначению являются орудиями для производства орудий. Однако их "изготовление" не требовало от человека никаких усилий. Добиралась простая галька - как правило, овальной, чуть продолговатой формы, нужного

размера и употреблялась в своем естественном необработанном виде. От ударов по нуклеусу на рабочих концах гальки-отбойника появлялись характерные звездчатые выбоины. Орудия различаются только размерами и формой подобранной гальки (рис. 13 - 6).

Нуклеусы в отличие от нуклеусов III слоя более разнообразны и представлены морфологически хорошо определяемыми экземплярами. В элевации *in situ* были найдены нуклеусы следующих типов.

Клиновидные. Наиболее ярким экземпляром является нуклеус из местного серого аргиллита. Размеры 4x3,5x2 см. Негативы сколов микропластинок имеются на одной торцовой стороне. Боковые грани обработаны с двух сторон плоскими сколами. Гребень нуклеуса, обработанный дополнительной ретулью, на две трети снят узким сколом. Угол скола после снятия фасетки был стесан. Отжимная площадка оформлена одним продольным сколом и дополнена тремя короткими глубокими фасетками с целью получения острого угла между плоскостью скалывания и отжимной площадкой. Сторона, противоположная плоскости скалывания (контрфронт), снята сколом, который послужил площадкой для единственной фасетки, стесавшей гребень нуклеуса.

Гобийские нуклеусы обладают всеми характерными для этого типа признаками. Один из них изготовлен из лидитовой гальки черного цвета. На базальной части нуклеуса сохранилась галечная корка (рис. 13 - 3). Другой - из местного аргиллита (рис. 13 - 2).

Нуклеус грубо-призматический - из местного аргиллита. Размеры: высота 3,5 см, диаметр 3 см. Нуклеус обколот по кругу. Скола неровные, с залсами, широкие. Богнутая база подготовлена тщательно и аккуратно. Такое сочетание грубой поверхности скалывания и совершенной отжимной площадки позволяет рассматривать это изделие как "ваготочку" нуклеуса (рис. 13 - 4). Это тем более вероятно, что в коллекции имеется экземпляр нуклеуса, сработанный до предела. Этот конический микронуклеус (высота 1,8 см, диаметр 0,7 см) изготовлен из черного окремленной породы (лидит). Негативы сколов микропластинок покривают всю поверхность. Отжимная площадка

образована двумя параллельными микросколами, которыми база была подживлена в последний раз. Факт подживления ясно фиксируется по срезу оснований большей части фасеток. После подживления было снято две микропластинки (рис. 13 - 5).

Кроме этого, в коллекции имеется 3 заготовки нуклеусов и плиток аргиллита. Две из них предназначались для клиновидных нуклеусов, а одна, вероятнее всего, для призматического. Имеется также ряд килевидных и лыжевидных сколов с клиновидных нуклеусов.

Реэцы представлены 15 экземплярами. Из них 10 - трансверсальные реэцы верхоленского типа. Все они обладают четко выраженными характерными морфологическими признаками. Размеры их близки аналогичным орудиям из III слоя: от 2,8x2,1 см до 1,8x1,1 см (рис. 13 - 7-11).

В группе трансверсальных реэцов, кроме "верхоленских" появляется еще одна разновидность. Основной групповой признак - трансверсальный скол - ничем не отличается от подобных сколов на реэцах верхоленского типа, однако, кругая ретушь у этих орудий имеется только по одному краю или на конце, противоположном "рабочему". Отличие отмечается в признаках второстепенного порядка, в морфологических деталях, не обусловленных функциональным назначением орудий. Сейчас трудно судить, внутреннее развитие или внешнее влияние послужили причиной появления на Верхоленской Горе этой разновидности трансверсальных реэцов. Но наличие их во II слое и отсутствие в III слое является хорошим стратиграфическим признаком (рис. 13 - 12).

Подобное же стратиграфическое значение имеют и угловые реэцы, также появляющиеся во II слое. Один из них изготовлен из грубого пластинчатого скола. С одного конца по диагонали произведен скол. Реэцовый скол снят с острого угла пластинки. Размеры орудия: 3x1,3 см (рис. 13 - 13). Другой реэец изготовлен из отщипа кремня 2x1 см. Два края круто ретушированы и сходятся под углом примерно 60°. Короткий реэцовый скол снят с этого угла вдоль длинного ретушированного края. Третий реэец изготовлен из тонкого отщипа белого халцедона.

Скребки. Все они имеют выпуклый овалный, круто ретушированный рабочий край. Три скребка имеют с одного бока выступ-плечики. Размер орудий: 2,5х2,5 см. Изготовлены орудия из отщепов кремня (рис. 13 - 15). Скребок из толстого отщепа обработан тщательной стелющейся ретушью по всей поверхности. Выемка образует выступ-плечико и боковой шиповидный выступ (рис. 13 - 17). Еще один скребок изготовлен из массивного отщепа аргиллита. Крутой ретушью оформлен рабочий край. Размер его 4х3 см (рис. 13 - 14). Все вышеперечисленные орудия являются концевыми скребками.

В коллекции имеется боковой скребок из тонкого аргиллитового отщепа 5,8х3 см. Длинный край круто ретуширован. Орудие по форме и приемам обработки напоминает скребло. Только миниатюрность заставляет включить это орудие в группу скребков (рис. 13 - 16). Кроме этого имеется еще 4 скребка, аналогичных по форме и размерам микроскребкам слоя III (рис. 13 - 18).

Во II слое обнаружено 3 скребла. Одно изготовлено из большого аргиллитового отщепа. Более интересны два других орудия. Первое скребло изготовлено из обломка плитки аргиллита. Оно является своеобразной разновидностью галечных скребков, особенно характерных для Забайкалья и Лены, а также Енисея. Если в основе галечного скребла лежит специально подобранный галька, у которой подвергается обработке или одна плоскость, или даже всего один край, а остальная поверхность остается совершенно необработанной, сохраняя галечную корку, то у описываемого скребла основой является обломок плоской аргиллитовой плитки. Выветренная корочка сланца сохранена по всей поверхности, кроме овалного края, превращенного в рабочую лезвие. Оно оформлено крупными крутыми сколами, самый край подравнен и заострен мелкой ретушью. Размеры орудия: 10,5х5,5 см, толщина плитки - 1,6 см (рис. 14 - 2).

Второе скребло, изготовленное из крупного пластинчатого скола кварцита, близко напоминает орудие с двумя рабочими краями из III слоя, найденное совместно с чешуей рыбы. Размеры орудия 15х6 см. Края, как и у орудия из III слоя, затесаны по "штыгее". Однако рабочим является только один - овалный край. Круто выщипанные сколы, оформляющие край, дополнены мел-

кой заостряющей ретушь. Противоположный прямой край со спинки обработан плоскими широкими параллельными сколами и крутыми широкими с брешка. Дополнительная ретушь отсутствует.

Ножи. "К разряду режущих орудий" Верхненской Горы Петри относил "довольно характерные для ориньякской культуры "продолговатые ножи" (1927, табл. 1V). Судя по публикации, орудие, определенное Петри как типичный резак, вообще не может быть названо орудием в полном смысле. Это обломок двусторонне обработанного, вероятнее всего, режущего орудия (ИРОМ, кол. 721). Внимательный осмотр его подтверждает вышеприведенный вывод. Широкие сколы и мелкие фасетки, оформляющие "рабочее" лезвие, обрываются линией слома, что указывает на вторичность последнего. Несмотря на то, что подобные орудия не могут составлять типологически определенную группу, все же, судя по характеру обработки, их следует отнести к режущим.

Так называемые "продолговатые ножи" (Петри, 1927) довольно широко представлены в старых сборах. Стереотипность позволяет рассматривать эти орудия как морфологически определенную, выработанную форму. Целевое назначение подобных орудий не ясно. Исследование под бинокляром не дает результатов. Однако единообразие формы, способа и характера обработки, прослеживаемое по целой серии орудий, по-видимому, должно указывать на какое-то специальное их назначение.

Продолговатые ножи из сборов Петри происходят из его П слоя, которому сам автор не придавал стратиграфического значения. В 1965 г. в четких стратиграфических условиях в непо потревоженной части П слоя был обнаружен типичный нож-острие. Размеры орудия 14x3,4x2 см. Оно изготовлено из крупной продолговатой плитки аргиллита. Одна сторона плоская, не обработана. Только в средней части имеется широкий и плоский скол. Другая сторона обработана по всей поверхности крутыми крупными сколами. Оба края от основания до острия пройдены вторичной ретушью. Массивное трехгранное, суживающееся к одному концу орудие производит впечатление скорее колющего, чем режущего. С.ределение функционального назначения этих орудий является делом будущего. По морфологическим данным ми

определяем их как ножи-острия. Это не противоречит старым определениям (Петри, 1923, 1927; Медведев, 1931) и указывает на характерную форму орудий. Следует заметить, что ножи-острия являются орудиями, типичными для Верхоленинской Горы. На других памятниках Прибайкалья, близких по возрасту и культуре, подобные формы не отмечаются, хотя аналогичные орудия известны на местных мезолитических памятниках, в Забайкалье (Смурново) и в Японии (Сиратаки, местонахождение 13 - Serizawa, Ikawa, 1958, fig. 3B). Эти оригинальные орудия до выяснения геологических особенностей стоянки невозможно было связать с определенным культурным слоем. Обнаружение ножа-острия в стратиграфически определенном комплексе позволяет связывать подобные орудия со II культурным слоем (рис. 14 - 1).

"Улу" из II слоя по форме, размерам и способу обработки полностью аналогичны экземплярам из III слоя стоянки (рис. 14 - 4).

Обнаружен один экземпляр сегментовидного ножа с оббитым обухом, изготовленный из крупного пластинчатого скола с аргиллитовой плиткой. В морфологическом отношении данное орудие не отличается от таковых из III слоя. Размеры орудия 12x4x1,3 см (рис. 14 - 3).

Обнаружен ряд ножей из отщепов и пластинчатых сколов (рис. 14 - 5). Три обломка ножа, изготовленного из тонкой плитки аргиллита, были обнаружены в разных концах темного пятна. Все три куска хорошо подходят друг к другу и по ним можно восстановить последовательность изготовления этого орудия. Тонкая, отслоившаяся от подтреугольной, частично оббитой болванки плитка аргиллита была обработана с двух сторон по одному краю короткими фасетками крутой режущей. Короткими сколами оформляется только лезвие.

Орудие одного и того же типа из данной плитки было изготовлено дважды. Вначале на широком конце плитки был оформлен острый режущий край. Длина орудия 10 см, наибольшая ширина 4,5 см. Но в процессе работы орудие обломилось. Из оставшегося обломка был вновь изготовлен такой же нож, только длина и ширина его сократилась соответственно до 7,5 и 3,5 см (рис. 14 - 6). Сам факт утилизации обломков орудий, не-

пользования их для изготовления новых орудий известен. В данном случае интересно изготовление из обломка орудия, подобно-го первоначальной модели. Это, по-видимому, указывает на целесообразность данной формы, на потребность в орудиях такого рода. На это же указывает и продолжительность существования аналогичных орудий, доживших без особых изменений вплоть до развитого неолита.

Чопперы, обнаруженные во II слое, ничем не отличаются от галечных орудий из II слоя (рис. 9 - 2; 15 - 3).

В коллекции имеется теслообразное орудие, изготовленное из крупной обломочной плитки аргиллита. Овальная, выпуклая, лопатообразная рабочая кромка оформлена широкими фасетками и местами дополнительно подправлена мелкой ретушью. На спинке орудия имеются негативы крупных пластинчатых сколов. Угний обух оббит несколькими короткими широкими сколами. На брыжке у левая сторона сохранилась гладкая поверхность плитки (рис. 15 - 1).

Из культурного слоя происходят и обломки двусторонне обработанных орудий, напоминающие базальные части остроконечников, широко известных по старым публикациям орудий Верхоленской Горы (Петри, 1927; 1928) (рис. 15 - 2).

По сравнению с II слоем здесь возрастает количество правильных призматических пластинок, микропластинок, чешучатых сколов, отщепов, в том числе со следами "рабочей" ретуши.

О р у д и я и а р о г а. Изготовление орудий из рога благородного оленя характерно для Верхоленской Горы. Значительное количество расчлененных вдоль и поперек рогов позволяют восстановить древнюю технологию производства этого рода орудий.

Рог благородного оленя расчленяли на куски путем кругового надрубания основного ствола, предварительно обрубив все отростки, кроме нижнего глазничного ответвления. Отделенные отростки без особой дополнительной обработки использовались в качестве откликиков. Несколько выше убранный четвертого отростка ствол рога перерубался. Наиболее массивная часть основания рога с сохранившимся целиком или несколько укороченным глазничным отростком в результате этого образовывала "колотушку". При этом рукоять служил сохранившийся надглазничный отросток, а массивное тело колотушки составлял кусок

ствола с основанием рога. Оставшаяся часть рога разрубалась на куски, равные прожуткам между венечными отростками. В результате получались более или менее прямые роговые болванки. По всей длине болванки примерно на равном расстоянии делалось 2-4 прямых продольных надреза глубиной 2-3 мм, прорезавших наиболее плотную и твердую наружную поверхность рога. По линиям надрезов обланка раскалывалась на пластины, которые и являлись заготовками для будущих орудий. Срудий из рога во II слое найдено немного и "ассортимент" их весьма ограничен. Обнаружены два вкладываемых наконечника стрел, в конструктивном отношении аналогичных наконечникам из III слоя. Размеры их: 5,4x1,4x0,5 и 7x1,3x0,5 см. Также, как и вышеописанные орудия, они производят впечатление изготовленных из обломков более крупных вкладываемых наконечников (рис. 16 - 1,2).

Наконечники "гарпунов" из II слоя - двух типов. Один наконечник изготовлен из плоской пластины рога благородного оленя. Четкие, аккуратно вырезанные зубцы с двух сторон расположены в "очередном" порядке. Насад наконечника обломан, но общий абрис его близок выделенному нами типу II верхоленских "гарпунов" с подтреугольным плечиковым насадом. Поверхность "гарпуна" сильно корродирована. Длина сохранившейся части 11,2 см, общая длина орудия с насадом должна была равняться 13-14 см (рис. 16 - 4). Судя по сохранившейся части насада, к этому же типу относится и наконечник с "чаторасположенными" зубцами, найденный в 1963 г. (Аксенов, 1966а; рис. 8, 4). Недостаточное количество сравнительного материала не позволило в свое время отнести этот наконечник к какому-либо определенному типу. Этот наконечник был обнаружен в средней части лессовидного заполнения трещины, несколько выше массивного короткого наконечника гарпуна, имевшего одну косую прорезь на широком овальном насаде - 1 тип (рис. 16 - 6).

Один целый и два обломка базальных частей наконечников гарпунов нового, ранее неизвестного на Верхоленской Горе типа были обнаружены во II слое в 1965-1966 гг. Обломки были в свое время выделены на основании своеобразной манеры оформи-

ления насада из общей массы гарпунов Верхоленской Горы и опубликованы (Аксенов, 1966а, с. 34). Однако фрагментарность и плохая сохранность орудий не позволяла дать описания и определить их место в группе наконечников гарпунов. Имеющийся в нашем распоряжении целый экземпляр позволяет восполнить этот пробел. Наконечник изготовлен из толстой роговой пластины. С двух сторон вырезаны три пары крупных, редко расположенных зубцов. Расстояние между концами зубцов — 3-3,5 см. Острые массивное, конусовидное. Стебель наконечника прямой, округлый в поперечном сечении. С двух сторон под прямым углом от стебля отходят плечики плоского, лопатообразного насада. На одной плоскости насада четко прослеживаются поперечные и диагональные насечки. Длина наконечника — 15,6 см (рис. 16 - 3). Наличие еще двух подобных образцов (в фрагментах) позволяет выделить особый, III тип верхоленских наконечников "гарпунов". Гарпуны с плоским плечиковым насадом были обнаружены в поаднемезолитических комплексах Усть-Белой (Медведев, 1967б) и Ленковки. Отсутствие в то время аналогий подобными наконечниками на других мезолитических памятниках, их резкое отличие от известных верхоленских гарпунов (I типа) дало основание выдвинуть гипотезу о их генетическом различии, о принадлежности в конечном итоге двум различным культурам (Медведев, 1967б). Уловить связь между наконечниками I и III типов при отсутствии промежуточной формы, связующего звена в эволюционной цепи — наконечников II типа, практически невозможно. Наличие в настоящее время всех трех типов, а также модификация I типа, среди которых отдельные весьма близки II типу, являясь своеобразным переходом между ними (Петри, 1927, табл. ХУШ — левый, ХIХ — правый рисунок), позволяют видеть генетическую связь, эволюцию данной формы орудия.

Через поаднемезолитические гарпуны Усть-Белой и Ленковки верхоленские традиции прослеживаются в неолите Прибайкалья (в серовском его варианте) и энеолите (глазково) (Окладников, 1955, с. 82). Сам принцип крепления наконечника в древке за этот период претерпел коренное изменение — от крепления наконечника с плоским насадом в расщепленном древке до

соединения наконечника с округлым насадом, с втулкой на древке орудия. Выработанный же в мезолите на базе совершенствования насада с косой односторонней прорезью такой элемент насада, как двусторонние плечики выдержал проверку временем и просуществовал в неизменном виде до появления металла в Прибайкалье. Вопрос о назначении косой прорези или плечиков у наконечников гарпунов до последнего времени решался однозначно: эти элементы насада служили для крепления линя. Такое решение вытекало из самой сути — все зубчатые наконечники считались наконечниками гарпунов, т.е. металлических орудий с отделяющимися наконечниками, соединенными с древком при помощи эластичного линя. Однако анализ морфологии наконечников и сравнение с этнографическими данными позволяют иначе решать этот вопрос. Все наконечники с плоским насадом считаны на постоянное жесткое закрепление их в расщеле или пазу на конце древка. На это указывают такие конструктивные особенности, характерные для всех плоских наконечников, как поперечные и диагональные насечки на плоскостях насада, препятствующие выскальзыванию наконечника из гнезда, увеличивающие коэффициент сцепления наконечника с древком. Помещение в расщеле или пазу для удерживания наконечника в нужном направлении — по длинной оси орудия, требует закрепления его, по крайней мере, с двух сторон расщела (паза), что достигается, судя по этнографическим данным, круговой обмоткой расщепленного конца древка, а при наличии выступов-плечиков обмотывавший шнур затягивается через них, что полностью исключает возможность выскальзывания наконечника из древка (Murdoch, 1892; Мавроп, 1889, 1894). Однако при таком креплении исчезает главная, определяющая особенность гарпуна — подвижное соединение частей с помощью линя. Получается унитарное орудие — копье, дротик, острога. На всех зубчатых костяных наконечниках каменного века Прибайкалья только в поздних (неолит, энеолит) с круглым насадом наконечниках, предназначенных для закрепления во втулке древка, используется конструктивная идея гарпуна.

Все три типа верхоленских наконечников "гарпунов", по сути дела, являются наконечниками металлических копий, острог,

дротиков и только по традиции сохраняется старый термин - "гарпуна". Наконечники I типа обнаружены в III слое и в перетолженном состоянии в слое IIa. Тип II - в III и II слоях и в перемешанном состоянии в слое IIa. Тип III - только во II слое. Такое стратиграфическое положение наконечников, а также наличие наконечников I типа в нижнем слое забайкальской стоянки Шурково, а II типа в поднеолитических комплексах Усть-Белоя и Ленковки, по-видимому, указывает на последовательность их появления. Качество обработки и совершенство формы увеличивается также в направлении от I к III типу наконечников. Все это, видимо, указывает на направление общей линии развития наконечников остроги в мезолите Прибайкалья. При такой постановке вопроса отпадает надобность в гипотетическом построении о регионально и генетически различных корнях усть-бельских и верхолонских наконечников (Медведев, 1967). В то время как I тип является общим для мезолита Приангарья и Забайкалья и в какой-то мере может указывать на их восточное, центрально-азиатское происхождение, II и III типы являются продуктами развития исходной для Приангарья формы - 2 типа верхолонских мезолитических наконечников. Однако усиливавшиеся связи, контакты могли способствовать заимствованию некоторых видов орудий от соседей, что, очевидно, можно предполагать в случае с типом III "гарпуна". Но, возможно, заимствованная форма была не механически перенесена, а творчески переработана в соответствии с традициями. В мезолите Приангарья вырабатывается в основном весь комплекс орудий, характерный для охотничье-рыболовческого уклада хозяйства. В принципе, все основные виды орудий охоты и рыболовства были созданы в этот период. На последующих этапах исторического развития происходило лишь их совершенствование. Дальнейший прогресс выражался, как правило, не в принципиальном и коренном изменении форм, а в их "дошлифовке" и, главным образом, во введении новых, более прогрессивных породочных материалов. Процесс создания основного набора орудий протекал как в сфере производства каменных, так и костяных орудий. Наличие во II слое всех трех типов наконечников остроги, по нашему мнению, как раз и является отражением этого процесса.

Новые отрасли хозяйственной деятельности требовали и соответствующих орудий. Так, новая отрасль охоты — охота за рыбой, повлекла за собой создание остроги, а в дальнейшем и рыболовного крючка. Охота на пернатую дичь, судя по фаунистическим остаткам, существовавшая в этот период, повлекла за собой приспособление остроги для этой цели. В позднемезолитических горизонтах Усть-Белой наряду с наконечниками III верхоленского типа встречены своеобразные изогнутые острия с косым срезом и выступом на основании, определенные как "аубья остроги" (Медведев, 1966б, рис. 2-22; 1967, рис. 6) и отнесенные первоначально к рыболовному инвентарю. Однако в этнографии имеются чрезвычайно близкие аналогии этим "аубьям". Еще в конце прошлого века северо-американские эскимосы во время охоты на линяющую водоплавающую дичь применяли метательные копья, снабженные сериями (обычно по 3 экземпляра на одно копье) подобных зубцов. Зубцы эскимосских "nujakrat" и устьбельских "аубьев остроги" совпадают как по форме, так и по конструкции насада и размерам (Murdoch, 1892, Fig. 195, 199; Nelsoп, 1899, Pl. LIII, LIX). Подобные формы орудий были известны и у сибирских народов (Murdoch, 1892, p. 212; Народы Америки, т. 1, 1959, с. 138; Народы Сибири, 1956, с. 957, рис. 1). На основании вышеизложенного "аубья" усть-бельской остроги, видимо, следует считать боковыми зубцами метательного копья (пронгами), употреблявшегося во время охоты на птиц. Наконечниками же такого копья (шатины), вероятнее всего, могли служить наконечники III верхоленского типа, встречающиеся на Усть-Белой в одном стратиграфическом комплексе с аубьями.

Наличие остатков ихтиофауны и скелетов яиц во II слое Верхоленской Горы совместно с наконечниками III типа также указывает на возможное использование остроги в охоте на пернатую дичь. Однако за всю многолетнюю историю исследования стоянки не обнаружено ни одного бокового зубца, подобного устьбельским. Отсутствие этих изделий может быть случайным. Но можно предположить хронологическое, а также сезонное различие стоянок. Вероятно, различие в инвентарном комплексе можно объяснить как отголосок былого культурно-генетического

различия между Верхоленской Горой и Усть-Белой. Вопрос о целевом назначении этого типа орудий является частным, хотя и не лишним определенно интереса и требует дополнительных исследований. В данном контексте все это рассматривается в связи с постановкой вопроса о начальных этапах процесса выработки основного набора охотничье-рыболовецкого инвентаря, послужившего потенциальной базой для развития орудий охоты и рыболовства на последующих этапах развития хозяйства, характерного для многих племен Северной Азии и севера Америки.

Процесс выработки охотничье-рыболовецкого инвентаря проходил по линии своеобразной стандартизации отдельных деталей и узлов для различного рода часто впоследствии уже специализированных орудий. Этнография дает нам яркие примеры этого. У эскимосов Северной Америки имелись копья, употреблявшиеся при охоте на птицу (bird-darts), и копья для добычи рыбы (fish-darts) - орудия специализированные, однако, один из основных элементов этих орудий - изогнутые зубцы, на тех и на других как по внешнему виду, так и по способу крепления к древку не имели принципиального различия (Nelson, 1899). На более ранних ступенях развития, например, в мезолите Прибайкалья, когда конструкция многозубой остроги только появлялась, различия внутри этого типа орудий, по-видимому, еще не могло быть, и одна и та же острога могла употребляться как для добычи рыбы, так и при охоте на пернатую дичь. Но данные, полученные при исследовании стоянок мезолита Приангарья, указывают на то, что сама возможность последующей специализации этих орудий появилась вместе с зарождением орудий этого типа.

Из II слоя происходят фрагменты лопаток крупных млекопитающих. У одного из них один край овально обрезан. При разрезании лопатки применялись приемы, знакомые по расчленению рога - с одной стороны делался глубокий надрез, по которому обламывался ненужный внешний край. Описываемое изделие, вероятно, является обломком копытного орудия, подосного лопаткам из III слоя (рис. 16 - 8).

Украшения. Как уже было сказано, искусство эпохи мезолита в Прибайкалье представлено белю и почти исключительно предметами украшения - подвесками. Подавляющее большинство

изделий изготовлено из агальматолита, легко поддающегося обработке. Агальматолитовые подвески с различных стоянок Прибайкалья сближает между собой способ изготовления - шлифовка плоскостей и биконическое сверление отверстий. Форма и размеры украшений варьируют в значительных пределах (Абрамова, 1962; 1962б). Зпервне подвески из агальматолита (шировика) на Верхоленской Горе были обнаружены во время работ Б.Э.Петри, но его коллекционной описи числилось два изделия этого типа (ИРОМ, кол. 721, № 200, 2660). До последнего времени из-за отсутствия ясности в стратиграфической привязке культурных напластований было невозможно сопоставлять находки украшений с определенным культурным комплексом. Петри вообще не расчленил инвентарь Верхоленской Горы, считая его единым комплексом. В его описи обе подвески зарегистрированы в I слое, условно выделенном и не имеющем определенного стратиграфического значения. В 1965 г. во II слое *in situ* было найдено 3 подвески из агальматолита. Две из них в форме пирамидок с закругленными углами и гранями. Отверстия просверлены с двух противоположных плоскостей в более узкой, вершинной части тела подвески. Высота большей подвески 1,8, ширина в основании 1,1 см; высота меньшей 1,2, ширина 0,8 см, толщина подвесок в основании 0,7 см (рис. 15 - 4-7). Третья подвеска плоская, округлая. Отверстие биконическое, ушко обломлено. Диаметр 0,8 см, толщина 0,2 см (рис. 15 - 8). Еще три аналогичных форм подвески, найденные в 1963-1964 гг. в слое желтовато-серой супеси, можно уверенно связывать с описываемым комплексом. А подвески из агальматолита двух названных форм отнести к характерным предметам II слоя. Наличие многочисленных аналогичных украшений в позднеэнеолитическом комплексе Усть-Валой и фиксация Б.Э.Петри подвесок в I слое Верхоленской Горы дают основание допустить возможность существования их в последующие этапы мезолита, одновременно с подвесками иного типа, из другого материала. Однако агальматолитовые подвески по материалам последних лет достоверно зафиксированы только во II слое Верхоленской Горы. Наличие украшений из агальматолита и простого орнамента на костяных орудиях указывает на то, что древние верхоленцы, как и их забайкальские

соседи не были "лишенными художественной одаренности" (Петри, 1923, с. 44).

Кроме описанных орудий из рога и кости и украшений во II слое найдено несколько пиленых трубчатых костей птиц. Аналогичный технологический прием расщепления птичьих костей и изготовление из них ювелирно тонких игл с ушком известны по материалам мезолитических слоев Усть-Белой (Медведев, 1966)

В коллекции имеются также обломки рогов благородного оленя со следами пиления и обрубания.

На Верхоленской Горе I имеется три слоя, находки в которых залегают в различной степени перемещенном состоянии. Эти слои - IIIa, IIIa и весь I слой.

IIIa слой

Слой заключен в промежуток между низом II слоя и верхом очажных комплексов III слоя. Находки этого слоя перемещены с блоков полигонов в трещины до того, как на Верхоленской Горе поселились люди, оставившие следы своей деятельности во II слое. Все находки могут принадлежать только первым поселенцам этой стоянки и поэтому обнаруженные в слое IIIa 12 орудий из камня и их обломков и один наконечник "гарпуна" были рассмотрены нами с орудиями III культурного слоя.

IIIa слой

Слой выделен условно в раскопе 1965-1968 гг. Из 2398 предметов 564 составляют орудия; их обломки, призматические пластины и микропластинки. К этому слою следует отнести подавляющее количество находок из II слоя и часть находок III слоя из коллекции Б.Э.Петри (ИРОМ, кол. 721), а также коллекции из "нижнего горизонта" и частично из "верхнего горизонта (нижняя часть)" раскопа 1963 г. (АЛ ИГУ, шифр коллекции ВГ-63). Однако коллекция Петри в значительной степени утрачена и поэтому целесообразно коснуться только той части находок, принадлежность которых к слою можно установить. По мере необходимости нами используются данные раскопа 1963 г.

В слое Па в перемешанном состоянии заключены предметы, происходящие из II и III слоев. Не исключено попадание отдельных находок и из I слоя. Это тем более вероятно, что во многих случаях стратиграфическое расчленение между I и II слоями исключительно затруднено из-за механического нарушения почвенного горизонта. В данном разделе дается попытка по возможности стратифицировать материал, перемешанный в залегании и в результате объективных и субъективных причин во время раскопок предных лет.

Каменные орудия. Такие орудия, как отбойники из галек, чирпера, плитки аргиллита с круто оббитым скребловидным краем, скребла аналогичны образцам из III и II слоев, поэтому невозможно определить, к какому из двух основных комплексов принадлежит то или иное конкретное изделие.

Реэцы представлены двумя типами: трансверсальными верхоленского типа, присущими как III, так и II слоям (рис. 17 - 1-6), и трансверсальными, близкими по форме предыдущим, но ретушированными только с одного края (рис. 17 - 7-14), известными нам по II слою. В 1963 г. в "нижнем слое", соответствующем нашему Па, был обнаружен боковой двусторонний реэц (инв. № 101). Подобного рода орудия известны в палеолите Красного Яра на Ангаре.

Нуклеусы. Кроме нуклеусов гобийского типа, клиновидных, конических микронуклеусов и заготовок нуклеусов этих типов (рис. 18), в коллекции имеется образец нуклеуса, не встреченного в инситу залегании. Одна сторона массивного обломка аргиллитовой плитки покрыта негативами крупных призматических сколов. Скошенная площадка обработана короткими сколами только у фронта. Эти внешне грубые нуклеусы, но со следами снятия отличного качества крупных правильной формы призматических пластин довольно широко распространены в Приангарье. Им технологически близки крупные галечные нуклеусы со стенок, близких по времени и культуре Верхоленской Горе в Забайкалье (Окладников, 1959б) и на верхней Лене (Макарьев II). Пластин, снятых с подобного нуклеуса, встречены во II слое, в III слое они неизвестны. На этом основании мы склонны отнести этот нуклеус к комплексу II слоя.

Здесь же был обнаружен небольшой призматический нуклеус с негативными сколов коротких микропластинок. Этот микронуклеус находит аналогии в слое II. В 1963 г. подобный нуклеус (инв. № 113) найден в "нижней части верхнего слоя", который должен соответствовать слою II в современном понимании. В этом же слое в 1963 г. был обнаружен нуклеус "ближайший дискондальному" (инв. № 166); подобное орудие имеется и в коллекции 1965 г. Мы склонны отнести их ко II слою на том же основании, что и микронуклеус.

Скребки. Имеются следующие типы: микроскребки с овальным рабочим краем, боковой скребок из отщипа, скребок из галечного отщипа с минимальной обработкой края и скребок из обломка плитки аргиллита (рис. 19 - 1-8). Если микроскребки находят себе аналогии в комплексе III слоя, то три остальных типа следует отнести к слою II, где известны довольно близкие формы. В 1964 г. в этом слое наряду с названными типами были обнаружены скребки, изготовленные из сколов с нуклеусов, которые встречаются нередко на стоянках различного возраста.

Ножи - многочисленная и разнообразная по формам группа орудий Па слоя. Здесь присутствуют характерные для III и II слоев типы ножей: "улу", сегментовидные с оббитым обухом, из крупных призматических пластин, из отщепов, из плиток аргиллита. Отдельные модификации представлены большим количеством образцов (рис. 19 - 9-11; 20 - 1-3; 21 - 1-4).

Ножи-острия, зафиксированные во II слое, в коллекции 1963 г. представлены обломками. "Продолговатые ножи" из коллекции Петри (кол. 721, № 1867, 1900; Петри, 1927, табл. У) также обнаружены в слое II, который в данном случае, видимо, соответствует нашему слою Па. На этом основании время их появления следует связывать с поселением II слоя.

В слое Па имеются ножи, принадлежащие к типам, не встречаемым в залегании *in situ*. Во-первых, это ножи из крупных пластинчатых сколов. Их объединяет не только сходство в сырье, в исходной заготовке, но и прием обработки и характер рабочего края. Как правило, обработанный край у этих ножей прямой, оформлен плоской "тщательной" ретушью с одной стороны - с дорсала. Только на некоторых экземплярах с целью выпрямления лезвия плоскими фасетками сняты неровности. Разно-

ри орудий колеблются в значительных пределах - от 12,5 до 4х4 см (рис. 21 - 2,3). Более мелкие варианты этих ножей в силу устойчивости формы и размеров следует отнести в особый подтип. Отнесение этих ножей к какому-либо из двух определенных комплексов затруднительно. Технологические приемы их изготовления в равной мере присущи как III, так и II слой, а отсутствие подобных орудий в комплексах *in situ* не дает основания для отнесения их к определенному стратиграфическому подразделению.

Новой и неожиданной находкой является обнаруженный в 1966 г. нож из плоского аргиллитового отщепя подтреугольной формы, длина его 5,5, ширина 3,5 см (рис. 27 - 1). Это орудие оформлено в той же технической традиции, что и предыдущие: плоскими широкими сколами обработана вся поверхность спинки, края по периметру отретушированы мелкими фасетками и также только со спинки. С обработанной стороны орудие похоже на наконечник, а в общем напоминает подобные орудия из докембрийских комплексов Хоккайдо. Техническая традиция унифицированной обработки подобных орудий прослеживается и в одно-временных Верхоленской Горе культурах американской Аритики (Willey, 1966; Береговая, 1967). Все это указывает на широкое территориальное распространение орудий подобного рода в конце плейстоцена - начале голоцена. Появившаяся в мезолите форма ретушированных подтреугольных ножей достигла своего совершенства в неолите Приангарья. Ретушированные ножи из серовских погребений (Складников, 1950б, рис. 40) и неолитического комплекса "Сть-Белой" вероятнее всего являются отражением генетического развития верхоленского типа. Определить к какому из двух нижних слоев принадлежит описанное орудие невозможно. Одновременное присутствие в комплексах (хотя и разобщенных регионально, но близких как по уровню развития, так и хронологически) одно- и двусторонне обработанных орудий является характерной чертой многих северо-азиатских и северо-американских культур эпохи, переходной от палеолита к неолиту. Это, по-видимому, своеобразное "технологическое" отражение переходности, поиск новых приемов и способов обработки материала, новых форм орудий.

Двусторонне обработанные орудия, составляющие неотъемлемую и характерную часть верхоленского комплекса каменных орудий, уже были описаны - это ножи улу, частично сегментовидные ножи, а также гобийские нулеусы. Однако наиболее яркими образцами этой технологической традиции следует считать "лавролистные наконечники копий" (Петри, 1927; 1928) или "лавролистные остроконечники" (Петри, 1923). Эти орудия стали известны благодаря публикациям Петри, откуда были впоследствии заимствованы во многие другие издания (Народн Сибири, 1956; Ефименко, 1934; Сосновский, 1934 и др.). Три остроконечника, воспроизведенные в публикациях, происходят из подъемных сборов и не могут служить базой для определения стратиграфического положения данного орудия. В описи из раскопок Петри (ИРОМ, кол. 721) под № 559, 1298, 1467, 1781 отмечены три обломка и один целый экземпляр лавролистных наконечников. Три первых (обломки) происходят из II слоя, а последний - из I слоя (по градации Б.Э.Петри). В III слое за всю историю исследования Верхоленской Горы не обнаружено ни одного наконечника. Учитывая тот факт, что раннее население стоянки было знакомо с приемами двусторонней обработки орудий, мы не можем категорически исключать возможность обнаружения в будущем наконечников в III слое, однако, имея данные пока достоверно указывают на их присутствие только в I и II слоях. Поэтому следует указать на преждевременность и необоснованность заключения, сделанного в свое время Г.П.Сосновским, отнесшим "лавролистные остроконечники" к III слою Верхоленской Горы (1934, с. 274).

В раскопках последних лет обнаружено 4 предмета, которые можно определить как обломки лавролистных наконечников (Аксенов, 1966а). Два из них были найдены во II слое и два в низах I слоя. Это еще раз подтверждает наши выводы. К сожалению, наиболее полно о внешнем облике наконечников мы можем судить только по публикациям Б.Э.Петри, так как все целые экземпляры из старых сборов были впоследствии утеряны.

Традиция крупных листовидных наконечников в Приангарье не прерывается в мезолите, а продолжается в неолите и энеолите. Как и в других уже отмеченных случаях, она прослежива-

ется в серовском варианте прибайкальского неолита и в "глазово" с серовскими традициями.

Отщепы с концевой двусторонней подтеской типа pieces e'caillées. В коллекции 1965 г. имеется 2 экземпляра подобных орудий (рис. 20 - 4-5), 2 долотовидных орудия были найдены в раскопе 1962 г. в нижнем слое (АЛ ИГУ, ВГ-63-80, 84) и одно в III слое в 1968 г. Этот факт, а также наличие pieces e'caillées в более ранних сибирских стоянках позволяет отнести их к комплексу III слоя.

Тесла. В раскопе 1963 г. в низах верхнего горизонта были обнаружены 2 предмета, по внешнему виду отнесенные к группе тесел. Оба - обломки орудий. Обломок овального (рабочего) края орудия, изготовленного из гальки кремнеоловой породы, оформлен крупной ретушью со "спинки", на вентрале сохраняется нетронутая галечная поверхность. Фрагментарность находки не позволяет определить размеров и общего облика орудия. У второго орудия обломлен рабочий край. Тесло было изготовлено из плитки аргиллита. Дорсал орудия обработан сколами по всей поверхности, две боковые грани оформлены короткими широкими фасетками. В сечении орудие трапециевидное и несколько напоминает исаковские тесла приангарского неолита.

В заключение следует указать на наличие в коллекции каменных орудий из этого слоя отжимников из удлиненных речных галек (АЛ ИГУ, ВГ-63-9, ВГ-63-883-221), а также ретушера из галечного нуклеуса. В слое собрано большое количество отщепов, сколов, чешуек кремня, аргиллита, кварцита и обломков костей млекопитающих, рыб и птиц.

Орудия и кости и рога, встреченные во II слое, характерны для описанных комплексов слоев III и II.

Наконечники "гарпуное" (острог) представлены только двумя верхолэнскими типами - I и II. Орудия весьма характерны, обладают всеми отличительными признаками выделенных типов (рис. 22 - 2,3). Отличие во внешнем облике костяных изделий из слоя II - большая степень коррозии поверхности некоторых орудий - объясняется залеганьем находок в низах современного почвенного горизонта. Соотношение между типами наконечников аналогично III слою, но признать, что все орудия

происходят из этого комплекса невозможно, так как II тип "гарпунов" присущ в равной мере как III, так и II слоям. Подобное положение может только лишь раз доказывать наличие в этом смешанном комплексе орудий из III и II слоев.

Во II слое обнаружена и плохо сохранившаяся роговая колотушка, аналогичная экземпляру из III слоя. Также аналогичны орудиям из III слоя отжимник из стержня, вырезанного из рога благородного оленя (рис. 22 - 1), и обрезанная лопатка крупного млекопитающего. Имеется небольшой обломок средней части обоймы вкладышевого орудия (рис. 22 - 8).

В слое встречены остатки птичьих костей, подвергавшихся обработке. Это так называемый "игольник" - обрезанный кусочек трубчатой кости, условно названный по некоторому сходству с широко известными в неолите Прибайкалья игольниками, а также несколько костей с продольными параллельными пропилами. Такой метод расчленения птичьих костей для получения тонких стержней, из которых изготавливались миниатюрные иглы, хорошо известен по находкам из мезолитических слоев стоянки Усть-Белая (Медведев, 1966). Наличие аналогий дает нам основание относить эти находки ко II слою (рис. 22 - 4, 5).

Предметы украшения представлены 3 бусинами-подвесками из агальматолита, абсолютно аналогичными украшениями из II слоя, принадлежность к которому не вызывает сомнения (рис. 22 - 9, 10).

1 культурный слой

Наибольшее количество находок происходит из I слоя. В отличие от вышеописанных слоев находки здесь распространены довольно равномерно по всей площади раскопов. Отсутствуют какие-либо искусственные комплексы и значительные скопления предметов в естественных углублениях и неровностях прежнего рельефа. На большей части исследованного участка прослеживаются следы неоднократной перепашки. Находки были перемещены с мест своего первоначального залегания в результате естественных процессов перемещения грунта вниз по склону. Распашка еще более усугубила склоновые процессы и вместе с этим передислокацию культурных остатков. В результате естественных и техногенных перемещений почвы все культурные

остатки 1 слоя, заключенные в ней, дошли до нас в переотложенном состоянии. Как уже отмечалось, пахотой частично (на наиболее высоких частях полигонов) разрушены и нижние культурные слои. В результате этого в 1 культурный слой проникли находки из II и III слоев, а также фаунистические остатки из более древних отложений. Относительную многочисленность культурных остатков следует связывать в какой-то мере с принесением их из нижележащих горизонтов, а также с перемещением с более крутых верхних участков склона на более пологие, где расположены раскопы 1919-1928 и 1963-1968 гг.

В 1 слое последнего раскопа собрано 13 482 предмета, из них 2883 составляют орудия из камня и кости, их обломки, украшения, призматические пластины и микропластики.

По коллекционной описи Петри (ИРОИ № 721) в 1 слое зарегистрировано 859 предметов. Из этой массы находок подавляющее большинство (около 80%) составляют так называемые "отходы каменной индустрии" - отщепы, сколы, битый камень. Фаунистические находки в этом слое редки, сохранность их исключительно плохая; определяемая фауна отсутствует.

99,99% предметов из коллекции 1 слоя изготовлены из камня. За всю историю исследования Верхоненской Горы в 1 слое не зафиксировано ни одного четко выраженного орудия из кости или рога. В коллекции Петри отмечается наличие двух косточек "со следами обработки" (ИРОИ, кол. 721, № 2314, 2315), в раскопах 1959, 1963 и 1964 гг. обработанная кость не зафиксирована. В раскопе 1965 г. в кв. 290 был обнаружен фрагмент орудия из пластины рога благородного оленя. Характер обработки и форма сохранившейся части позволяют предположить, что это был обломок цельнорезного рубящего кривца усть-большого типа (Аксенов, 1966а). Орудие было массивным (ширина в нижней закругленной части 2 см) и, вероятно, превосходило по размерам крупные цельнорезные кривцы из позднемезолитического комплекса Усть-Белой (Медведев, 1966б; 1967б). К сожалению, фрагментарность не позволяет сделать какие-либо более категоричные заключения (рис. 28 - 19). Важность находки заключается в том, что на ее основании мы можем в какой-то мере судить о наличии в верхнем слое Верхоненской Горы костя-

ных орудий, характерных для позднего мезолита Приангарья. В 1968 г. обнаружен небольшой фрагмент трубчатой кости с ясными следами надрезов. Этим и ограничиваются следы обработки кости в 1 слое.

Каменные орудия. Из-за механического смешения равноновременных культурных остатков, и также, видимо, в силу генетической связи 1 слоя с более древними культурными комплексами стоянки значительная часть каменных орудий и украшений находит полные аналогии во II и III культурных слоях. Так, клиновидные нуклеусы, рвцы верхоленского типа, микроскрепки с высоким рабочим краем, скребла, *pieces e'caillées*, ножи улу, некоторые галечные орудия и подвески из агальматолита почти ничем не отличаются от вышеописанных образцов. Вероятно, большая часть их переотложена из II и III слоев. Однако, пользуясь методом исключения, мы можем выделить определенный комплекс орудий, характерный для этого слоя, отличный от нижних культурно-стратиграфических групп. Выделенные таким образом орудия сравнимы с определенными комплексами мезолита Приангарья, представленными верхними мезолитическими горизонтами Усть-Белой, Уляхи, Соснового Бара и нижним слоем стоянки Царь-Девича. На основании сравнения с этими комплексами мы не можем полностью исключить из 1 слоя все орудия, имеющие аналогии во II и III слоях, так как все эти типы имеются среди орудий названных стоянок, а некоторые из них существовали и в дальнейшем - в неолите Прибайкалья. Но для выделения и обоснования комплекса прежде всего следует рассмотреть орудия, характерные именно для 1 слоя стоянки. Этот набор орудий может быть дополнен рядом форм, которые, возможно, принадлежат этому слою, но не находят так же аналогий в более древних (как и в более молодых) памятниках.

Ретушеры. Кроме отбойников из галек в группу орудий, служивших для производства орудий, входят отжимники и ретушеры. В коллекции обнаружено несколько разновидностей орудий, которые, судя по следам работы, исполняли функции ретушеров. Дисквидные орудия, обколотые по всей поверхности со следами камяти и звездчатых выбоинок на ребре, были описаны

в свое время Г.И.Медведевым (1961), как своеобразный тип каменного ретушера-отс-линика. Подобные орудия широко распространены в каменном веке Приангарья и отмечены в Северной Америке (Медведев, 1961, с. 234). Следует добавить, что близкие аналогии этих форм известны в каменном веке Европы (Семенов, 1957) и в Забайкалье. Заготовками дисковидных ретушеров-отбойников являются поделки, в морфологическом отношении равнозначные так называемым дисковидным нуклеусам. В этом отношении правомерно сопоставление этих двух форм орудий с ретушерами и отбойниками, изготовленными из нуклеусов (Семенов, 1957). В связи с этим можно говорить о широком хронологическом диапазоне существования этих орудий. Наличие равнохарактерных по своему происхождению следов работы на названных орудиях свидетельствует, по-видимому, о том, что они в функциональном отношении являлись прежде всего отбойниками, так как "грубая звездчатая поверхность есть функциональный признак отбойника" (Семенов, 1957, с. 58). Однако наличие вмятин, царапин и заощенности на "рабочей грани" может указывать на то, что дисками производили не только скалывание отщепов в результате ударов, но и отщепление их путем давления, отжима. В этом отношении определение орудий как "ретушеров-отбойников" следует признать правильным (рис. 23 - 3,4).

Следы подобного комбинированного использования имеются и на ряде орудий из галек (рис. 23 - 1,2). Имеются продолговатые гальки без какой-либо дополнительной обработки с легкими вмятинами и царапинами на гладкой поверхности. Вероятно, эти гальки использовались в качестве ретушеров. Употребление галек продолговатой формы в качестве ретушеров отмечается в Прибайкалье и в последующие периоды.

Третья разновидность ретушеров Верхоленской Горы отличается от предыдущих как морфологически, так и по функциональному назначению. Орудия изготовлены из крупных призматических пластин или пластинчатых отщепов. Как правило, оба края обработаны крупной притупленной ретушью, ударный бугорок сохранен. Проксимальный конец, а также прилегающие к нему части сторон орудия несут следы сильной изношенности,

напоминающие грубую подшлифовку. Это особенно ярко проявляется на орудии из крупной мергелевой пластины (рис. 23 - 5). Конец пластины, особенно со стороны спинки сильно "сточен" от работы. Судя по степени и следам изношенности орудием обрабатывали жесткий материал, вероятно, камень. Тонкие глубокие царапины и штрихи, проходящие вверх от рабочего края, и полученные во время соскальзывания орудия, подтверждают это предположение. Направление царапин на сторонах пластины и мелких бороздочек на "сточенном" участке указывает, что сила, прилагавшаяся в процессе работы, была направлена строго по длинной оси орудия, т.е. работа производилась торцом, путем последовательных энергичных нажатий.

Орудие из пластинчатого лидитового отщепка, обработанное аналогичным способом и несущее идентичные следы изношенности на обоих концах, имеется в коллекции 1952 г. со стоянки Ошурково. Ближайшую аналогию этому ретушеру мы имеем в 1 слое Верхоленской Горы (рис. 23 - 6). Орудие изготовлено из мелкокристаллической твердой породы, и в связи с этим следы работы проступают менее четко, в форме заломленности и слабо заметных царапин на одном конце. На материалах западноевропейских памятников еще в конце XIX в. орудия, по форме близкие описанным, были определены как отжимники (по J. Evans - *fabrications or flacing tool*) или ретушеры (по M. de Mortillet - *retouchoir*, см. Wilson, 1899, p. 883). На базе трасологического анализа С.А.Семеновым в инвентаре поднеопалеолитических и мезолитических стоянок европейской части Советского Союза выделена группа орудий разнообразных по форме и способам обработки, но единых по функциональному назначению - ретушеры. Ретушеры из пластин и пластинчатых отщепов, которые особенно характерны для восточно-европейского мезолита (Семенов, 1953; 1957), судя по описанию и иллюстрациям, весьма близки прибайкальским мезолитическим образцам.

В старых сборах с Верхоленской Горы, а также в коллекции 1952 г. имеются полукруглые орудия, величина и форма которых поражают своей постоянностью. Размеры их колеблются в пределах: длина 6-8, ширина 3-4, толщина 1-1,5 см. Орудия

изготовлены из кремня или аргиллита. Попытки определить их функциональное значение предпринимались не однажды. В свое время Г.И.Сосновский отнес их к двусторонне обработанным скреблам (1934, табл. 7, 4), Г.И.Медведев отнес эти орудия в группу ножей, не выделяя их из общей массы разноформатных и различных по характеру обработки полулунных, улоподобных изделий (1961). Позднее они были отнесены на основании следов работы, проглянувшихся на некоторых экземплярах, к группе рубящих орудий (Аксенов, 1966б; 1967). Все эти попытки являются отражением различных ступеней в овладении фактическим материалом, изменения взглядов в связи с увеличением объема знания. Пересмотр данных орудий и аналитическое сравнение следов работы на них со следами работы на других орудиях, коренным образом изменили нашу точку зрения на характер их целевого назначения. Изношенность лезвия, его "замятость", тонкие и глубокие царапины на рабочем ребре и выступах склонов на обеих сторонах аналогичны по характеру проявления и расположению на теле орудия следам сработанности на ретушерах из пластин и пластинчатых отщепов. Наличие ряда звездчатых выбоинок на лезвии и относительная массивность поделки указывают, что при необходимости этим орудием могли пользоваться и как отбойником. Однако по соотношению различных следов работы можно заключить, что в основном орудие несло функции ретушера, в качестве отбойника оно использовалось редко. Внешняя форма сближает эти изделия с дисковидными ретушерами-отбойниками, а следы работы более близки таковым на ретушерах из пластин. Кроме Верхоленской Горы подобные орудия известны по находкам с мезолитической стоянки Черемушник (Аксенов, 1966б; 1967) и с забайкальских местонахождений Дурены, Ожурково. В палеолите и неолите эти орудия не встречались, и вывод о характерности их для мезолита Прибайкалья остается в силе.

Наличие ретушеров только в 1 слое Верхоленской Горы не может свидетельствовать о появлении их на заключительных этапах мезолита в Прибайкалье. Отмеченное смещение одновременных находок в этом слое прежде всего не позволяет сделать такого заключения, а имеющиеся в нижележащих слоях тонкоретуши-

рованные орудия являются косвенной гарантией того, что в инструментарии населения развитого и раннего мезолита имелись орудия для нанесения такой ретуши. Появление их, по-видимому, надо искать в позднем палеолите и связывать с введением такого технологического приема как отжимная ретушь.

Абразивные инструменты. Находки шлифованных изделий из кости и камня на верхнепалеолитических стоянках Мальта, Буреть, Красный Яр свидетельствует о раннем аналогстве населения Приангарья с абразивной техникой. Самыми ранними и до сих пор единственными в своем роде инструментами для производства шлифовальных работ являются "точильные" бруски из мелкозернистого песчаника, обнаруженные в 1965 г. в III культурном горизонте Красного Яра (Медведев, 1966а). В коллекции Б.Э.Петри с Верхоленской Горы имеются обломки плиток местного юрского песчаника с желобчатыми проточками на поверхности. Судя по описи, Петри определял их незначительно как "точильных камней" (ИРСМ, кол. 721, № 2347) или более категорично - "точильных камней для шлифовки кости" (ИРСМ, кол. 721, № 1612). Происходят эти предметы из разных стратиграфических уровней: первый - из I слоя, второй - из III (по градации Петри). В первом слое раскопа 1965 г. был обнаружен обломок песчаниковой плитки с глубокими желобчатыми проточками на обеих плоскостях (рис. 23 - 7). Ровные желобки внешне весьма похожи на проточки знаменитых полуцилиндрических "выпрямителей" древков неолитической эпохи. Вероятно, и в функциональном отношении они несли одинаковую нагрузку, т.е. употреблялись для шлифовки круглых, скорее всего костяных и шиферных стержней и шилообразных острий. Изогнутые и короткие проточки могли получиться от обработки на абразиве коротких округлых предметов таких, как некоторые агальметолитовые подвески.

Нуклеусы - одна из наиболее многочисленных и наиболее разнообразных в морфологическом отношении групп каменных изделий. Если в III слое мы можем с некоторой оговоркой констатировать наличие только двух форм нуклеусов, во II и Ia слоях соответственно 5 и 8 морфологических разновидностей, то в группу нуклеусов I слоя входят около полсотни различных кор-

фологически различных видов и вариаций этих изделий. К характерному для Верхоленской Горы аргиллиту, более редкому серому полосатому кремню и весьма редкому лидиту добавляются полупрозрачный халцедон, мергель и обремневые породы, которые и в настоящее время встречаются в русловых галечниках верхнего течения Ангары. Самыми многочисленными среди морфологически четко выраженных форм нуклеусов являются клиновидные. Имеются клиновидные нуклеусы с двумя плоскостями скалывания, нуклеусы, сильно вытянутые в высоту, ограниченные на одну треть и более поверхности; короткие неширокие, но тонкие клиновидные нуклеусы с относительно прямой базой; клиновидные нуклеусы из плоских отщепов. Следует заметить, что между всеми этими разновидностями имеются переходные формы, отнесение к которым к тому или иному подразделению весьма затруднительно. Подмеченная ранее тенденция в развитии клиновидных нуклеусов и постепенный их переход в призматические особенно заметна на материалах 1 слоя. Свообразна своего рода переходная форма от клиновидных к призматическим, ограниченными по кругу — односторонние призматические нуклеусы конической формы. Имеются и грубопризматические и конические микро-нуклеусы, известные по находкам из слоя II; появляются карандашевидные и так называемые нуклеусы-дрели, много двуплощадочных нуклеусов (рис. 24), в том числе галечных и из плиток аргиллита. Многочисленны аморфные нуклеусы из плиток аргиллита и галек. Имеются крупные, грубо обколотые плитки аргиллита — заготовки более определенных форм, где, несмотря на грубость обработки, проступают характерные черты того или иного типа нуклеуса. Кроме того, в коллекции имеется большое количество обломков нуклеусов, сколов подбивления баз, килевидных и лжевидных сколов.

Резцы также морфологически более разнообразны, а количественно более многочисленны. Трансверсальные резцы верхоленского типа кроме микроформ, известных в III и II культурных слоях, дополняются образцами, изготовленными из крупных пластинчатых отщепов. Кроме Верхоленской Горы такого размера резцы встречаются еще на забайкальской стоянке Смурково. Среди мелких форм орудий этого типа заметно увеличивается количество резцов, изготовленных из призматических пластинок. Имеют-

ся в коллекции и трансверсальные резацы, близкие верхоленскому типу, но ретушированные только с одной стороны или не ретушированные совсем. Эти орудия находят аналогии во II слое. Аналогичны образцам из II слоя и некоторые угловые резацы. Но количественно и морфологически угловые резацы I слоя более разнообразны. Появляются и новые, неизвестные в ранних комплексах типы резацов - срединные, многофасеточные, полиэдрические. Следует отметить, что в способе оформления срединных, многофасеточных резацов прослеживается традиционный прием трансверсальных резацов верхоленского типа - характерная крутая ретушь с обеих сторон. Вероятно, здесь мы встречаемся с примером усовершенствования ранее выработанной формы. Интересно отметить, что в этом слое встречается и своего рода промежуточная форма между этими типами. На основании прослеживаемой генетической связи и в целях подчеркивания морфологического своеобразия эти резацы нами названы срединными многофасеточными резацами верхоленского типа. В отличие от полиэдрических резацов и "нуклеусов-дрилей" по старой терминологии, характерных для позднемезолитических памятников Прибайкалья, срединные резацы верхоленского типа известны до сих пор только в I слое Верхоленской Горы (рис. 25).

Скребок морфологически близки формам III и II слоев (рис. 26). Следует отметить только появление микроскребов и призматических пластинок - явление общее для позднего мезолита Приангарья.

В группе скребел наблюдается значительное количественное уменьшение. Если в более древних комплексах стоянки эти орудия немногочисленны, но представлены достаточно четкими в морфологическом отношении образцами, то в I слое мы находим всего 4 атипичных скребловидных изделия из плиток артиллита и крупных кварцитовых отщепов и 3 обломка орудий, по характерной односторонней ретуши отнесенных к этой группе (рис. 23 - 8, 10).

Группа нозей, хотя и относительно многочисленная, но морфологического разнообразия здесь не отмечается. Из новых видов следует отметить появление нозей из правильных призматических пластин. Морфологически эти ножи не составляют единой и четкой группы и также, как и ножи из отщепов и ар-

гиллитовых плиток объединяются общностью заготовок. В 1 слое имеются все типы ножей, известные в III и II слоях, кроме сегментовидных с оббитым обухом и ножей-острий из массивных пластин. Среди ножей улу появляются образцы, весьма близкие по форме листовидным наконечникам - бифасам (рис. 27).

Галечные орудия также немногочисленны и представлены все теми же чопперовидными формами. Однако появляется характерное, типичное для стоянок позднего мезолита Приангарья тесловидное орудие с боковыми выемками, внешне напоминающее грубые галечные топоры с выемками с северо-востока США (Willey, 1966, 259). Эта форма орудий характерна именно для позднего мезолита Приангарья. Они отсутствуют на ранних этапах, не отмечено их и в неолите. Являясь своего рода итогом развития галечной техники в Прибайкалье, эти орудия, по-видимому, послужили прообразом, предковой формой топоров и тесел "с ушками", широко распространившимися в неолите Восточной Сибири (рис. 26 - 1).

В 1 слое появляется заметное количество изделий из ретушированных призматических пластинок: лезвия вкладышевых орудий (рис. 28 - 12-14), острия типа "даурских наконечников" (рис. 28 - 7), ножи (рис. 28 - 9), проколки из пластин и микропластин (рис. 28 - 8, 10, 11), микроскрепки (рис. 26), микрорезы (рис. 25). Все эти орудия характерны для позднего мезолита Приангарья. Известны они и на хронологически близких памятниках Забайкалья, Амура, Японии. Из всей этой группы орудий следует несколько остановиться на остриях из призматических пластинок. Орудия эти изготовлены, как правило, из хорошо огранных микропластинок. Плоской ретушью с одной стороны или частично с двух сторон обработан острый конец и иногда основание. Как правило, с одной стороны или с двух сторон остается частично нетронутой поверхность пластинки. Орудия несколько напоминают по форме миниатюрные наконечники стрел, известные в Европе и Азии с эпипалеолита (Окладников, 1950а; Дебец, 1930; Окладников, 1966в). Сама форма этих наконечников, изготовленных из легких хрупких пластинок, часто изогнутых, вызывает серьезное сомнение в определении их функционального назначения. Это тем более сомнительно, что повсеместно в комплексах с этими остриями имеются настоящие

наконечники стрел. Не составляет в этом отношении исключения и Верхоленская Гора. Совместно с острыми из пластинок найден небольшой (5x2x1 см) двусторонне обработанный наконечник стрелы, изготовленный из аргиллитового скола (рис. 28 - 20).

Наконечники-бифасы, которые, вероятнее всего, являлись наконечниками стрел, известны и с наиболее близких по возрасту и культуре стоянок Приангарья (Царь-Девича, Усть-Белая). Все это позволяет нам согласиться с мнением Г.И. Медведева о том, что первые кремневые наконечники стрел в Прибайкалье появляются "не в виде острий из призматических пластинок, а в виде наконечников-бифасов" (1968, с. 20). Острия же из пластинок в большинстве случаев, по-видимому, являлись орудиями типа проколов. Если взглянуть на функциональное назначение этих орудий в последнее время претерпел некоторые изменения, то значение этих орудий как хронологического показателя остается в силе. Острия из пластинок в Прибайкалье появляются в мезолите и особенно характерны для заключительных его этапов. В близком хронологическом положении они встречаются и в комплексах других регионов.

Кроме перечисленных орудий из камня встречается большое количество отщепов, сколов, плиток аргиллита. В очень незначительном количестве находятся чешучатые микроотщепы и кусочки графита.

Из 1 слоя известны и предметы украшения. И по валеганию и типологически их следует относить к комплексу П слоя.

Иначе обстоит дело с изделиями из шиферного сланца. В 1964 г. в 1 слое была обнаружена подвеска, изготовленная из плиточки шиферного сланца. Узкие грани слегка пришлифованы и на одном конце просверлено отверстие. Способ сверления отверстия отличается от известного по П слою. Там сверление на подвесках биконическое, здесь отверстие просверлено с одной стороны. Резко отличается форма изделия (рис. 28-24). Шиферный сланец на заключительных этапах мезолита Приангарья получает довольно широкое распространение как материал для изготовления шлифованных орудий и украшений. Характерны шлифованные острия из гряды Частые и Хиньская (Окладников, 1950б) и из нижнего слоя Царь-Девича (ГИИ, инв. № 42098). Стерженьки рыболовных крючков с Царь-Девича изготовлены из шиферного

сланца. В 1 слое Верхоленской Горы из него изготовлено, кроме бусины-подвески, изделие, весьма близкое по форме стерженькам крючков царь-Девичь (рис. 28 - 22). Имеется также плитки сланца с пришлифовкой краев (рис. 28 - 23), а также обломок продолговатой гальки с мелкими выбоинками на поверхности, аналогичной ретушерам из шиферных галек из позднемезолитического комплекса стоянки Уляха.

В заключение следует указать еще на одну находку, которая является скорее памятником духовной культуры, нежели материальной. Это небольших размеров, неправильной формы плитка аргиллита, одна из плоскостей которой испещрена сеткой неглубоких, тонких линий, процарапанных каким-то острым орудием. Каков-либо рациональное значение этого "рисунка" установить невозможно. Аналогии в соседних регионах не известны. Аналогичный "клеточный" процарапанный "орнамент" покрывает с внутренней стороны фрагмент стеатитового сосуда "архаического периода" со стоянки Гастон (Северная Каролина, США). Но если в северо-американском примере можно признать, что сетка имеет орнаментальную нагрузку, то смысл рисунка на верхоленской плитке абсолютно неясен. Часть рисунка была снята несколькими плоскими сколами. Кроме этого, никаких следов воздействия человека на плитку не обнаружено. В этом случае интересен сам факт наличия в позднем мезолите Приангарья примитивных примеров гравировки по камню. Гравирование кости и мягких пород камня известны в каменном веке Прибайкалья. Пример гравировки на твердых, кремнистых породах - пока единственный (рис. 29).

Изменения в инвентарных комплексах, выявленные анализом стратиграфически различных комплексов Верхоленской Горы, отражают на конкретном материале общий процесс выработки основного набора орудий, основного комплекса инвентаря, необходимого для обслуживания вполне определенного хозяйственного уклада - охотничье-рыболовецкого. Процесс становления и закрепления этого уклада протекал в Приангарье на протяжении всей эпохи мезолита, различные этапы которой отражены в материалах Верхоленской Горы.

Статистический анализ материалов Верхоленской Горы указывает на увеличение относительного количества микроформ и одновременное уменьшение макроформ.

Слой	Макроформы	Микроформы	Отношение
Ш	10,0 %	13,7 %	1:1,4
П	1,3 %	12,2 %	1:9,4
1	3,3 %	55,1 %	1:17

Различия, выявленные между инвентарными комплексами Ш и П слоев, указывают на незначительные изменения в каменном инвентаре. И все же материалы этих стратиграфических комплексов позволяют проследить эволюцию некоторых групп орудий, появление и исчезновение отдельных форм связать с определенным комплексом. Прослеживаются также некоторые изменения в технологии производства орудий. Различия между инвентарем Ш-П слоев и инвентарем 1 слоя более заметны и прежде всего указывают на значительный технический прогресс. В инвентаре П и особенно Ш слоев прослеживаются некоторые черты предшествовавшей эпохи палеолита - в облике некоторых орудий, приемах их обработки, а также в ограниченном использовании некоторых традиционно более древних поделочных материалов (мамонтова кость, скорлупа яиц страусов) - явление вполне закономерное для начальной, переходной стадии новой эпохи, тем более на памятнике, имеющем в местном палеолите (в культурном отношении) близких предшественников - Красный Яр. В материале же 1 слоя проявляется большое сходство с некоторыми культурами местного неолита как в основном наборе и формах инвентаря, так и в приемах и способах его обработки. В сущности на этом заключительном этапе мезолита завершился процесс выработки основных форм и технологии производства инвентаря охотничье-рыболовецких культур неолита Восточной Сибири.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ВЕРХОЛЕНСКАЯ ГОРА П

Мезолитическое местонахождение Верхоленская Гора П - памятник сравнительно новый, не получивший еще должного освещения в археологической литературе. Он находится в 500-600 м (С-СЗ) от раскопов В.Э.Петри (Верхоленская Гора 1) на вершине горы одноименного названия на 70-метровых высотных отметках над урезом р.Ангара у борта старой каменоломни (рис. 2).

История исследования Верхоленской Горы П начинается с 1947 г., когда здесь впервые производились небольшие по объему раскопочные работы по открытому листу, выданному на имя преподавателя Иркутского университета И.В.Арембовского. В раскопках принимали участие Л.Н.Иваньев и П.П.Хороших. В 50-х гг. стоянка исследовалась и посещалась эпизодически (1956 г. - П.П.Хороших, Г.И.Медведев, В.В.Свинин, Б.П.Заде-рей; 1957, 1958 гг. - Г.И.Медведев).

Более детально верхние участки впервые были исследованы группой из состава археологического отряда Братской геолого-палеонтологической экспедиции Восточно-Сибирского филиала АН СССР под руководством М.М.Герасимова в 1959 г. (Медведев, 1960; 1961). Здесь был заложен небольшой разведочный раскоп и ряд шурфов. Описание результатов работ было сделано Г.И.Медведевым в отчете Полевому Комитету ИИМК АН СССР.

Исследование местонахождения было продолжено Ангарским археологическим отрядом Иркутского государственного университета в 1966 г. (Медведев, 1967а; Лехненко, 1978). К раскопу 1959 г. с севера и юга были прирезаны два участка с непосредственными выходами в каменоломню. Общая площадь поверхности, вскрытой тремя раскопами, составила, таким образом, 78 м². Кроме этого на С-В от раскопа был заложен шурф, а также приведено несколько эчисток обнажения борта каменоломни, которая более чем на 50% уничтожила памятник, но

в то же время создала благоприятные условия для изучения его стратиграфии (Лежненко, 1978).

Культурные остатки заключены в отложениях слоя желто-бурого плотного суглинка, на глубине 38-60 см от поверхности. Так как коренные породы, сложенные прскими песчаниками, в древности подвергались интенсивному растрескиванию при участии процессов промораживания, в результате чего произошло отседание отдельных крупных блоков (Медведев, 1961, 1968), то в местах трещин¹ отмечается затенение рыхлых отложений, а вместе с ними - культурных остатков на глубину от 0,80 до 1,10-1,20 м, перекрытых мощным слоем погребенной почвы голоценового возраста.

На ровных участках блоков и в рывинах, образованных по трещинам, было зафиксировано два уровня находок, которые рассматривались предварительно как различные уровни единого культурного горизонта. Сделать это заключение позволили следующие наблюдения: оба уровня находок в рывинах залегают непосредственно под погребенной почвой в одинаковом по окраске и структуре слое желто-бурого суглинка, вмещающем и культурные остатки на ровной поверхности блоков; разница между верхним и нижним уровнями находок на ровной поверхности блоков не превышает 20 см и четкой границы между ними не прослеживается; изделия, найденные на этих уровнях, типологически не различаются и представляют единый археологический комплекс.

Количественный состав коллекции 1959, 1966 гг. - 560 предметов каменной индустрии.

К моменту написания данной статьи автором были получены новые данные по результатам исследований, проведенных на местонахождении в 1977 г. (Лежненко и др., 1978). Эти данные, не изменяя в корне, дополняют наши представления о характере памятника.

Была вскрыта дополнительная площадь - 91 м², примыкающая к восточной стенке северного участка раскопа 1966 г.

¹ Ширина отдельных трещин по замерам между скальными стенками превышает 2 м.

(рис. 2; 30 - А)². Площадь раскопа была заложена с учетом пересечения трещины, выраженной в современном рельефе, время образования которой близко времени накопления отложений культуроодеждающего слоя. Ниже приводится стратиграфический разрез по пной стенке раскопа 1977 г. (рис. 31 - А).

Сверху вниз	Мощность в м
1. Почвенно-растительный горизонт	0,08-0,15
2. Палевая супесь, пылеватая при высыхании, окрашенная гумусом в верхнем отделе, контакт с подстилающим слоем нечеткий	0,18-0,25
3. Коричневато-бурый суглинок с вкраплениями сильно опесчаненного суглинка, при высыхании комковатый, пористый. В средней части имеет наиболее интенсивную окраску, в ней и включен 1 культурный горизонт, отдельные находки распространяются и в нижний отдел. Контакт с подстилающим слоем нечеткий	0,08-0,10 0,25-0,40
4. Коричневато-палевая супесь, опесчаненная, со включениями коричневатого цвета в верхней части. На контакте с подстилающим слоем находки II культурного горизонта	0,12-0,20
5. Серовато-палевый карбонативированный суглинок	0,08-0,15
6. Дреский песок желтого цвета, со включениями мелкой гальки и дресви	0,25-0,30
7. Дреский песок со включениями плиток песчаника (кора выветривания), видимая мощность	до 0,90
8. Цоколь, сложенный дрескими песчаниками	

На разрезе видно, что трещина разрывает скальный цоколь. Наблюдается затекание культурных остатков на глубину до 1 м.

² Таким образом, общая вскрытая площадь на памятнике составила 109 м².

В 1977 г. впервые был зафиксирован факт наличия П культурного горизонта на контакте слоев 4 и 5 (был вскрыт на участке раскопа, прилегающем к трещине с запада - рис. 32 - Б). Горизонт плохо охарактеризован в культурном отношении в силу слабой насыщенности (33 предмета на 57 м² и представлен несколькими фрагментами разложившейся трубчатой кости (4 экз.), отщепами и осколками кремня и аргиллита (24 экз.), обломками галек (5 экз.).

В то же время 1 культурный горизонт при общей слабой насыщенности находками (до 40 и более кремней на 1 м² в центрах скопления, до 10 и более на периферии скопления, и единичные предметы в отдельных квадратах на плане - рис. 33 - А) восполнил ранее ощущавшуюся недостаточность материала для различного рода интерпретаций коллекции, состоящей из 1220 предметов каменной индустрии. Количественный состав различных групп артефактов выражен в таблице (приводится по коллекции 1977 г. как более полной и достоверной).

Т а б л и ц а

Группы артефактов	1 горизонт	П горизонт
Орудия ³	11	-
Заготовки орудий	8	-
Обломки орудий	9	1
Отщепы с утилитарной ретушью	5	-
Пластина с утилитарной ретушью	1	-
Нуклеусы	2	-
Пластинки	46	-
Технические сколы	5	-
Отщепы	1082	23
Плитки аргиллита	39	-
Битая галька	9	5
Гальки	2	-
Фрагменты кости	2	4
Всего	1221	33

³ В числе орудий - скребков 4 экз., скребел и ножей (цельных экземпляров) - 7, обломков - 9, заготовок - 8.

Часть предметов, найденных в обломках, была апплицирована полностью или частично (разброс материала невелик - в пределах одного квадратного метра). Процесс апплицирования был значительно облегчен благодаря применению новой методики полевой фиксации материала, разработанной в археологической лаборатории ИГУ. Она заключается в присвоении порядкового номера каждому артефакту в момент извлечения его из слоя. Этот номер дублируется на плите горизонтального и вертикального положения находок в слое и соответственно на полевой фиксационной карточке (Медведев и др., 1978), где помимо принадлежности горизонту, слое, квадрату, четверти квадрата, нивелировочной отметки, ориентации и склонения предмета фиксируются данные по его морфологии, сырью и т.д. Такая система фиксации значительно облегчает камеральную обработку материала. В частности, позволила вычертить вертикальный профиль распределения находок (рис. 32 - В), уточнить мощность культурного горизонта (до 20 см), а также облегчает планиметрический анализ распределения находок.

Находки в слое при общей слабой насыщенности располагаются неравномерно, небольшими скоплениями, которые в свою очередь можно объединить в так называемую "производственную зону", располагающуюся на участке раскопов 1959 и 1966 гг. (рис. 33) и в западной части раскопа № 2 1977 г. (рис. 32 - А). Все без исключения найденные в слое орудия сосредоточены именно на этой довольно большой территории. Типолого-морфологический состав коллекции довольно однообразен - скребла, ножи, скребки и небольшое количество резцов. Вполне вероятно, что это - специализированная площадка для выделки и обработки шкур. Процент орудий здесь довольно велик - 21,14% от числа найденных предметов, в то время как нуклеусов, обойников и пластин сравнительно немного. Отщепы, осколки, плитки аргиллита - не представляют собой настолько массовый материал, чтобы можно было говорить о том, что здесь преимущественно производилось первичное расщепление сырья и скливание пластин с нуклеусов, хотя и то и другое, конечно, имело место в небольших масштабах (на участке раскопов и прилегающей территории). Скопления такого рода можно счи-

тать концентрацию предметов в восточной части раскопа 1977 г.

Далее мы считаем возможным перейти к типолого-морфологическому описанию групп каменного инвентаря, суммарному за все годы исследований, на том основании, что несомненно принадлежность коллекции к одному культурному горизонту и одному определенному участку территории стоянки.

Группа нуклеусов немногочисленна (9 экз.). Она представлена двумя призматическими, шестью клиновидными (рис. 34 - 2; 35 - 5), двумя обломками нуклеусов, нуклеусом из крупной гальки в начальной стадии расщепления (рис. 36). Все они - вариации типов нуклеусов параллельного принципа скалывания, встречающихся на Берхоленской Горе 1.

Двухплощадочный призматический нуклеус из плитки аргиллита в начальной стадии расщепления (рис. 34 - 3) представляет собой пример использования, не требующего трудоемких операций подготовки нуклеуса к скалыванию доминирующего природного сырья - аргиллита.

Особо следует отметить нуклеус из гальки кремнеолой породы с единственным негативом широкого скола (рис. 36). На дистальном конце нуклеуса имеется ряд звездчатых выбоин. Можно предполагать, что данный нуклеус первоначально выполнял функции отбойника.

Небольшой процент в инвентаре составляет пластины кремнистого сланца. Среди них - пластинчатые сколы, призматические пластины, микропластинки и их сегменты (рис. 37 - 1,2; 35 - 3).

В категории технических сколов - сколы подвзвешивания, краевые. В коллекции имеется несколько экземпляров лезвевидных сколов, снятых с клиновидных нуклеусов и их заготовок (рис. 35 - 1,2).

Среди орудий из камня группа ножей и скребел - наиболее многочисленная (около 40 экз. целых и представленных в обломках орудий) и обращает на себя внимание разнообразием форм (рис. 38; 39; 35 - 6; 40; 41; 42). Часть предметов найдена в обломках, по которым легко судить о величине орудий. Большинство ножей представляет собой различные модификации знаменитого верхоленского "улу" (рис. 38 - 1,3; 39 - 1,2;

41 - 3; 42 - 2).⁴ Все они изготовлены из плиток кремнистого сланца. Размеры ножей различны: от 6 до 12 см в длину и от 3 до 7 см в ширину. Лезвия оформлены плоской стелющейся ретушью. В ряде случаев кромка лезвия подправлена мелкой отжимной ретушью с целью выравнивания рабочего края. На некоторых орудиях, типологически относимых в разряд скребел⁵, ретушь нанесена только с одной стороны лезвия. Степень обработки и ее тщательность у различных экземпляров и ножей и скребел неодинакова, но объединяет их характер обработки. С особой тщательностью обработан обычно рабочий край, в то время как остальная поверхность большинства изделий оформлена несколькими крупными сколами или иногда совершенно не обработана, что допускает плитчатая структура поделочного материала - артиллита. Обушком орудия часто служит естественная корка сырьевого материала. Иногда часть стелющихся сколов нанесена со стороны обушка с целью выравнивания и уплощения боковых граней. Нередко края обушка замяты мелкой

⁴ Из всей массы овалных скребел - существенного компонента верхолесского комплекса - выделены двусторонне обработанные экземпляры с полукруглыми выпуклым лезвием, которые были определены как ножи (Медведев, 1961). Применение термина "ножи" для данной категории орудий является условным. Оно основывается на характере двусторонней обработки, создающей у орудия симметричный в сечении, тонкий режущий рабочий край, а также на особой, полудуговой, форме орудий. Эти ножи как морфологически, так и по целевому назначению сравнивались с женскими эскимосскими ножами "улу" или "улак" (Руденко, 1947; Сильдаников, 1959а; Крутонов, Сергеев, 1969 и др.). Учитывая большое их сходство, вплоть до тождества данных орудий с ножами северных народов, надо подгадать, что они составляют группу универсальных скребущих и режущих орудий (что также доказывают и следы употребления их в работе, обнаруженные с помощью бинокуляра).

⁵ Очень трудно провести грань между двумя типологическими и функционально различными группами ножей и скребел. Эта проблема до сих пор находится в стадии разрешения. По-видимому, помимо одно- или двустороннего характера обработки (тем более, что в ряде случаев, когда имеется дополнительная подработка в различной степени с другой стороны так называемых унифасов, возникает вопрос: унифас?, полубифас?, бифас?). следует учитывать и угол заострения лезвия. При типологическом анализе утилизации нередко наблюдается несопадение функций и типологии, или же комбинация двух функций.

отжимной ретушью с целью притупления или на них имеется за-
битость. По всей вероятности эти орудия были снабжены руко-
ятками.

Реацы представлены двумя выравительными экземплярами
трансверсальных резацов. Оба они изготовлены из пластин и
оформлены характерным резовым сколом, пересекающим пласти-
ну наискось справа налево. Края пластин обработаны мелкой
притупляющей ретушью (рис. 37 - 3,4).

Группа скребков немногочисленна (5 экз.). Интерес пред-
ставляет скребок вытянутой неправильной овальной формы, из-
готовлен из плитки кремнистого сланца. Имеет выпуклое левие,
тщательно оформленное односторонней крутой ступенчатой рету-
шью, нанесенной по всему периметру заготовки (рис. 38 - 1).
Бликие по морфологии скребки были известны и ранее на Вер-
холенской Горе 1. Остальные экземпляры выполнены на случай-
ных отщепе с дислокацией левия на одном из маргиналов,
удобном для выполнения скребущих функций без специальной
трудоёмкой подготовки, ограничивающейся притуплением края
отжимной ретушью (рис. 35 - 4).

Долотообразный инструмент из широкого пластинчатого от-
щепе черного кремня с левием, оформленным тщательной плос-
кой двусторонней ретушью, можно отнести к категории орудий
из пластин и отщепов с концевой подтеской типа *pièce*
e'caillée (рис. 37 - 5).

Орудие, типологически относимое к чопперам, изготовлено
из плоской гальки кремневой породы. Слегка скошенное ле-
вие орудия, оформленное крутой ретушью, взято от ударов
(рис. 43).

В единственном экземпляре найдена галька отбойник.
Подавляющее число находок - отщепы и осколки кремнистого
сланца и кварцита. На некоторых пластилах и отщепе заметны
следы использования в работе без специальной подготовки.
В большом количестве встречается бессистемно оббитые плитки
аргиллита. Обломков и заготовок орудий (в большинстве своем
скребловидных инструментов) найдено немного.

Остатки фауны на памятнике Верхоленская Гора II представ-
лены четырьмя неопределимыми фрагментами трубчатых костей

некрупных млекопитающих плохой сохранности. Изделий из кости не обнаружено.

В целом каменный инвентарь I культурного горизонта, собранный на Верховенской Горе II, типологически сравним с комплексом нижних горизонтов Верховенской Горы I (см. статью Аксенова в настоящем сборнике). На это указывает значительная однородность сырья - аргиллита, большой процент ножей из плиток и отщепов, малое число призматических пластин. Тот факт, что находки встречаются на глубине, превышающей 38-40 см от поверхности, можно рассматривать как признак отсутствия аналога I культурному горизонту Верховенской Горы I и как свидетельство в пользу "чистого" мезолитического комплекса, возраст которого может быть определен пока весьма приблизительно: в рамках раннего - среднего отдела мезолита.

Что касается возраста II культурного горизонта и отношения его к определенной хронологической эпохе, то они затруднены в силу слабой характеризованности археологическим материалом. Однако стратиграфическое положение позволяет предварительно отнести его ко времени переходного периода от палеолита к мезолиту.

Для уточнения возраста культурных остатков и объективной корреляции горизонтов двух памятников необходимо продолжить специальные исследования на Верховенской Горе.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Стоянка Царь-Девича открыта М.П.Овчинниковым в конце прошлого века. Им и А.С.Еленовым в результате неоднократных посещений местонахождения был собран интересный подъемный материал. В дальнейшем, не без содействия М.П.Овчинникова, на материалы Царь-Девичи обратил внимание Б.Э.Петри и в 1924 г. провел на стоянке первые раскопки (Петри, 1926). Позднее здесь собрал небольшую коллекцию подъемного материала Л.Н.Иваньев (ИРОМ, колл. 765, 83).

Стоянка расположена на левом берегу р.Ангара у пос.Титово, в местности, носившей в прошлом название Царь-Девича (рис. 1). Земляные работы, связанные со строительством Великого Сибирского пути, сильно разрушили памятник, и культурные слои в непо потревоженном состоянии сохранились лишь в 10-15-метровой полосе вдоль бровки 18-20-метровой террасы протяженностью по фронту около 300 м. Терраса обрывается к Ангаре крутым уступом восточной экспозиции, обнажающим высокий цоколь красных песчаников и отделена от воды нешироким (3-4 м) галечным пляжем. Пришовная часть террасы полностью уничтожена и очень слабо проявляется лишь к более высокой, очевидно, 1У террасе. От этого места раскоп Б.Э.Петри был заложен в 170-200 м С-СЗ. Петри вскрыл, судя по плану (Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. 136, 1925) и описи находок (Фонды ИРОМ, опись коллекции 765), не менее 25 м² и дал краткое, схематичное описание разреза.

По Б.Э.Петри, разрез представлен следующим:

	Мощность в м
1. Под слоем строительного мусора нарушенный почвенно-растительный черный слой	0,25
2. Черный слой ненарушенный	0,30
3. Желтый лесс	0,50
4. Речная галька	

Культурные остатки распределялись по слоям: в 1 и 2-м слоях - остатки позднего неолита, в 3-м слое - ранний неолит, или "докерамическая культура". Судя по указанию Петри на то, что в глубь террасы остатки "докерамической культуры" лежали прямо на гальке, можно предположить - наиболее древний культурный комплекс Царь-Девичья был вскрыт в раскопе 1924 г. в нижней части 3-го слоя.

Раскоп 1966 г. был заложен в 200 м южнее участка вскрытия Петри в районе приращения III террасы к высокому склону. В этом наиболее узком месте склон в целом имеет легкое юго-западное отклонение, а в месте приращения террасы отмечается ложбина, идущая вниз вдоль склона и ориентированная устьем на Ю-ВЗ.

Общая площадь раскопа 1966 г. 25 м². Вся толща рыхлых отложений была вскрыта до галечника (рис. 44). Разрез отложений приводится по восточной стенке:

Мощность в м

1. Почвенно-растительный горизонт и гумусный горизонт ярко-черной окраски, рыхлый (в западной части раскопа перекрывается набросом строительного мусора)	0,40
2. Бурый суглинок, слегка окрашенный гумусом с содержанием мелкой и средней гальки	0,30
3. Темный, окрашенный гумусом суглинок - погребенная почва. Лежит прямо на русловом галечнике; иногда подстилается тонкой лентой чисто желтого лессовидного суглинка. Содержит большой процент гальки и дресвы. В простирании на север, по мере удаления от вершины ложбинки темный цвет быстро исчезает и уже на расстоянии 8 м с трудом угадывается, суглинок светлеет, а при высыхании обнаруживает карбонатность, проявляющуюся в виде отдельных слабовыраженных пятен обвесткования	0,20
4. Красно-желтый, охристый песок с крупной галькой и грубообломочным материалом	1,00

Культурные остатки располагались в следующем порядке: 1-й слой содержал редко рассеянную керамику эпохи железа и бронзы с малым содержанием кремня; во 2-м слое зафиксированы культурные остатки неолитического времени и, возможно, раннего металла (в кровле слоя); в нижней части слоя, на контакте с погребенной почвой был отмечен резко повышенный процент керамики с сеткой-плетенкой; в 3-м слое, в его средней и нижней частях, иногда на контакте с галькой, включены изделия из кремня без керамики.

В целом наши наблюдения совпадают с данными Б.Э.Петри. В раскопе 1966 г. отмечена лишь новая деталь - наличие следов погребенной почвы и помещение "докерамическ¹" культурно именно в ней.

Почва фиксируется на очень ограниченном участке и, видимо, представляет собой идеальный (для данного района) случай сохранения древнего почвенно-растительного горизонта, синхронного раннему культурному комплексу.

Переходя к характеристике самого комплекса, отметим, что описание и анализ его дается суммарно по материалам Петри и нашим сборам 1966 г. с конкретным указанием на принадлежность к той или иной коллекции лишь в случае особой необходимости.

Древнейший культурный комплекс Царь-Девичи насчитывает в общей сложности около 4 тыс. предметов (без отщепов). В раскопе 1924 г. было собрано 2830 предметов, в 1966 г. - 822.

Основную массу находок составляют призматические пластинки и отщепы, находящиеся, судя по данным последних лет, в близком процентном соотношении - около 45% от общего количества; следующие по численности - группы скребков и нуклеусов, составляющие от общего числа около 3% каждая. Около 1-1,5% составляют "нуклеус-дрилы" и остальные 3-2,5% - накопечники, стерженьки рыболовных крючков, вкладыши из пластинок, ножи, проколки, "галечные орудия", фауна.

Призматические пластинки сняты преимущественно с нуклеусов из желто-серого или серого аргиллита, в изобилии встречающегося на окрестных высотах левого и особенно правого берегов Ангары. Пластинки сильно варьируют по величине от 10-12 до

0,5-1 см. Размеры основной массы пластинок колеблются в пределах 5 см при ширине, редко достигающей 1 см.

В соответствии с группой пластинок находятся многочисленные нуклеусы, в основном представленные различными вариациями клиновидной формы. Но наряду с ними присутствуют конические нуклеусы, призматические, несколько экземпляров карандашевидных нуклеусов, а также несколько нуклеусов, близких к "эпилеалуаской" форме, и аморфные нуклеидные желваки (рис. 45 - 11-14, 16, 17).

Почти у всех нуклеусов площадки тщательно обработаны мелкой ретушью, как правило, по фронту плоскости скалывания, иногда по всей окружности; встречаются клиновидные формы с односторонней, скошенной к одной из плоских граней площадкой, делающей грань похожей на лезвие скребка или долота. В последнем случае точно так же, как и в сильно скошенной площадке "эпилеалуаской" формы проявления элементов технической традиции палеолита и раннего мезолита.

Если среди пластин встречаются очень крупные экземпляры, то группа нуклеусов отличается преимущественно мелкими формами, вплоть до "микронуклеусов".

Группа скребков нижнего слоя царь-Девичи чрезвычайно разнообразна. Преимущественно они выполнены из отщепов, имеют достаточно широкий, зачастую неровный рабочий край. В большинстве случаев лезвие скребка производит впечатление небрежного оформления.

Выделяется тип скребка "с выемкой". Вариации его многочисленны (рис. 45 - 1, 2, 4) - от выемки на лезвии до скребков "с плечиками", "с ушками" и т.д. Подобные формы наиболее широко представлены в забайкальских материалах; в Приангарье мы встречаем их на Верхоленской Горе и в Усть-Белой.

Два экземпляра в инвентаре царь-Девиче представлены скребки из крупных призматических пластин аргиллита (рис. 45 - 9); несколько больше скребков на концах правильных призматических пластинок (рис. 45 - 3, 5-8, 10). В одном экземпляре представлен скребок (?) на конце миниаторной призматической пластинки.

В раскопе 1966 г. был найден скребок на широкой плитке аргиллита - форма, получающая в дальнейшем широкое распро-

странение в неолитических комплексах китойского облика.

Интересную и выдержанную в морфологическом отношении часть инвентаря представляют группы резцов. Их выделено три: 1) многофасеточные резцы и так называемые "нуклеус-дрилы"; 2) трансверсальные резцы "верхоленского типа"; 3) резцы на углу призматической пластины.

Наиболее многочисленна и разнообразна первая группа (рис. 46 - 1-6). Здесь присутствуют многофасеточные резцы из пластин без ретуши и с ретурированными краями, двусторонние резцы из массивных отщепов, резцы и "дрилы" на ромбовидных в сечении заготовках, наконец, резцы и "дрилы" на нуклеусах. Всего их в нижнем слое царь-Девы найдено 46.

Трансверсальные резцы, представленные 17 экземплярами, составляют четкую группу однотипных орудий, отражающих прямую генетическую связь нижнего слоя царь-Девы с раннемезолитическим комплексом "верхоленской культуры".

Интересно отметить экземпляр резца из плитки аргиллита с крупными трансверсальными и угловыми сколами. В группе резцов царь-Девы он уникален (рис. 46 - 15). Подобные "гигантские" трансверсальные резцы имеются лишь в коллекции Верхоленской Горы (ИРОМ, кол. 721). Точно также помимо этих двух экземпляров нигде не фиксируется и применение плиток аргиллита для изготовления трансверсальных резцов.

Резцы на углу призматической пластины (рис. 46 - 11, 12) немногочисленны - около 10 экз. По внешнему облику они сходны с ординарными, также немногочисленными, неолитическими формами.

Следующую группу представляют вкладыши лезвия из пластин. В коллекции Б.Э.Петри и в наших сборах имеется всего три экземпляра изделий, которые можно считать ретурированными вкладышами. Они выполнены из правильных призматических пластинок и обработаны лишь с одной стороны острого края. Они не отличаются от вкладышей Верхоленской Горы, Усть-Белой, нижнего слоя Улан-Хады.

Несколькими изделиями из отщепов и пластинок (рис. 47 - 5, 10, 14, 17) в раннем комплексе царь-Девы представляются "ножи". Группа ножей содержит формы, встречающиеся в инвентаре

мезолитических стоянок Приангарья различного возраста. Все изделия обработаны мелкой ретушью, в большинстве случаев нанесенной лишь по одной стороне. Степень тщательности обработки различна, но в общем более высока у изделий из пластин.

Интересен нож подтреугольной формы из тонкого пластинчатого скола серого кембрийского кремня (рис. 47 - 17). Он оформлен тщательной односторонней ретушью по всему периметру. Рисунок орудия в плане асимметричен: короткое, широкое острие и длинный, вытянутый "черешок". Ближайшие аналогии этому ношу можно найти в инвентаре Усть-Белой и Верхоленской Горы, где они представлены группой ножей "фигурных очертаний", среди которых имеются различные варианты подтреугольной формы. По отношению к ношу с Царь-Девыцы верхоленские и усть-бельские изделия можно было бы назвать исходными формами, точно так же, как и описываемый экземпляр можно считать в свою очередь исходным по отношению к подтреугольным ношам неолита и энеолита Приангарья. Нам представляется, что в последнем случае эти изделия, независимо от того "китойский" ли это шлифованный подтреугольный нож из нефрита или "глазковский" ретушированный из халцедона, являются в конце концов продуктом развития тех первоначальных, примитивных форм, которые производились в мезолите и, в частности, на стоянке Царь-Девыца.

Среди ножей из пластин выделяется экземпляр, отличающийся своими размерами и характером обработки (рис. 47 - 14). Он изготовлен из массивной призматической пластины. Широкий, слегка овальный конец ножа обработан мелкой ретушью с двух сторон. Скошенный острый конец имеет подтеску стелющейся ретушью с бреша и обработан по обеим граням спинки у самого острия. Тщательная ретушь оформляет крутой расочий край по всей левой стороне орудия, правая - ретуширована только по широкому концу. Изучение орудия под бинокляром показало, что следы работы в виде серии выщербин и сильной сглаженности режущего края, сопровождаемой жирным глянцем, наблюдается по брешку орудия у широкого конца. Видимо, двусторонняя обработка узкого конца была необходима для крепления инструментальной костяной или роговой рукояти. Внешнее сходство с этим

орудием можно найти среди ножей, изготовленных из трапециевидных в сечении крупных пластин аргиллита, составляющих особую группу орудий, характерных только для Верховенской Горы.

Как и на других мезолитических стоянках Приангарья, на Царь-Девиге изготовлялись орудия из галек. В коллекциях их всего три (рис. 48 - 1-3). Функциональное назначение их в самом первом приближении "ударное".

Орудия из галек, найденные на Царь-Девиге, можно характеризовать пока лишь как пережиточное явление, как дань древним традициям. В этом убеждает очень малое количество их в общей массе изделий из камня. Вероятно, потребность в "галечных орудиях" окончательно исчезала.

Три последние группы инвентаря нижнего слоя царь-Девиги: острия из шиферного сланца, стерженьки составных крючков и наконечники из кремня - имеют исключительное значение как для характеристики культуры стоянки, так и для понимания многих вопросов позднего мезолита Приангарья.

На стоянке Царь-Девиге найдено единственное острие из шиферного сланца. Изготовленное, видимо, из длинной тонкой галечки, такое в немалом количестве встречается на берегах Байкала, а также среди галек ангарского бичевника, изделие имеет четырехгранное острие и уплощенное основание. Но это оригинальное изделие найдено М.П.Овчинниковым на поверхности (ГИМ, кол. 189, № 16). Поэтому отнесение его именно к раннему комплексу царь-Девиги может вызвать вполне обоснованные возражения. И все же мы склонны считать острие происходящим из нижнего слоя стоянки.

Прежде всего, это орудие напоминает острия Хиньских и Частинских погребений (Окладников, 1950с). Аналогичными их назвать трудно, так как по качеству обработки изделия из погребений гораздо совершеннее. Кроме того, они тоньше, а одно из них более уплощено. Правда, частинско-хиньские острия и в целом эти погребальные комплексы в свое время не получили единодушного признания как мезолитические (Брысов, 1952; Формозов, 1959). Но в последние годы появился ряд новых свидетельств, которые, по нашему мнению, если не решают в катего-

рической форме вопрос о принадлежности хиньских и частинских острий из шиферного сланца к мезолитическому периоду, то, по крайней мере, не позволяют исключать реальную возможность подобного решения.

А.П.Складников еще в 1950 г. писал о зарождении техники шлифования в "палеолите", приводя в доказательство материал Бурети и Усть-Белой. В настоящее время в коллекции мезолитических горизонтов Усть-Белой подобралась значительная группа шлифованных изделий из шиферного сланца, относящаяся даже не к самому позднему мезолитическому комплексу этой стоянки. В составе ее тонкие плитки, уплощенные галечки и обломок массивного остря, употреблявшегося в качестве ретушера. Тонкие пластинки шифера обнаружены при раскопках на Верхоленской Горе (1 горизонт) и на стоянке Уляха; наконец, в позднемезолитическом горизонте стоянки Сосновки Бор найден оригинальной формы миниатюрный ретушер из шиферного сланца. Перечисленные стратифицированные находки свидетельствуют о широком применении в технике мезолита Приангарья этого мягкого, легко поддающегося обработке, материала. С другой стороны, в неолитической коллекции Царь-Девы не известно ни одного предмета такого рода.

Возвращаясь к предмету, поднятому много лет назад И.П.Овчинниковым в местности Царь-Девы, хотим подчеркнуть, что оснований отнести известные в Приангарье остря из шиферного сланца к мезолитическому периоду сейчас гораздо больше, нежели аргументов против такого мнения, а в связи с этим возможно и единственное остря Царь-Девы считать составной частью нижнего слоя.

К этому же слою относится и стерженьки составных рыболовных крючков из шиферного сланца (рис. 46 - 9, 19). (Содержатся в коллекции Б.Э.Петри - ИРОМ, кол. 765 и коллекции И.П.Овчинникова - ГИМ, кол. 189. В сборах 1966 г. присутствует ваготка стерженька. В вышележащем слое с сетчатой керамикой не зафиксировано ни одного стерженька составного крючка). Это совершенно своеобразные изделия, обычно изогнутые (иногда очень сильно, см. рис. 46 - 9), суженные на концах и имеющие на одном из них достаточно широкий боковой паз для крепления. Крючки подобного типа были уже и неоднократно опи-

саны в литературе (Петри, 1926; Окладников, 1950б; Хлобистин, 1965), поэтому нет необходимости в излишнем повторении. Более важно обратить внимание на наличие в коллекциях Петри из нижнего слоя фрагмента стерженька иной формы, не отмечавшейся ранее археологами.

Иаделие, до того как его сломали, было довольно большим (порядка 7-8 см); оно сильно уплощено, плавно изогнуто и на внешней, выпуклой стороне имеет ряд ровных, мелких насечек. Второй аналогичный предмет, также найденный на стоянке Царь-Девица, хранится в коллекции Государственного Исторического музея (кол. 189). Отличаем его от первого могут служить два ряда насечек на выпуклой "спинке" и заметное расширение в нижней части. Возможно, последнее было и у первого экземпляра и представляло собой специальное приспособление для крепления хала крючка. Насечки же могли иметь ритуальное назначение, или же (что нам кажется более вероятным) их использовали для целей прочного крепления лесы. Несомненно, это были орудия, приспособленные для лова крупной рыбы. Видимо, поэтому даже во фрагментах они напоминают крупные костяные крючки Усть-Белой или Верхоленской Горы (Медведев, 1963б; Аксенов, 1966а). Сколько-нибудь близких аналогий этим оригинальным орудиям на стоянках Приангарья пока не обнаружено.

Мелкие же крючки находят многочисленные аналогии на Байкале. Это истинно "байкальский" тип рыболовного крючка, даже можно было бы сказать "раннебайкальский", так как в дальнейшем на Байкале появляется еще и особая "прямая" форма стерженька, а "пухляк", изогнутый тип отмирает как на Ангаре, так, видимо, и на Байкале. На берегах верхнего течения Ангары на базе этой формы возникает "китайский" составной крючок. Д.П. Хлобистин, выделивший особую "ангарскую" форму крючка (1965), едва ли прав, тем более, что его утверждение высказано в тезисном порядке и не подкреплено никакой аргументацией.

Но не нужно быть специалистом в вопросах археологии Байкальской области, чтобы отметить широкое распространение крючка "байкальского" типа во всех его вариантах по акватории.

рии озера и прежде всего по его западному побережью. С другой стороны, достаточно обрести и коллекции ангарских стоянок, чтобы увидеть крайне незначительный район распространения указанной формы, ограниченной по сути дела всего лишь 60 км верхнего течения Ангары от ее истока.

Если учесть при этом, что находки крючков "байкальского" типа в отмеченном районе очень немногочисленны, то вопрос может стоять лишь о проникновении на Ангару характерного элемента культуры племен Байкальского побережья.

Вопрос иного порядка: прижился ли этот элемент на берегах Ангары? Все данные говорят об обратном явлении. Можно предположить, что конструкция "байкальского" составного крючка, оправданная в озерных условиях, не отвечала требованиям лова на ангарской стремнине. Это, видимо, послужило причиной реконструкции крючка, в результате чего появилась его "истинно ангарская" модификация - "китойский" составной крючок, отличный от своего "байкальского" собрата фронтальным креплением хала. Следует, кстати, отметить, что "китойский" тип крючка не получил распространения на Байкале и, следовательно, не являлся "технической новинкой" вообще, а представлял собой своеобразную местную форму составного крючка. Таким образом, на Ангаре была воспринята лишь "идея" составного крючка из шиферного сланца и кости, а форму ангарские рыболовы выработали собственную. Вполне возможно, что два фрагмента крупных стержней-грузиков, найденные на Царь-Девиче, отражают один из этапов или одно из направлений в выработке этой "собственной" формы.

Таким образом, можно говорить о крючках Царь-Девичи как о явном элементе байкальской позднемезолитической культуры и, с другой стороны, можно предполагать в них основу, на которой развилась широко известная в археологической литературе крючковая снасть "китойских племен" (Окладников, 1950б).

Последней и наиболее интересной группой каменного инвентаря царь-Девичи являются "наконечники". В их состав входят надели с двусторонней обработкой. Острия из призматических пластин к ним не причисляются по причинам, о которых будет сказано дальше, но рассматривать их приходится вмес-

те с тем, чтобы соблюсти традицию, согласно которой первые наконечники стрел в Приангарье появились в виде пластинчатых острий (Складников, 1950б). Двустороннеобработанные наконечники (рис. 47 - 2,3), а также острия из пластин, за исключением одного обломка (рис. 47 - 9), найденного в 1966 г., происходят из сборов Петри (кол. 765).

Наконечников с двусторонней обработкой всего три экземпляра (рис. 47 - 1-3). Первый из них изготовлен из отщепа или крупной пластины серого, слегка розоватого кремня. Наконечник имеет узкое вытянутое острие и расширенное овальное основание - насад. Ударный бугорок изготовления, соответствующий окончанию насада, не снят ретушью. Вообще, главная часть наконечника обработана менее тщательно, нежели острие. Ретушь здесь более широкая, короткая, ступенчатая. Частично оставлена желвачная корка. Острие же обработано тщательно с обеих сторон и в сечении приближается к ромбу. Негативы следов мелкие, но достаточно широкие и неровные, чтобы отличить их от неолитической ретуши. Плоскости наконечника неровные, с выступами и задиринами. Длина изделия 50,8 мм; ширина максимальная 10,9 мм, средняя толщина - 5 мм. Второй наконечник (рис. 47 - 3) изготовлен из отщепа или крупной пластины голубовато-серого кремня. По форме и обработке он аналогичен предыдущему, но несколько длиннее и массивнее его. Ударный бугорок изготовления снят, но при удалении его насад был испорчен крупной выщерблиной. Длина наконечника 60 мм, ширина 20,3 мм, средняя толщина 6 мм. Третий - из темно-серого кремня. По его кремню представлен наконечником острия (рис. 47 - 1). По величине он был, видимо, близок первым двум экземплярам, но значительно тоньше в сечении. Ретушь широкая и короткая. О форме наконечника судить трудно.

Первые два наконечника представляют собой совершенно своеобразные изделия. Ни в опубликованных археологических материалах Приангарья, ни в коллекциях Иркутского музея близких аналогий не обнаружено. Исключением, в известной степени, может быть лишь орудие, найденное П.П.Хороших на о.Ольхон (Местонахождение Семисосенное - ИРСМ, кол. 543). Однако оно несколько отличается от наконечников Царь-Девки-

цы своим уплощенным, довольно широким овальным концом вместо острия.

Четыре острия из пластин найдены в обломках. Первые два (рис. 47 - 4,7) изготовлены из довольно широких призматических пластин с помощью мелкоз крутой ретуши по бранию или спинке изделия. Два других (рис. 47 - 8,9) обработаны характерным приемом "по антитезе": один край острия ретуширован с брания, второй со спинки. Наиболее полно сохранившееся из них напоминает частично-хиньские острия с "внешкой".

Не ясно, из каких соображений В.Э.Петри отнес двусторонне обработанные наконечники Царь-Девицы к наконечникам копий, но это мнение утвердилось в литературе (Хлобистин, 1965). Они хотя и немного крупнее исаково-серовских форм, но значительно уступают по величине многим наконечникам стрел, известным в коллекциях различных неолитических стоянок Приангарья. Этнографические же материалы дают образцы кремневых наконечников стрел, вдвое больших изделий Царь-Девицы (Kelso, 1939).

Гораздо правильнее считать, что наконечники Царь-Девицы представлены своеобразными, специфичными по форме изделиями с двусторонней обработкой. Нахождение же их в комплексе с остриями из призматических пластинок и шиферного сланца позволяет сблизить культуру 3-го слоя поселения Царь-Девица с Хиньскими и Частинскими погребениями, где отмечается таковой же характерный комплекс. Следует при этом специально отметить, что острия из пластин в обоих случаях наконечниками стрел не являются. Это узкоспециализированные ретушируемые инструменты или сверла (рис. 47 - 4,9). Но они характерны пока только для мезолитических комплексов и в этом сохраняют значение маркирующего культурно-хронологического элемента.

Завершая описание материала, собранного в разные годы на стоянке Царь-Девица, отметим, что нижний слой почти не дал костных остатков. И только в 1966 г. удалось обнаружить несколько мелких обломков маргинальных лучей осетра, что хотя в какой-то степени характеризует объекты происхождения обитателей стоянки.

Возраст стоянки может быть определен одной из фаз раннеголоценового потепления, на что как будто указывает обнаруженная в раскопе 1966 г. погребенная почва.

Видимо, как и I мезолитический горизонт Усть-Белой, III слой Царь-Девичи можно ориентировочно датировать III тысячелетием от наших дней.

В культурно-историческом отношении нижний комплекс Царь-Девичи обнаруживает большое сходство с позднейшими мезолитическими горизонтами Усть-Белой и Верхоленской Горы (траншеверсальные рэцы, многофасеточные рэцы и сверла, скребки из плиток аргиллита); хиньскими погребениями (наконечники-обфасы, острия из пластинок, шиферные о трия); со стоянками Байкала и прежде всего Улан-Хадой (IX слой) и местонахождениями Приольхонского района (стерженьки крючков, рэцы на углу сломанной пластины, многофасеточные рэцы и сверла, вкладыши с ретулью по одному краю, своеобразные наконечники стрел, изделия и их заготовки из шифера).

Б.Э.Петри относил Царь-Девичу к "докерамическому неолиту", но вкладывал в этот термин понятие завершающего этапа в переходе от палеолита к неолиту (Петри, 1928). При этом он не видел, в противоположность Л.П.Хлобыстину (1965), в ансамблях Улан-Хадой и Царь-Девичи готового неолитического комплекса, только без керамики. Мы присоединяемся к правильному в своей основе мнению Б.Э.Петри, заменяя при этом неудобный устный термин "докерамический неолит" понятием "поздний мезолит".

Происхождение комплекса III слоя Царь-Девичи связано, как нам представляется, с развитием "ошурковско-верхоленской культуры". Конечно, само понятие это в значительной степени условно. В дальнейшем, когда будет выделена своя "байкальская" мезолитическая культура, Царь-Девича, возможно, войдет в состав последней как ее "представитель" на берегах р. Ангары.

ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЛИСИХА

Предместье Лисиха находится на правом берегу р. Ангары, в 3-4 км от центра г. Иркутска, в районе старого Лисихинского кирпичного завода (рис. 1). Между Лисихой и старым Иркутском еще в 20-х гг. существовала деревня Горохово. В результате интенсивного разрастания города деревня превратилась в улицу Гороховскую, переименованную затем в Дальневосточную. Она начинается от телевизионного центра и заканчивается на стике с бульваром Постышева, отделившего бывшую д. Горохово от предместья Лисиха. Улица Дальневосточная располагается на 15-18-метровой аккумулятивной террасе, сложенной галечниками и суглинками. Эта терраса, подходя почти вплотную к берегу Ангары в районе телецентра, тянется непрерывно до плотины Иркутской ГЭС и затем уходит под воду Иркутского моря.

Впервые археологические остатки в виде "кремневых осколков и кремней разных форм" были обнаружены на данной террасе в районе Лисихи в 1892 г. М. П. Овчинниковым (1892). В 1893 г. здесь же побывал археолог А. С. Еленев. Как следует из суммарного описания его раскопок стоянок на Верхолэнской горе, в Лисихе и Кузьмихе, культурные остатки залежали в нижней части гумусированного слоя, покрывавшего слой глины (Доклад, 1893, с. 71). Еленев отмечает отсутствие на всех стоянках полированных орудий и человеческих захоронений и датирует находки палеолитическим периодом (Еленев, 1894; Отчет ВСОРГО, 1897).

М. П. Овчинников, предпринявший вторичную экскурсию на открытую им стоянку, 22 августа 1893 г. обнаруживает на одном из обрывов террасы неолитическое погребение, которое не удалось найти А. С. Еленеву. В последующие годы несколько неолитических костяков найдено Г. М. Константиновым (1928, с. 93) и В. И. Подгорбушским (1928б, с. 95). К сожалению, Лисихинский могильник остался до конца неисследованным.

С целью проверки сохранности следов культурного слоя на 15-метровой лисихинской террасе летом 1968 г. автором были осмотрены наиболее крупные обнажения ее борта. В овраге против дома № 57 по ул. Дальневосточной было найдено несколько отщепов из аргиллита и серого кембрийского кремня. Во время осмотра обнажения террасы до карьера, находящегося в 150 м на СВ от оврага, на всем этом участке были обнаружены кремневые отщепы, пластинки и нуклеусы. Чтобы проверить распространение находок вглубь террасы и степень сохранности культурного слоя, был заложен контрольный раскоп вдоль борта оврага площадью в 29 м². Позднее, с этой же целью был заложен второй контрольный раскоп 9 м² в противоположном конце обнаруженной стоянки около карьера (рис. 49, 50, 51).

Стратиграфический разрез в районе раскопа 1 представляет следующую колонку (рис. 52):

	Мощность в м
1. Слой гумуса, обогащенный суглинком, видимо, вследствие многократной перепашки и разрушения верхней части нижележащего слоя, мощность до	0,20-0,30
2. Слой плотного бурого суглинка	0,30-0,40
3. Крупный галечник с содержанием желтого охристого песка	

Разрез в раскопе II несколько отличается (рис. 53):

	Мощность в м
1. Слой гумуса	0,25
2. Слой бурого суглинка, в нижней части на глубине 45-85 см суглинок становится несколько светлее	до 0,60
3. Горизонтально-слоистая пластичная глина, обогащенная торфяниковыми включениями, с галечником	0,45
4. Горизонтально-слоистый бурый суглинок	0,20
5. Желтый суглинок	0,30
6. Желто-бурый суглинок с примазками охристого песка	0,30
7. Галечник	

В верхнем гумусированном слое нередко встречаются мелкие фрагменты тонкостенной неорнаментированной керамики бурого цвета и в двух случаях фрагменты венчиков, орнаментированные отступающими нахимами лопаточки. Никаких других находок в 1 слое не встречено.

Основная масса археологических предметов залегает в верхней части 2 слоя, в буром суглинке, на глубине 30-45 см. Видимо, нижний горизонт культурных остатков не вытравлен перепашкой и находится в неповрежденном состоянии. Здесь встречены отщепы и приматические пластинки со следами ретуши и без нее, скребки на отщепах и пластинках, рещи, нуклеусы, обожженные гальки и галечные орудия. В слое отсутствуют керамика, шлифованные орудия и наконечники стрел. Немногочисленные фрагменты керамики, встреченные на стоянке, во всех случаях залегают выше, в гумусированном слое, и не связаны с основным культурным горизонтом.

Появляющееся количество находок составляют отщепы и приматические пластинки без следов ретуши (рис. 54). Пластинки по отношению к отщепам составляют примерно 77%. Процент орудий из отщепов и пластинок невисок.

Аналогичные по своим функциям орудия изготавливаются как из отщепов, так и из пластинок, однако преобладают орудия из последних (16% против 7%, т.е. более чем в 2 раза), причем преобладание складывается за счет ретушированных пластинок и резцов. Хотя мы не можем непосредственно связать находимые приматические пластинки и сколы с имеющимися нуклеусами, видимо, это соотношение в какой-то мере является объективным. Если взять общее количество нуклеусов по отношению к пластинкам и изделиям из них, то получается по 10-15 сколов с каждого нуклеуса, из которых только два (сколь) привлекались к работе, остальные же представляли отбросы производства. Как правило, никаких следов работы на пластинках с отсутствием ретуши не отмечено.

Осмотр найденных нуклеусов (рис. 55) показал, что на каждом из них имеется от 3 до 10 негативов сколов пластинок, что в какой-то мере подтверждает приведенную схему. Все орудия изготовлены из желтого верхолонского аргиллита и серого

полосатого кембрийского кремня. Как плитки аргиллита, так и желваки кремня, используемые для изготовления пластин подвергались предварительной обработке. Однако подготовка аргиллитовой плитки к снятию пластин была более простой и сводилась к поиску подходящей глитки, имеющей клиновидную форму, и подготовке на ней рабочей площадки. Форма нуклеусов из аргиллита поэтому зависела, в основном, от исходной заготовки. Рабочая площадка по отношению к боковым граням горизонтальна или слегка скошена. Пластинки сняты только по одному торцу. На имеющихся нуклеусах отмечено от 3 до 6 негативов сколов призматических пластин. Высота нуклеусов от 3 до 5 см. Основная масса пластинок из аргиллита тоже колеблется в этих размерах. Найдены только две пластинки, длина которых составляет 8 см. Нуклеусы из кремня представляют две формы: коническую и цилиндрическую. Рабочие площадки их также слегка скошены. Грани нуклеусов имеют 8-12 сколов. Высота цилиндрических нуклеусов 3 см, высота конических - 2 см, причем последние служили для снятия микропластинок. В раскопах найдено всего 4 микропластинки. Возможно, при дальнейших раскопках эта диспропорция исчезнет. Необходимо только заметить, что основная масса призматических пластинок из кремня также находится в пределах размеров найденных нуклеусов. Среди кремневых нуклеусов найден один экземпляр трехплощадного и один экземпляр заготовки. Заготовка представляет собой подтреугольную призму, обработанную сколами, которыми оформлен боковой гребень и нижняя часть нуклеуса. На заготовке нуклеуса мы видим более 20 негативов отщепов и чешуек кремня. Поэтому можно предположить, что основная масса отщепов получалась при заготовке и оформлении нуклеусов. Именно изготовление нуклеусов, с которых затем снимались пластинки, было главным в производстве средств производства на данном поселении и именно этим можно объяснить преобладание орудий из призматических пластинок над орудиями из отщепов, которые представляли собой старую пережиточную традицию, сохранявшуюся только в силу рационализма человека, стремившегося возможно полнее использовать имеющийся поделочный материал для изготовления орудий труда. Таким образом, можно конста-

тировать, что если в предшествующие эпохи получение отщепов из камня для изготовления орудий было одной из главных задач, то теперь, в мезолите, отщепы представляли побочный продукт производства.

Из призматических пластинок, имеющих следы работы (рис. 54), особый интерес представляют четыре экземпляра: один - в обломке и три - целые. Все пластинки обработаны со спинки мелкой крутой ретушью по краям. Форма пластинок неправильная, в профиль они заметно изогнуты. Как вкалывали такие пластинки употребляться не могли. Скорее всего, они служили для чистки и разделки рыбы. Любопытно также, что пластинки правильной призматической формы не имеют специальной ретуши и в основном не имеют следов работы.

Скребки на стоянке (рис. 56) изготовлены как из пластинок, так и из отщепов. По форме их можно сгруппировать в три типа: концевые, дисковидные и с овальным рабочим краем. Концевые скребки на пластинках оформлены крутой ретушью, дающей длинные узкие сколы, близкие к сколам с нудлеусов. У аналогичных скребков на отщепах сколы короче, имеют не пластинчатую, а чешуйчатую форму, рабочий край ниже и не так крут. Скребки дисковидные и с овальным рабочим краем также оформлены короткой чешуйчатой ретушью. Среди перечисленных типов имеется один миниатюрный двусторонний скребочек с рабочими краями, оформленными подобно концевым скребкам на пластинках.

На стоянке найдена выразительная серия резов на отщепах и пластинках трех типов: угловые, срединные и полиэдрические (рис. 57). Основная масса резов - угловые, изготовленные на мелких отщепах и обломках призматических пластинок. Почти все они имеют характерный резовый скол и подретушевку прилегающего к сколу края. Исключение составляют три экземпляра, резовые края которых подготовлены не сколом, а крутой ретушью. Из срединных резов два изготовлены на отщепах и один - на обломке призматической пластинки. Последний имеет классическую форму орудия того типа. Полиэдрический резец обнаружен в единственном экземпляре. Он изготовлен из отщепа из аргиллита, одна из плоскостей которого выравнена стелющимися сколами, а по краю другой нанесена короткая

крутая ретушь. Ретушированный край подготовлен шестью приматическими сколами. Он несет следы замазков и выщерблен от работы.

Коллекция каменных орудий из Лисихи завершается небольшим, но разнообразным набором галечных орудий (рис. 58 - 62). Две гальки - шаровидная из гранита и уплощенная треугольной формы из красного песчаника - несут следы выщерблен от ударов и являются отбойниками. Две другие плоские массивные гальки из траппа обработаны односторонними крупными сколами и являются скреблами или ударными инструментами (рис. 60 - 2; 61). На трех краевых галечных сколах изготовлены скребки (рис. 58 - 2; 60 - 2). Особенно тщательно оформлены рабочие края на сколе из черного траппа, имеющего подчетырехугольную форму (рис. 58 - 1). Интересно чоппероидное орудие из крупной массивной гальки. Галька расколота поперек и образовавшаяся плоскость тщательно обработана. Она живо напоминает рабочую площадку нуклеуса, подготовленную для снятия пластинок. Однако в данном случае ни одного бокового скола не сделано и назначение орудия остается проблематичным. По крайней мере, следов работы на нем не отмечено (рис. 59). И, наконец, тесло, изготовленное из плоской продолговатой гальки шиферного сланца. На одной плоскости орудия сохранилась галечная корка, другая плоскость полностью обработана крупными сколами. Рабочее левое выкружено и имеет вторичную подправку (рис. 62). Кроме галечных орудий, на стоянке встречено большое количество обожженных галек и их обломков. Характер растрескивания галек говорит о том, что они использовались для нагревания воды.

Культурные остатки из камня сопровождаются немногочисленными находками фауны: на стоянке найдены - первая фаланга первобытного быка (*Bos primigenius* *Boi*), нижняя часть пяточной кости дикой лошади, два верхних коренных и один обломок зубов дикой лошади (*Equus* *sp.*), обломки зубов лося (*Alus palces*) и астргал кабарги (?).

Таким образом, археологические находки на стоянке в Лисихе из раскопок 1968 г. представляют комплекс инвентаря, по своему облику типичный для неолитической фауны мезолита Приангарья, которая характеризуется угловыми и полиэдрическими резаками, нуклеусами правильной огранки с прямой рабочей

площадкой, преобладанием изделий из пластинок, орудиями из галек, являющимися прообразами неолитических топоров и тесел. Еще в 1928 г. В.И.Подгорбунский обратил внимание на отсутствие керамики в нижних горизонтах стоянки и заметил, что "возможно последнее обстоятельство не случайного характера" (1928, с. 102). Однако малое количество находок, отсутствие четкого комплекса инвентаря не позволило ему уверенно датировать нижний горизонт докерамическим периодом. Сейчас, когда детально обследованы в окрестностях Иркутска такие памятники, как Верхоленская Гора и Царь-Девичья (Аксенов, 1966а; Медведев, 1971), есть реальная возможность прочной увязки новых находок на Лисихинской стоянке с позднемезолитическими материалами верхнего горизонта Верхоленской Горы и нижнего горизонта Царь-Девичья. Каменный инвентарь из Лисихи почти полностью повторяет вышеуказанные комплексы. В то же время, здесь не встречено ряд орудий, характерных для данных памятников, таких как бифасы, наконечники стрел, изделия из кости. Возможно, в результате дальнейших раскопок выявятся и эти орудия. Каменный инвентарь Лисихинской стоянки обнаруживает сходство с позднемезолитическими комплексами байкальских стоянок: Улан-Хадой, Сармой и 1 Лударской (Албонстин, 1965; Свинин, 1976, 1966). Это сходство мы видим, прежде всего, среди нуклеусов и резацов. И на Байкале, и в окрестностях Иркутска встречаются одни и те же формы нуклеусов. Везде отмечается увеличение количества нуклеусов конической и призматической форм, вплоть до карандашевидных. Редкими становятся многоплощадные и клиновидные нуклеусы раннемезолитического облика. В Лисихе и на Улан-Хаде клиновидных нуклеусов не встречено, хотя они имеются в синхронных комплексах на Верхоленской Горе, Усть-Белом, 1 Лударской и Сарме. Увеличивается количество угловых резацов на пластинках и полиэдрических резацов на пластинах, отщепках и нуклеусах. Средних резацов немного или отсутствуют совсем. В Лисихе найдено 2 экземпляра, в Улан-Хаде - 5, на Усть-Белой и Царь-Девичья их нет. Однако на этих памятниках (а также в Сарме) встречены образцы полиэдрических резацов на отщепках и пластинках, по существу являющихся дальнейшим развитием средних

них резцов. В Лисихе найден один полиэдрический резец на степе. Ему особенно близки резцы 1 Лударской стоянки, где не встречено полиэдрических резцов на нуклеусах. На других же памятниках, особенно в Улан-Хаде, заметно преобладание полиэдрических резцов на нуклеусах (так называемых нуклеусов-дрилей или нуклеусов-резцов). В то же время становятся редкими боковые резцы "верхоленского типа", являющиеся основными формами в раннем мезолите. В Лисихе и Улан-Хаде резцов "верхоленского типа" не найдено, хотя они имеются на Царь-Давице и в Сарме.

Идентичны во всех случаях коллекции скребков на отщепках и пластинках и среди них - четко выраженные формы концевых скребков на пластинках с высоким рабочим краем.

Скребковидные орудия из галек, выполняющие, в основном, функции ударных инструментов или скобелей, также представляют выдержанную серию. Среди них особенно интересны теслообразные инструменты - прообразы неолитических топоров. Такие орудия найдены в Лисихе (из шиферного сланца), Усть-Белой (из нефрита) и на Верхоленской Горе.

В целом, вышеописанные комплексы позднемезолитических стоянок Ангары и Байкала можно отнести к единой этнической культуре, которая подготовила и явилась основой для взрыва на этой территории местной неолитической культуры. В то же время, как видно из обзора находок, уже сейчас noticeable локальные отличия между отдельными памятниками. Поэтому настоятельно необходимы дальнейшие исследования как Лисихинской, так и других позднемезолитических стоянок, которые дадут возможность глубже представить исторический процесс формирования и развития древних культур на территории Прибайкалья.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З. А.

1959

Памятники палеолита низовьев р. Селенги. - Археолог. сб./ВНИИ, т. 1.

1962 а

Красный Яр - новая палеолитическая стоянка на Ангаре. - СА, № 3.

1962 б

Украшения палеолитического человека Сибири. - Тр./ВНИИ, вып. 8.

1964

К вопросу об охоте в верхнем палеолите. - СА, № 4.

Аксенов М. П.

1962

К вопросу о месте Садайской культуры в каменном веке Прибайкалья. - В кн.: УШ Всесоюз. конф. студентов-археологов. Тез. докл. Л.

1966 а

Археологические исследования на многослойном памятнике Верхоленская Гора в 1963-1965 гг. - В кн.: Отчеты археол. экспед. за 1963-1965 гг. Иркутск.

1966 б

Стоянка Черемушки (К вопросу о месте садайской культуры в каменном веке Прибайкалья). - В кн.: Древняя Сибирь. Новосибирск, вып. 2. Сибирский археол. сб.

1967

Археологические исследования раннеэволюционной стоянки Черемушки. - Изв. ВСОГО, т. 65.

1969

Макарово II - многослойный памятник на верхней Лене. - В кн.: Археологические открытия 1968 года. М.

- Аксенов М. П., Медведев Г. И.
1967 Новые данные по донеолитическому периоду Приангарья. - Изв. ВСОГО, т. 65.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.
1969 Древние культуры азиатских эскимосов. М.
- Астахов С. Н.
1963 Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяново на Ангаре. - СА, № 3.
- Аузэрбах Н. К.
1928 Доисторические богатства Сибири, их охрана и изучение. - Тр. 1 Сиб. краев. научно-исслед. съезда. Новосибирск, т. 5.
- Баулин В. В.
1960 Следы существования многолетнемерзлых пород в верхнечетвертичную эпоху в районе п. Лабитнанги. - В кн.: Перигляциальные явления на территории СССР. М.
- Баулин В. В., Шмелев Л. М., Соломатин В. И.
1960 О следах древних мерзлотных процессов в среднечетвертичных отложениях нижнего течения р. Оби. - В кн.: Перигляциальные явления на территории СССР. М.
- Береговая Н. А.
1960 Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л.
1967 Древнейшие культурные традиции американской Арктики и их связи с северо-востоком Сибири (По раскопкам 1965-1964 гг.). - Тр./Сев.-Вост. НИИ, вып. 17.

Бируля А.А.

1929

Предварительное сообщение о млекопитающих из "кухонных отбросов" стоянки каменного века на Верхоленской горе близ Иркутска. - Докл. АН. Сер. А, № 4.

Витковский Н.И.

1989

Следы каменного века в долине реки Ангара. - Изв./ВСОГО, т.20, № 1.

Юзеводский М.В.

1934

К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпилепеолита на территории Восточной Европы. - Тр.П.Международ.конф.Ассоциации по изучению четвертич.периода.Европы, вып.5.

1940

К вопросу о развитии эпилепеолита в Восточной Европе. - СА, № 3

Геденштром М.

1830

Отрывки о Сибири. СПб.

Герасимов М.М.

1923

Палеолитические находки у Переселенческого пункта в Иркутске. - В кн.: Краеведение в Иркутск.губ., № 3.

1931 а

Палеолитическая стоянка в Мальте. - Сообщ./ГАИМК, № 11-12.

1931 б

Мальта палеолитическая стоянка (Предварительные данные). Результаты работ 1928/29 гг. Иркутск.

1935

Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. - Изв.ГАИМК, вып.18.

1940

Поздние палеолитические стоянки р.Белом. - БКИЧП, № 6-7.

1958

Палеолитическая стоянка Мальта (Раскопки 1956-1957 гг.). - СЭ, № 3.

Герасимов М.М.
1960

Мальтинская палеолитическая стоянка и ее место среди памятников палеолита Сибири. - В кн.: Науч.конф.по истории Сибири и Дальнего Востока. Тез.докл.и сообщ. Иркутск.

Городцов В.А.
1924

Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 год. - В кн.: Древний мир, вып.1.

Граев Н.А.
1959

О вечной мерзлоте в Северной Америке и о формах мезо- и микрорельефа, связанных с многолетнемерзлыми породами на Аляске (Обзор литературы). - В кн.: Вопр.географии, сб.46.

Громов В. И.
1928

К вопросу о возрасте сибирского палеолита. - Доклады АН СССР, А, № 10.

Громов В.И.,
1956

Алексеев М.Н., Вангенгейм Э.А. и др.
Схема корреляции антропогенных отложений Северной Евразии. - В кн.: Корреляция антропогенных отложений Северной Евразии. М.

Гусев А.И.
1938

Тетрагональные грунты в Арктической тундре. - Изв.ГГО, т.70, № 3.

Дебец Г.Ф.
1930

Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья (Палеоэтнологический этюд). - Изв./Ассоциация НИИ. Физмат.фак.Моск.ун-та, т.3, № 2-А.

- Достовалов Б.Н.
1960
Закономерности развития тетрагональных систем ледяных и грунтовых хил в дисперсных породах. - В кн.: Перигляциальные явления на территории СССР. М.
- Еленев А.С.
1894
Заметки к археологии окрестностей г. Иркутска. - Изв.ВСОРГО, т.25, №1.
- Ефименко П.П.
1934
Дородовое общество. - Изв.ГАИМК, вып.79. М.
- 1938
Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Л.
- 1953
Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Киев.
- Иваньев Л.Н.
1958
Остатки ископаемого старуса в Западном Забайкалье. - Тр./Иркут.ун-т, т.14. Сер. геолог., вып.2.
- 1966
Новые палеолитические стоянки на р.Чикое и их стратегическое значение. - В кн.: Древняя Сибирь. Новосибирск, вып.2.
- Известия Иркутской городской думы, № 2-3.
1886
- Иохельсон И.
1930
Археологические исследования на Камчатке (1910-1911 гг.). - Изв./ГГО, т.62, вып.3, 4.
- Каплина Т.Ч., Романовский Н.Н.
1960
О псевдоморфозах по полигонально-хильному льду. - В кн.: Перигляциальные явления на территории СССР. М.

- Кинд Н.В.
1964
Абсолютная хронология основных этапов истории поаднего оледенения и послеледниковья Сибири (По данным радиоуглеродного метода). - В кн.: Четвертичный период и его история. М.
- Кольцов Л.В.
1977
Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.
- Конищев Б.Н.
1964
Покровные лессовидные образования юго-восточной части Большеземельской тундры. - В кн.: Проблемы палеогеографии и морфогенеза в полярных странах и высокогорье. М.
- Константинов Г.М.
1928
К материалам по изучению Ангарского неолита. - Изв./ВСОРГО, т.54.
- Ларичев В.Е., Волков В.В.
1964
Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби (Солонкер-Сомон, Сулат и Хорэ-Обо). - В кн.: Древняя Сибирь. Новосибирск, вып.1.
- Лехненко И.Л.
1978
Верхоленская Гора (результаты работ 1959, 1966 гг.). - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, Иркутск, вып. 4.
- Лехненко И.Л., Белинский К.С., Федоренко А.В., Силяревский М.Я., Лыша В.А.
1978
Работы Ангаро-Бельского отряда. - В кн.: Археологические открытия 1977 года. М.
- Логачев Н.А.
1958
Геологические экскурсии в окрестности Иркутска и соседние районы. Иркутск.

Мацкевой Л.Г.

1977

Мезоли. и неолит Восточного Крыма. Киев.

Матшин Г.Н.

1976

Мезолит Южного Урала. М.

Медведев Г.И.

1960

Место культуры Верхоленской Горы в археологической периодизации Прибайкалья. - В кн.: Науч.конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Тез.докл.и сообщ. Иркутск.

1961

Место культуры Верхоленской Горы в археологической периодизации Прибайкалья. - В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

1966 а

Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964-1965 гг. - В кн.: Отчеты археолог.экспед. за 1963-1965 гг. Иркутск.

1966 б

Новые данные о нижних слоях Усть-Белой. - В кн.: Древняя Сибирь. Новосибирск, вып.2. Археолог.сибирский сборник.

1967 а

Исследования мезолита в Верхнем Приангарье. - В кн.: Археологические открытия 1966 года. М.

1967 б

К итогам исследования мезолита на многослойном поселении Усть-Белая(1957-1964 гг. - Изв./ВСОГО, т. 65.

1968

Мезолит Верхнего Приангарья. Автореф.дис. на соиск.учен.степени канд.ист.наук. М.

1971

Мезолитический комплекс стоянки Царь-Девица. - Учен.заяв./ИРОМ, ВСОГО, вып.4, ч.1. Вопросы истории Сибири.

- Медведев Г.И., Аксенов М.П.
1963 О хронологическом расчленении памятников переходного периода от палеолита к неолиту в Прибайкалье. - В кн.: Отчетн. конф. Вост.-Сиб. Совета по координации и планир. гуманитар. наук. Тез. докл. и сообщ. Иркутск.
- Медведев Г.И., Алаев С. Н., Алаева Т.В.
1978 Опыт применения полевой фиксационной карточки на палеолитических местонахождениях. - В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири. Тез. докл. к регионал. конф. Иркутск.
- Мергарт Г.
1923 Результаты археологических исследований в Приенисейском крае. - Изв./Красноярск. отд. РГО, т. 3, вып. 1.
- Мирчинк Г.Ф., Громов В.И.
1930 Геологические наблюдения над террасами Енисея и Ангары. - Сибиреведение, Новосибирск, № 5.
- Морган И. де
1926 Доисторическое человечество. М.; Л.
- Мортилье Г. и А.
1903 Доисторическая жизнь. СПб.
- Москвитин А.И.
1940 "Ледяные клинья" - клиновидные трещины и их стратегическое значение. - Бюл./МОИП, отд. геол., т. 18.
- Мочанов Д.А.
1966 Палеолит Алдана (Предварительное сообщение). - Сб. науч. статей./Якут. РКМ, вып. 4.
- Народы Америки. М., т. 1. (Народы мира. Этногр. очерки).
1956

Народы Сибири. М. (Народы мира. Этногр. очерки).

1956

Обручев С.В.

1938

Шахматные (ортогональные) формы в областях вечной мерзлоты. - Изв./ГГО, № 6.

Овчинников М.П.

1906

Об археологической разведке в окрестностях Лисихи в г.Иркутске. - ГАИО, ф.778, оп.1, д.1.

Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г.Иркутска. - Изв./ВСОРГО, т.35, № 3.

Окладников А.П.

1940 а

Буреть - новая палеолитическая "стоянка" на Ангаре. - СА, т.5.

1940 б

Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (К исследованиям в Бурети 1936-1939 гг.). - КСИИИМ, вып.6.

1950 а

Освобождение палеолитическим человеком Сибири. - В кн.: Материалы по четвертичному периоду СССР. М., вып.2.

1950 б

Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археолог.исслед. М.; Л., ч. 1-2

1955

Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., ч.3. Глазковское время.

1959 а

Дальнее прошлое Приорья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток.

1959 б

Палеолит Забайкалья. Общ.очерк. - Археол. сб./БИННИИ, вып.1.

1966 а

Древнее поселение на р.Уадуши в дер.Устиновки и проблема дальневосточного мезолита (в связи с раскопками 1964 г.). - В кн.: Четвертичный период Сибири. М.

Окладников А.П.

1966 б

К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР: Сибирь и Средняя Азия. - МИА, № 126. У истоков древних культур (эпоха мезолита).

Окладников А.П., Троицкий С.Д.

1967

К изучению четвертичных отложений и палеолита Монголии. - БКИЧП, № 33.

Пальшин Г.Б.

1963

Инженерно-геологические свойства пород. - В кн.: Братское водохранилище. Инж.геология территории. М.

Паничкина И.З.

1959

Палеолитические нуклеусы (Экскурс в область первобытной техники обработки камня). - Археол. сб./Гос.Эрмитаж, вып.1.

Панов Д.Г.

1933

Полигональные образования Канинской тундры. - Изв./ГГО, т.65, вып.4.

Петри Б.Э.

1914

Вторая поездка в Предбайкалье. - Изв./Рус.ком. для науч.средн. и вост.Азии. Сер.2, вып.3.

1921

Неолитическая колония в бухте "Песчаная" на Байкале. - Сб.тр.проф.и преп./Иркут.ун-т, вып.2.

1922 а

Первые следы доисторического человека в Сибири. - Вестн.просвещения, № 2.

1922 б

Далекое прошлое бурятского края. Иркутск.

1922 в

Свчинников как археолог. - Сиб.огни, № 4.

1923

Сибирский палеолит. - Сб.тр.проф.и преп./Иркут.ун-т, вып.5. Науки гуманитар.

1926

Сибирский неолит. - Изв.БГНИИ при Иркут.ун-те, т.3, вып.1.

- Петри Б.Э.
1927 Сибирский палеолит. Атлас. (Рис. М.М.Герасимова). Иркутск.
- 1928 Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-попул. очерк. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск.
- Подгорбунский В.И.
1925 Итоги и задачи археологических изысканий в пределах Восточной Сибири. - В кн.: Сибирская живая старина, вып. 3-4.
- 1928 а Вопросы археологических изысканий в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районах. - В кн.: Тр. 1 Сиб. краев. науч.-исслед. съезда. Новосибирск, т. 5.
- 1928 б Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска, летом 1924 г. - Изв./ВСОРГО, т. 54.
- Попов А.В.
1927 Очерк палеозоологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет (1851-1926 гг.). - Изв./ВСОРГО, т. 50, вып. 1.
- Попов А.И.
1960 Перигляциальные образования Северной Евразии и их генетические типы. - В кн.: Перигляциальные явления на территории СССР. М.
- Равский Э.И., Александра Л.П., Вангенгейм Э.И. и др.
1964 Антропогенные отложения юга Восточной Сибири. М. (Тр./Геол. ин-т АН СССР, вып. 105).
- Равский Э.И., Цейтлин С.И.
1965 а Геология енисейского палеолита. - В кн.: Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М.
- 1965 б Геологическая периодизация памятников палеолита Сибири. - В кн.: Основные пробле-

мн изучения четвертичного периода. М.

- Руденко С.И.
1947 Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Л.
- 1960 Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка. - МИА, № 79. Палеолит и неолит СССР, т.4.
- Свинин В.В.
1966 Археологические исследования на Северном Байкале в 1963-1965 гг. - Отчеты археол. экспед. за 1963-1965 гг. Иркутск.
- 1976 У истоков рыболовства на Байкале. - Изв. ВСОГО, т.69.
- Семенов С.А.
1953 Каменные ретушеры позднего палеолита. - МИА, № 39.
- 1957 Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л./МИА № 54.
- Соколов Н.И.
1957 Геологическая история Восточной части Иркутского амфитеатра в антропогене как основа инженерно-геологического районирования его территории. - Тр./Лаб. гидрогеол. проблем АН СССР, т.14.
- Сосновский Г.П.
1932 О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгиской Даурии. - Сообщ. ГАИМК, № 11-12.
- 1933 Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье. - Тр./Комис. по изуч. четвертич. периода, т.3, вып.1.
- 1934 Палеолитические стоянки Северной Азии. - В кн.: Тр.П. Междунар. конф. М.; Л.

- Сосновский Г.П.
1940 Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири. - КСИИМК, № 7.
- Сумгин М.И.
1937 Вечная мерзлота почвы в пределах СССР. М.; Л.
- Толстов С.П.
1931 Проблемы родового общества. - СЭ, №3-4.
1932 Очерки первоначального ислама. - СЭ, № 2.
- Хруцкий О.В.
1964 Реликты трещинно-полигональных льдов в нижней части долины р.Оби. - В кн.: Проблемы палеогеографии и морфогенеза в полярных странах и высокогорье. М.
- Цейтлин С.М.
1965 О расчленении последнего ледникового Сибири. - В кн.: Четвертичный период и его история. М.
- Чайлд Г.
1952 У истоков европейской цивилизации. М.
- Чарушин Г.В.
1963 Основные черты тектоники. - В кн.: Братское водохранилище. Инж. геология территории. М.
- Шамсутдинов В.Х.
1966 Новая верхнепалеолитическая стоянка в Забайкалье. - ВКИЧП, № 32.
- Щукин Н.
1965 Материалы для сибирской библиографии. - В кн.: Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. Иркутск.

- Chard Chester S.
1958 An Outline of the Prehistory of Siberia.
- Southwestern Journal of Anthropology,
vol.14, No.1.
- Chard Chester S.
1966 Northeast Asia. - Asian Perspectives, vol.
VIII, No.1. Hong Kong.
- Hayashi K.
1968 The Fukui Microblade technology and its
relationships in Northeast Asia and North
America. - Arctic Anthropology, vol.V,
No.1. Madison.
- Jochelson W.
1928 Archaeological Investigations in Kamtchatka.
- Carnegie Institution of Washington.
- Mason Otis T.
1889 The Ray Collection from Hupa Reservation.
- Smithsonian Report, 1886, p.1. Washing-
ton.
- Mason Otis T.
1894 North American bows, arrows, and Quivers.
- Smithsonian Report, 1893. Washington.
- Morlan R.E.
1968 The preceramic period of Hokkaido: An out-
line Arctic anthropology, vol.1V, No.1.
Wisconsin.
- Murdoch John V.
1892 Ethnological results of the Point Barrow
Expeditions. - Ninth Annual Report of the
bureau of Ethnology to the Secretary of
the Smithsonian Institution 1887-88. Wa-
shington.
- Nelson E.W.
1899 The Eskimo about Bering Strait. 18 th. -
Annual Report of the Bureau of American
Ethnology. Part 1. Washington.

- Serizawa Ch., Ikawa F.**
1958 The oldest archaeological materials from Japan. - Asian perspectives, vol.II, No.2.
- West F.H.**
1963 Leaf-shaped points in the Western Arctic. - Anthropological Papers of the University of Alaska, vol.10, No.2.
- Willey Gordon R.**
1966 An Introduction to American Archaeology. Vol.1. North and Middle America. New Jersey.
- Wilson Thomas, L.L.D.**
1899 Arrowpoints, spearheads and knives of pre-historic times. - Annual Report of the Smithsonian Institution, 1897. U.S.National Museum, 1. Washington.
- Yoshizaki M.**
1960 The Tachikawa site (summary). - Hakodate Municipal Museum Research Bulletin, No.6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛ ИГУ	- Археологическая лаборатория Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова
БКИЧП	- Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БКИНИ	- Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
ВСОГО	- Восточно-Сибирский отдел Географического общества СССР
ВСОРГО	- Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ГАИМК	- Государственная академия истории материальной культуры
ГАИО	- Государственный архив Иркутской области
ГГО	- Государственное географическое общество
ГИМ	- Государственный ордена Ленина исторический музей
ИИФФ	- Институт истории, филологии, философии Сибирского отделения АН СССР
ИРОМ	- Иркутский областной музей краеведения
ИИМК	- Институт истории материальной культуры
КАЭ ИГУ	- Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова
КСИИМК	- Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛО ИА	- Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП	- Московское общество естествоиспытателей
РГО	- Русское географическое общество
РКМ	- Республиканский краеведческий музей, г. Якутск
СА	- журнал "Советская археология"
СЭ	- журнал "Советская этнография"

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
А к с е н о в М.П., О к л а д н и к о в А.П. История исследования Верхоленской Горы	8
И в а н ь е в Д.Н., Ц е й т л и н С.М. Гео- логические условия залегания культурных остатков на Верхоленской Горе I	25
А к с е н о в М.П. Археологическая стратигра- фия в послонное описание инвентаря Верхоленской Горы I	45
Д е ж н е н к о И.Л. Итоги изучения мезолити- ческого памятника Верхоленская Гора II	94
<u>Г е о р г и е в с к и й А.М.</u> , М е д в е д е в Г.И. Мезолитическая стоянка Царь-Девуца	103
С в и н и н В.В. Позднемезолитическая стоянка Лисиха	116
Литература	124
Список сокращений	139

Мезолит Верхнего Приамгарья
Памятники Иркутского района
Сборник научных трудов

Редактор Т.И.Сизых
Корректоры О.В.Самсонова, Г.А.Иванова

Подписано к печати 17.12.80. № 00250. Формат бумаги 60x90^{I/16}.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л, 12. Уч.-изд. л.
10 со прил. Тираж 700 экз. Заказ 246с. Цена 80 к. Темплан 1980 г.,
поз. 548

Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного
университета им.А.А.Жданова, г.Иркутск,бульвар Гагарина, 36

Ангарская городская типография, г.Ангарск, ул. Мира, 18